

МО
ССА
ЛИТ

BAZAR

С
К
И
Й

№ 1 (23) 2017

Журнал Московского Салона Литераторов www.mossalit.ru

*Tous les genres sont bans,
hors le genre ennuyeux.*

*Все жанры хороши,
кроме скучного.*

Журнал выходит в рамках
проекта «МОССАЛИТ»,
руководитель проекта
Ольга Грушевская

Главный редактор
Светлана Сударикова
Редактор-корректор
Ирина Чижова

Художественный редактор
Ольга Грушевская

Редакционный совет
Анна Народицкая
Зинаида Кокорина

Для писем
mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ

Колонка главного редактора

Воспоминания и размышления

Мне всегда было интересно, каким образом наша память отбирает для своих хранилищ события. Почему что-то мы забываем, а что-то помним всегда? Безусловно, есть вещи, которые играют в нашей жизни заметную роль: выпускные вечера, важные встречи, первая любовь, свадьбы, разводы, похороны, рождение детей. Это важно. Это то, из чего и состоит наша жизнь. Но есть и другие воспоминания. В них вроде бы нет ничего особенного и важного на первый взгляд, но почему-то память заботливо бережет их. Они могут быть плохими и хорошими, мгновенными и растянутыми во времени, а то и просто ощущениями: брызнувшие из-под сосульки искры солнечного света на крыше подъезда, ледяная горка, морские волны, набегающие на песок. Их ведь много,

таких моментов, похожих один на другой, а запоминаются лишь некоторые. Зачем? Почему? Может быть, они имели какое-то невероятное значение? Мы этого не поняли, а они повели нас иными тропами, сместили пласты судьбы, развернули вспять...

Лето. Дождь. Мне лет семь. Я стою на крылечке в доме моей деревенской подружки. Крылечко совсем маленькое: несколько ступенек и небольшая площадка – только чтобы вытереть ноги. В дом почему-то не пустили. Не знаю, не помню почему. В дом не всегда пускали. И вот я стою на этом крылечке и переживаю дождь. Он очень сильный и хлесткий. Ливень. Капли бьются о деревянные перила, отскакивают, рассыпаются мелкими шариками. С крыши в специально поставленные ведра льются потоки воды – потом этой водой будут поливать огород. А зелень такая блестящая и мокрая! И мне хорошо. Просто хорошо – я это помню. Вот такое мгновение из жизни. Почему я его запомнила? Что в нем особенного? Ведь таких дождей в моей жизни – и до, и после – было много. А запомнился именно этот. Но ведь для чего-то... Какую-то важную миссию оно несет, это мгновение, а иначе как оно оказалось среди сохраненных памятью воспоминаний? Но какую? Ведь это всего лишь дождь. Капли, которые срываются с тучи и, пролетая мимо меня, шлепаются на траву. А я просто ловлю их взглядом. Маленькая девочка среди ливня в летний день....

Какой-то мудрый японец сказал, что жизнь – это те моменты, которые мы запомнили навсегда. Можно прожить долгую по меркам пройденных лет жизнь, а на деле и вспомнить нечего. А бывает так, что человек проживает недолго, но жизнь его столь насыщена событиями, что у других и в три жизни не влезет. Сам ли человек решает, каким быть его пути, или это известно заранее? Или кто-то решает за нас? Думаю, как бы ни была фатальна судьба, всё же мы участвуем в этом движении, наполняем событиями, друзьями, врагами. И во многом именно от нас зависит, на что уходят дни – на пустую, бессмысленную болтовню или на размышления, открытия, действия. Зависит от нас. Потому что ежедневные графики всё же составляем мы сами. Так пусть же в нашей жизни будет побольше воспоминаний, пусть даже таких, казалось бы, неважных, как дождь в летний день, или полет бабочки, или капля росы в чашечке цветка... Это и есть мы!

Ваша Светлана Сударикова

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕРНИСАЖ МВ

ИГОРЬ БУРДОНОВ (МОССАЛИТ, Москва)

- СЛУЧАЙНО ВМЕСТЕ ВЕЧНО. Эссе к циклу акварелей и хокку, представленных в номере

5

ПРОЗА

АЛЕКСАНДР СТРЕЛЬЦОВ (Москва)

- ЛЯГУШОНКИНА ШУБКА

МАРИ ВЕГЛИНСКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- ТЕНИ ЗАБЫТЫХ ПИРАТОВ

ОЛЕГ ЧЕРНЯК (ПЕРМЬ)

- ШАХМАТИСТ

ЕВГЕНИЯ ДЕРИЗЕМЛЯ (Украина, Кременчуг)

- МАСЛЕНИЦА-МОКРОХВОСТКА

ИГОРЬ КОЛЕСНИКОВ (Иркутская обл., Ангарск)

- СОЛДАТИКИ

6

32

40

44

49

ПОЭЗИЯ

ЕВГЕНИЙ АГУФ (МОССАЛИТ, Москва)

ЛЮДМИЛА СВИРСКАЯ (Чехия, Прага)

ОЛЬГА УВАРКИНА (МОССАЛИТ, Москва)

ВИКТОР ПЛЕШАКОВ (ЁЖ) (Москва)

АЛЕКСАНДР СУХИХ (МОССАЛИТ, Москва)

54

58

61

66

75

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЛИКБЕЗ

ОЛЬГА ГРУШЕВСКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- «СЕМЬ ТЕТРАДЕЙ ЖИЗНИ» – СЕМЬ ШАГОВ К НАПИСАНИЮ МИНИАТЮРЫ

79

ПРОЗАИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

ИГОРЬ БУРДОНОВ (МОССАЛИТ, Москва)

ОЛЬГА ГРУШЕВСКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

МИКАЕЛ АБАДЖЯНЦ (МОССАЛИТ, Москва)

90

97

99

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

МИКАЕЛ АБАДЖЯНЦ: «ФОТОГРАФИЮ Я ОТКРЫЛ ДЛЯ СЕБЯ КАК НОВЫЙ ВИД МЫШЛЕНИЯ». Интервью с автором цикла фоторабот «Черно-белые грезы»

101

ПИЛИГРИМЫ

ГАЛИНА СТЕЦЕНКО (Москва)

- СОГРЕТЫЙ РОСТОК

ОЛЕГ БУНТАРЕВ (Волгоградская обл., Камышин)

- САНИТАРКА

ЕЛЕНА ИГНАТОВ (Хакасия, Абакан). Стихи

ЭДУАРД ФИЛЬ (Самара), руководитель и организатор

Международного Грушинского интернет-конкурса. Стихи

109

115

119

122

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

ЛЮБОВЬ ГАРКУША (Сербия)

- ВЕДА И ЗАЙЧОНОК

- УМКА И ФАЗАНЫ

- ЗЕМЛЯНИКА

126

128

130

ЗООКОММУНАЛКА

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ОТ РЕДАКЦИИ МВ

ЕВГЕНИЙ АГУФ (МОССАЛИТ, Москва). Стихи

ОЛЬГА ГРУШЕВСКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- ПОЛЕТ

ОЛЬГА ДЁМИНА (МОССАЛИТ, Москва)

- ТРЕХЦВЕТНОЕ СЧАСТЬЕ

133

134

135

137

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведет АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- КАК АУКНЕТСЯ, или ПРИВЕТ ЭЙНШТЕЙНУ

139

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

АЛЕКСЕЙ КАЗАРНОВСКИЙ (МОССАЛИТ, Москва)

- ХРОНИКИ ШКИПЕРА

142

В оформлении журнала использованы репродукции картин
М. К. Эшера, И. Бурдонова, рисунок А. Народицкой, С. Колобкова,
Фотоработы Микаела Абаджянца,
фотографии издомашнего архива А. Казарновского.

На обложке репродукция картины
Игоря Бурдонова
«Мы пьем сон-воду:
Смесь воздуха и света
С поллитром лета».
Акварель, бумага, 2005 г.
Подписи (хокку, танка) под картинами
И. Бурдонов

ВЕРНИСАЖ МВ

Игорь Бурдонов

(МОССАЛИТ, Москва)

СЛУЧАЙНО ВМЕСТЕ ВЕЧНО¹

Люди, как и деревья, встречаются случайно и остаются вместе на всю жизнь.

Они не могут и на шаг отойти в сторону.

Дерево – потому что его держит земля, в которую оно пустило свои корни.

Человек – потому что его держит память, из которой растут его мысли и чувства, из которой растет он сам.

Встреча всегда случайна.

Память неба и земли, так же как память человека, состоит из этих моментальных фотографий.

Что бы ни было потом, как бы ни разбросал ураган жизни людей и деревья, в памяти они навечно вместе.

Пока это так, люди и деревья живы.

Вот, казалось бы, одинокое дерево: березка посреди поля или сосна на горном обрыве. Но подойдите ближе и вы увидите: вот рядом старый пень, а вот новый росток – два-три листочка, две-три хвоинки – будущее дерево.

Так что, в сущности, одиночество – это тоска по новым встречам.

Вот и в нашей Липовке: разве мог бы человек жить здесь один? Только вместе или, как говорили в старину, миром.

Земля и небо Липовки так просторны, что здесь хватает места для всех и всего.

Сегодня ты можешь оказаться в веселой компании у кого-нибудь в гостеприимной избе или на простом крыльце, где тебе и другим хорошо. И пусть подчас гости с трудом помещаются кто где и кто как: в тесноте – не в обиде.

А завтра ты уже вкушаешь тишину и покой где-нибудь на лесной дороге, посредине цветущего луга или на берегу молчаливой Старицы. И даже если кто-нибудь случайно пройдет мимо и издали махнет рукой, это только подчеркнет твое уединение.

Даже Липовское кладбище не похоже на обычные фабрики смерти. Так что приходится объяснять: вон та березовая роща – вовсе не лес, это и есть кладбище. Место, где живут те, кто уже ушел.

А те, кто еще остался, это мы: люди, случайно встретившиеся в Липовке. И остающиеся вместе. Как деревья в лесах и рощах Липовки.

Липовка, май-август 2005

¹ Эссе к циклу акварелей и хокку, представленных в номере.

ПРОЗА

Александр Стрельцов
(Москва)

ЛЯГУШОНКИНА ШУБКА

Дочери Полине

1

Рассказывают, что некогда, почти сто лет назад, во французской Бретани, где-то на границе департаментов Иль и Вилен и Нижняя Луара, на полпути между Нантом и Ренном, ближе к Ренну, в одной из маленьких деревенок жил со своей матерью молодой человек по имени Алан Гелен. Он занимался достойным бретонца делом: выращивал свиней, пшеницу и яблоки, держал в саду несколько пчелиных ульев. Как истинный бретонец, упрямо предпочитал соломенную бретонскую шляпу парижскому кепи, уважал сельского кюре и очень любил гречишные блинчики с медом, которые его матушка умела готовить, как никто другой.

Алан слыл в округе грамотным и культурным человеком. Почтальон приносил ему местную газету, и Алан пересказывал соседям все провинциальные новости из нее. Еще в доме у молодого человека хранилась книга господина Гюго «Труженики моря», которую он прочитал, чем очень гордился и говорил, что это единственная хорошая книга на свете, поскольку в ней написано о труде бретонских рыбаков.

Алан вел трезвый образ жизни – а другой среди земледельцев и невозможен, – осуждал пьяниц, но время от времени позволял себе купить бутылку вина с единственной, кажется, целью. Он пробовал вино и неизменно говорил: «Не понимаю, что особенного находят в этом вине из региона Прованс, Лангедок или, скажем, Бордо. Оно неплохое, но очевидно уступает нашему яблочному сидру».

Отец Алана погиб под Верденом, когда германцы устроили там вселенскую мясорубку, но его фотография, сделанная за год до войны, висела у Алана в комнате и матушка всякий раз напоминала ему, чтобы он не забывал помолиться за упокой души «нашего героя».

Однажды вечером, когда Алан отужинал, запив тушеную фасоль домашним сидром, матушка отложила вязание и обратилась к нему:

– Сынок! Ты так много работаешь, просто вылитый отец! Но одна забота не дает радоваться моей душе вполне, глядя на тебя. Твой героический отец женился на мне, когда ему было двадцать три года. А тебе пошел двадцать четвертый... Ты даже ни за кем не ухаживаешь. Мне неудобно перед людьми, я не знаю, что им отвечать. Третьего дня наш кюре, падре Доменик, также тактично поинтересовался, всё ли в порядке с моим сыном?

– Но, мама, я и не думал об этом.

– Ты правильно делал. Об этом подумала я. Иначе для чего же нужна мать, если не для того, чтобы найти своему сыну достойную жену? Ты ведь знаешь семью месье Жака, шорника, что живет по дороге на Шатобриан? У них неплохое хозяйство, есть земля и единственная дочь.

– Вивьен? Но она совсем маленькая!

– Давненько ты их не навещал! Была маленькая. На днях, через семь с половиной месяцев, ей исполняется восемнадцать лет. Она очень похорошела, но при этом осталась живой и веселой как ребенок. Замечу тебе еще, что Вивьен – неутомимая работница, приветливая и ласковая девушка. Она меня вполне устраивает. Я сосватала ее за тебя.

– Мама! Как вы могли? Не спросив? Не узнав моих желаний?

– Я знаю твои желания, сынок! Самое главное из них – обеспечить своей матери спокойную безбедную старость. Разве не так?

– Да... Так... Но всё-таки...

– И ты учти, тебе теперь не придется платить за ремонт хомутов и упряжи. Твой тесть будет это делать бесплатно. Кроме того, месье Жак дает за дочь некоторую, не такую уж маленькую, сумму денег и новую коляску на мягких резиновых шинах. Мать Вивьен Шарлотта, моя давнишняя подруга, шепнула мне, что очень рада твоему выбору, ты серьезный и ответственный человек. Она, в свою очередь, позаботится о том, чтобы молодые не спали на колючих соломенных тюфяках и не укрывались овечьими шкурами. И еще учти. Такая красивая и ладная девушка, как Вивьен, в девках не засидится. Я узнала, что толстый Жорж, сын пекаря, тоже имеет на нее виды.

– Ну мама, только не Жорж! Ты помнишь, как в детстве он дразнил меня осликом и я за это разбил ему нос?

– Помню. Думаю, что мы не должны отдать красавицу Вивьен толстяку Жоржу.

– Не должны, мама! Давайте быстрее объявим о помолвке!

Вивьен обрадовалась известию о том, что скоро станет женой Алана. Оказывается, она давно заметила несуетливого, обстоятельного силача из соседней деревни. Вивьен так и сказала, когда Алан с матушкой приехали договариваться о помолвке: «Я мечтала о тебе с того самого дня, когда ты впервые привез отцу зашить два хомута и заказал изготовить новые вожжи». От этих слов Алану стало так хорошо, словно его накормили гречишными блинчиками с медом. Он тут же решил, что будет любить Вивьен больше жизни и сделает для нее всё, что она только пожелает.

Права была матушка: за два года, что Алан не заезжал к шорнику, его дочь совершенно преобразилась. Подростком она сутулилась, стараясь спрятать растущую грудь, ступала тяжело и неуклюже, много хмурилась и почти не разговаривала с Аланом, чтобы он не заметил ее слишком большой рот.

Сейчас Вивьен подросла и выпрямилась, развела плечи, научилась держать голову прямо и гордо. В черных волнистых волосах Вивьен, словно императорская корона, сияла кружевная накладка. Природа исправила все подростковые неверные пропорции его невесты, и Алан даже сглотнул слюну, увидев, какая восхитительная девушка вышла ему навстречу. Только рот был по-прежнему несколько великоват, однако это обстоятельство теперь вовсе не портило внешности Вивьен, наоборот, придавало ей неповторимое очарование. «Лягушонок, – подумал про себя Алан. – Но очень милый лягушонок».

После свадьбы Алан рассказал молодой жене об этом своем первом впечатлении и сказал, что будет ласково называть ее «лягушонком». «Лягушонок! Прелестно! Прелестно! Только, смотри, не съешь меня!» – Вивьен радостно рассмеялась.

Прожив с молодыми еще около двух с половиной лет, понянчив внука и внучку, убедившись, что жену для своего сына она подобрала совершенно подходящую, мадам Гелен заявила, что очень скучает по «своему герою» и скоро оставила этот мир, надеясь на встречу с мужем в райских кущах.

Приближалась третья годовщина свадьбы Алана и Вивьен. Алан, будучи в добрейшем расположении духа, спросил, какой подарок желала бы получить жена к этой знаменательной дате.

– Спасибо тебе, мой самый дорогой, самый заботливый, самый лучший на свете муж! – обрадовалась Вивьен. – Когда рядом такой мужчина, как ты, не нужны никакие подарки.

– Нет, – заупрямился польщенный Алан. – Без подарка всё же нехорошо. Не подарить ли тебе украшения или модный парфюм?

– Свины не оценят украшений, а пчел на пасеке только разозлит аромат парфюма. Но если ты действительно очень хочешь сделать мне подарок, то подари мне шубку.

– Шубку?! – у Алана был такой вид, словно молодая кобыла Луиза попросила связать ей варежки.

– Да! Серенькую, мягонькую шубку, в которой я буду похожа на котенка, – Вивьен подбежала и обняла Алана. – На ласкового котенка. Мур-мур!

– Ты только что сказала, что кольцо и флакон духов неуместны в сельской обстановке. Где же ты собираешься носить шубку? У нас не бывает морозов.

– Не знаю, – пожала плечами Вивьен. – Просто хочется, чтобы она у меня была. Чтобы я знала, что в шкафу висит серенькая мягонькая шубка, которую мне подарил муж. Где ее носить? Если будет шубка, то зимой, когда ты не слишком занят по хозяйству, мы сможем поехать на побережье. Ты сам будешь собирать устриц, а я буду идти рядом. На нас будут смотреть. Мужчины будут восхищаться мной и завидовать тебе, потому что у тебя есть такая красивая жена, а у них нет. Женщины будут восхищаться тобой и завидовать мне, потому что ты любящий и щедрый муж, если подарил своей жене такую роскошную шубку. А на побережье зимой, я слышала, дуют сильные холодные ветра.

– Хитренький Лягушонок! – заулыбался Алан. – Сколько может стоить такой подарок?

– Несколько сот франков.

Алан перестал улыбаться.

– Несколько сот франков?

– Есть и за несколько тысяч, если ты считаешь цену слишком низкой, – Вивьен сделала невинное выражение лица и часто заморгала ресницами.

– Отчего же низкой? Хорошая цена, – поспешил согласиться Алан. – Осенью продам яблоки, мясо и можно будет ехать в город за шубкой.

– Милый! Ты самый лучший! – воскликнула Вивьен и бросилась обнимать мужа. – Что тебе приготовить на ужин?

Вот подошло время, приехал скупщик и забрал свиные туши. Сняли урожай из яблочного сада, и Алан отвез его оптовику. Удалось продать и почти весь мед.

– Алан! – не отходила от мужа Вивьен, ласковая как никогда. – Куда мы поедем за шубкой? Может быть, в Париж? Я ни разу не была в Париже. И ни разу не ездила на поезде.

– Уф! – отдувался Алан. – Разве шубами торгуют только в Париже? И потом, ехать так далеко с детьми...

– За детьми присмотрит моя мама. А то она огорчается, что слишком редко видит внуков.

– Нужно подумать, – уклонялся Алан от прямого ответа.

В один из дней почтальон оставил в двери дома Гелен свежую газету.

– Посмотри! – воскликнул Алан, развернув ее. – Новое объявление. «Меховой магазин братьев Манукян в Ренне. Вся парижская мода в магазине братьев Манукян! Соболь, лиса,

песец, енот, норка, бобёр. Ассортимент тот же – цены ниже». До чего удобная вещь – газетное объявление! Открыл страницу – и сразу видно, кто что покупает, где что продают.

Вивьен обреченно вздохнула, сразу поняв, куда клонит муж.

– Не огорчайся! – сказал повеселевший Алан. – Съездим когда-нибудь и в Париж. Но ты только подумай! На сэкономленные от поездки средства мы сможем прикупить еще пару свиней!

3

Ради такого важного события – поездки в меховой магазин – быть кучером для Алана и Вивьен вызвался ее отец, месье Жак. Он запряг в коляску двух своих резвых лошадей, а сам надел праздничные черные штаны и белую рубашку.

Магазин братьев Манукян находился неподалеку от площади Ратуши, там, где и должен находиться не самый дешевый, следящий за своим престижем магазин. В витринах, как и положено, на деревянных подставках висели дорогие шубы, манто, накидки, воротники.

Месье Жак остался с лошадьми, а Алан с Вивьен вошли внутрь. Торговый зал был пуст, что Алану даже понравилось. Сразу видно: здесь предлагают товар, который стоит денег, что по карману далеко не каждому. Сюда заходят только солидные люди.

К ним поспешил продавец:

– Что желают мадам, месье?

– Нам нужна шубка, – ответил Алан.

– О! – расплылся в медовой улыбке продавец, словно услышал в свой адрес лестный комплимент. – Вот отличное предложение! – Продавец указал на один из рядов. – На днях получили из Парижа. Модели – изумительные. И цены прекрасные. От полутора до двух тысяч франков.

Алан погрустнел.

– Нет-нет, месье! – вмешалась Вивьен. – Это совершенно не то, что нам нужно. Нам нужна серенькая пушистая шубка, но не длинная, а такая, которая бы не закрывала колен. У вас есть такие?

– У нас есть всё, мадам! Пройдемте!

Продавец повел покупателей в дальний конец магазина.

– Здесь есть именно то, чего желает мадам. Взгляните на эту модель! Серо-голубая норка. Редкая и очень модная. Желаете примерить?

Продавец выхватил из ряда сероватую шубку и покрутил ее перед Аланом и Вивьен.

– Какой перёд! Какая спина! Какой изумительный блеск меха! Очень хорошая модель. Примерьте, мадам! Вам не захочется ее снимать!

Он помог Вивьен надеть шубку и проводил к зеркалу.

– Она велика мне! – огорченно воскликнула Вивьен.

– Немного просторна, – уточнил продавец. – Но шубы покупаются не на один год, мадам.

Вивьен рассмеялась:

– Верно. Но эта шубка будет мне в пору лет через пятьдесят.

Продавец тоже улыбнулся и сказал:

– Я посмотрю на складе. Возможно, есть эта модель меньшего размера.

Он повесил шубку Вивьен обратно на вешалку.

– Одну секунду, мадам, месье!

– Тебе понравилась? – спросила Вивьен мужа, когда продавец ушел.

– Да, – кивнул Алан. – Но сколько она может стоить?

Продавец скоро вернулся с выражением полного счастья на лице.

– Нашлась! Это именно то, что вам нужно.

Вивьен примерила принесенную шубку. Да, на этот раз шубка – как по ней сшита. Вивьен повертелась перед зеркалом. Ей очень идет этот мех, очень.

– Изумительно! – продавец даже прикрыл глаза, показывая, какое эстетическое наслаждение он испытывает, видя на мадам эту шубку.

– Что скажешь? – Вивьен весело посмотрела на Алана.

– Сколько это стоит? – озабоченно спросил тот.

– Пятьсот франков, – небрежно бросил продавец. – Всего пятьсот франков, месье, за чудную модель, которая так идет мадам.

На лице Алана изобразилось страдание.

– Позволь, дорогой, я сама, – сказала Вивьен и взяла продавца под руку. – Мне очень понравилась эта шубка. Вы прекрасно обслуживаете и угадываете желания покупателя. У вас несомненный талант коммерсанта. Я готова подтвердить это даже в присутствии владельцев магазина.

– Спасибо, мадам! Вы так любезны! – заулыбался продавец, даже не пытаясь отнять свою руку.

– Но, если бы вы сделали для меня небольшую скидку, я бы сказала, что вы достойны занять должность управляющего, – вкрадчиво продолжала Вивьен.

На этот раз продавец освободил свою руку:

– Мадам! Это невозможно!

– Четыреста франков, месье! – Вивьен умоляюще смотрела на продавца, взмахивая своими длинными густыми ресницами.

Продавец отвел взгляд:

– Четыреста восемьдесят, мадам! Как исключение лично для вас. И ничего, пожалуйста, больше не говорите. Четыреста восемьдесят – это предел моих полномочий.

– Но почему бы, дорогой друг, не договориться на четыреста?

– На этот вопрос сможет ответить только хозяин. Я, пожалуй, его позову!

К Вивьен подошел Алан.

– Как-то неудобно, милая...

Вивьен лукаво подмигнула мужу:

– Для чего тогда торговля, если не торговаться?

Через зал в сопровождении продавца к ним шел невысокий, плотный лысеющий мужчина в элегантном костюме-тройке. Походка, осанка, взгляд и непонятно для чего захваченная трость говорили о том, что перед вами важный господин, серьезный господин и очень занятой господин.

– Позвольте представиться: Арно Манукян, младший компаньон торгового дома «Братья Манукян». Служащий рассказал мне о сути вопроса. Я хорошо вас понимаю, мадам. Вы и ваш муж еще очень молоды, а в молодости каждый франк имеет значение. Но ваше стремление уже в эти годы одеваться красиво и дорого – это похвальное стремление, которое нужно поддерживать. Поэтому я устанавливаю для вас персональную цену – четыреста пятьдесят франков. Можете не благодарить. Я всё прекрасно понимаю.

Он повернулся, чтобы уйти, но в это время Вивьен вновь подала голос:

– Ведь мы приехали именно в ваш магазин, месье Манукян. Ехали далеко и долго за моей первой шубкой.

Арно Манукян остановился и неожиданно рассмеялся. Он дружески хлопнул по плечу продавца:

– Ну что ты с ней будешь делать! Четыреста тридцать, мадам, и это за то, что обеспечили мне хорошее настроение до конца дня.

– Может быть, подумаем и о завтрашнем дне, месье? – оживилась Вивьен.

– Нет, нет! – захохотал Манукян. – Больше ни единого сантима! Я сам беру эту модель за четыреста франков. Двадцать франков за перевозку. Должен же я получить хотя бы какую-то прибыль? Хотя бы десять франков! Так что носите и вспоминайте добрым словом Арно Манукяна!

Улыбаясь, он ушел.

– Вы очень благородный человек, – простонала ему вслед Вивьен.

– Прикажете упаковать? – Продавец сиял как газовый фонарь, ведь это благодаря ему у хозяина теперь такое прекрасное настроение.

– Не нужно, я ее надену.

Вивьен накинула шубку на плечи и направилась к выходу.

– Пройдете в кассу, месье, – пригласил продавец Алана.

«Прав был Арно Манукян, когда сказал, что нужно уступить, – думал продавец, наблюдая, как Алан отсчитывает деньги. – Как он сказал? Я плачу за рекламу в газете сто сорок франков в неделю. Сделав этой деревенской глупышке скидку в пятьдесят, даже в семьдесят франков, я оплачу ее восторженное мнение о нашем магазине, которым она поделится со всей округой. Молва – надежнее объявления. Рекомендация – это лучшая реклама. Помяни мое слово, через несколько месяцев к нам зачистят покупатели, которые тоже будут намекать на скидку. Мы так же будем им ее предоставлять, но всё меньшую и меньшую, одновременно немного увеличивая цены. Так что скидка, сынок, это не потеря прибыли. Это оплата доброй репутации».

Тесть, месье Жак, прыгнул с козел и склонился перед Вивьен в шутливом поклоне, широко разведя руки:

– Ваше величество!

Он, как каретный гайдук, подставил руку, чтобы Вивьен оперлась на нее, поднимаясь в коляску.

– Ай да зятек! – приветствовал он подходящего следом Алана. – В таком подарке дочь старого Жака затмила бы и саму королеву! Давайте-ка заедем в мясную лавку и возьмем ветчины и колбасок, уж больно они здесь хороши. Затем в рыбном магазине попросим с собой самых свежих устриц и напоследок купим пару бутылочек вина. Одну под устрицы и одну под ветчину. Такой подарок нужно отпраздновать.

Месье Жак тронул и не спеша пустил лошадей по улице. Ему яростно сигналили шоферы, чтобы уступил дорогу, но месье Жак только улыбался им: он же везет королеву, ему негоже торопиться.

На обратном пути разговаривали мало. Все были очень довольны и погружены в свои мысли.

Месье Жак думал о том, как обрадуется жена, увидев дочь в новом наряде, и какой молодчина всё-таки этот парень Алан, что не пожалел для жены таких больших денег. Он тихонько хихикал, представляя лица прихожанок, когда Вивьен придет в шубке на праздничное богослужение.

Вивьен думала о том, что шубка ей очень идет и она в шубке диво как хороша. Теперь нужно запастись цветов пижмы, чтобы переключивать ими шубку, иначе мех попортит моль. Еще она думала о муже, что очень любит его.

Алан думал о том, как ловко его жена обвела вокруг пальца хозяина мехового магазина и на ровном месте выторговала семьдесят франков. Ей, пожалуй, можно теперь поручать

некоторые не особенно важные сделки. Он представил, какой сегодня ласковой будет Вивьен, когда они, поужинав у тестя, приедут домой и когда уснут дети. Он заерзал в нетерпении и пожалел, что лошади не могут бежать в десять раз быстрее.

Лошади, казалось, тоже были довольны. Месье Жак громогласно объявил, что вечером задаст каждой двойную норму свежего душистого сена, и лошади вроде бы поняли своего хозяина.

4

За всю зиму Вивьен надевала шубку четыре раза. В первый раз – на рождественское богослужение. И произвела, как и надеялся ее отец, очень сильное впечатление на односельчан, особенно на односельчанок. Ею восхищались и поздравляли с замечательной обновкой, а Алана хвалили за заботу о жене. Тогда же Вивьен, как и предполагал Арно Манукян, рассказала о замечательном меховом магазине в Ренне, после чего жена пекаря принялась смотреть на мужа пристальнее обычного.

Во второй раз – на рождественской неделе, когда они с Аланом направились в Нант навестить его тетку, которая жила там в съемной квартире с рыжей кошкой и всегда радовалась их деревенским подаркам. Вивьен положила в корзину копченого мяса, домашних колбасок, поставила горшочек меда и бутылку хмельного шушена, который тетка очень любила. Алан купил бутылку лучшего в деревне кальвадоса, от которого, как он утверждал, тетка тоже никогда не отказывалась. Еще он положил в коляску полмешка сладких яблок. Они хотя и потеряли немного во вкусе, пока хранились, но выглядели вполне прилично.

В третий раз Вивьен нарядилась, когда они всё же собрались с детьми на побережье. Однако по дороге раскапризничалась маленькая дочка, и Вивьен встревожилась, как бы она не захворала. Не доехав до моря и переночевав в Редоне, чета Гелен наутро повернула обратно.

В четвертый раз, в феврале, когда было совсем тепло, Вивьен накинула шубку на плечи, чтобы своим видом порадовать свекровь, когда они всей семьей прибыли поздравить ее с днем ангела.

Вивьен, сообразуясь со временем года, собиралась достать из сундука летние вещи и убрать туда шубку, переложив ее лавандой и пижмой, но март выдался теплее обычного, нужно было успеть управиться с землей, выполнить все весенние садовые работы, и Вивьен решила, что шубка подождет.

Цвели сады, когда Вивьен встретила вернувшегося с полей Алана с каким-то озабоченным видом.

– Что-то ты не в себе, – заметил Алан, намыливая лицо возле умывальника. – Что-то с детьми или просто устала?

– Собралась сегодня наконец-то убрать шубку, а ее не оказалось.

Алан смыл с лица пену и, словно только-только осознав сказанное женой, удивленно переспросил:

– Как так «не оказалось»? Где не оказалось?

– В шифоньере, в спальне. Она там висела, а теперь ее там нет.

– Где же она?

– Не знаю, – Вивьен пожала плечами.

– Куда-нибудь перевесила и забыла куда.

– Я посмотрела везде. Понимаешь? Везде! Я даже спускалась в погреб, хотя в погребе шубки не могло быть ни за что на свете.

– Ты спрашивала детей? Может быть, они брали играть?

- Я спрашивала. Они не брали.
- Куда же она делась, Вивьен?
- Она пропала, Алан!
- Ты хочешь сказать, что ее могли украсть?
- Я могу только сказать, что она пропала.

Алан нервно заходил по комнате.

– Но кто это сделал? Не думаю, что кто-то из нашей деревни. Хотя ручаться, конечно, ни за кого нельзя. Шубка совсем новая. Если ее продать за четыреста, даже за триста пятьдесят франков, получатся очень неплохие для деревни деньги. В таких случаях ведь положено заявлять в жандармский участок? Верно, Вивьен?

Вивьен заколебалась.

– Да, хотя... Ты подумай, что будет, если в деревню придет сержант? Он начнет ходить из дома в дом и спрашивать у каждого жителя, не он ли украл шубку? Что подумают соседи о тебе, и как мы будем жить здесь дальше?

– Ты правильно говоришь. Жандармов вызывать нельзя, – согласился Алан. – Нужно придумать что-то другое.

– Я не знаю, – сказала Вивьен.

– Я придумаю, – пообещал Алан.

Уснуть Алан не мог очень долго. Он перебирал в уме соседей и соседок и спрашивал себя, способен ли этот человек на воровство? Всякий раз у него выходило одно и то же: нет, пожалуй, не способен, однако, кто же его на самом деле знает? Алан совсем измучился и даже собирался встать и налить рюмку кальвадоса, который держал для гостей, чтобы, выпив, забыться до рассвета. Но тут он вспомнил, что недели две назад, отъезжая от дома, заметил, как к ним направлялась Кобылица. Тогда он даже не задумался над этим. Кобылица заходила к ним каждую неделю, а то и чаще, со своей неизменной огромной бельевой корзиной.

Кобылицей между собой жители деревни называли односельчанку Мари Пети за большой рост, плотное телосложение и на редкость некрасивое лицо. Мари не вышла замуж, сдавала свою землю в аренду и прирабатывала стиркой. Стирала она чисто, и Вивьен, с согласия Алана, отдавала ей в стирку постельное белье и кое-какие вещи из одежды.

Тогда, увидев ее, Алан решил, что Кобылица идет забрать очередную работу, и спокойно поехал по своим делам. Но теперь он подумал иначе. Ведь шубка вполне могла поместиться в корзину Мари, и ничего не стоило прикрыть ее сверху бельем. Вивьен очень доверчива. Кобылица, скорее всего, чем-то отвлекла внимание жены. Может быть, попросила продать ей немного сыра. Вивьен ушла в погреб, а в это время... Но зачем Кобылице шубка? Она никуда не выезжает из деревни, а здесь продать шубку никому не сможет. Однако... В памяти Алана возникла еще одна важная подробность. Мари в тесных отношениях с забулдыгой Симоном. Говорят, что тот время от времени ночует у нее. А вот Симон... Это совсем другое дело. Симона недолюбливала вся деревня, как недолюбливают человека, который не занимается земледельческим трудом и живет непонятно на какие средства. Сам Симон говорил, что распродает наследство, которое осталось от родителей. Иногда к нему действительно приезжал старьевщик. Но кто знает, старьевщик ли? У него собирались такие же, как и он, окрестные забулдыги, и деревне это тоже не нравилось. Дружки ли это? Жандармский сержант, который присматривал за деревней, сказал, что Симон не совершает ничего противозаконного, на этом разговоры и утихли.

Не могла ли Мари выкрасть шубку по просьбе Симона? Алан был почти уверен, что напал на верный след. Нужно с утра поинтересоваться у Вивьен, не приобретала ли Кобылица в последнее время каких-то новых вещей и вообще, не тратила ли больше того, чем тратит

обычно. И нужно сделать еще кое-что. Теперь Алан точно знал, что именно. Теперь у него возник план.

Вивьен удивилась, увидев с утра не озабоченного, как она ожидала, а веселого, почти что беспечного, мужа. Выпив с шутками и прибаутками кофе, он заявил ей, что возникла срочная необходимость ехать в Ренн, он прямо сейчас туда и отправится, к вечеру надеется возвратиться. Еще он спросил про Мари, не хвасталась ли она в минувшую пару недель перед кем-то из жителей неожиданными покупками.

– Ты думаешь, это Мари? – прямо спросила Вивьен. – Это не она.

– Почему ты в этом уверена?

– Мари – честная женщина. Она несчастна, верно. Но неверно думать, что совесть есть только у счастливых людей.

– Бывают обстоятельства, – неопределенно проговорил Алан, не развивая тему дальше.

Вивьен отрицательно покачала головой, но промолчала.

5

План Алана был прост, даже наивен, но казался самому Алану глубоким и безупречным. Алан верил в силу газетных объявлений и решил, что если обращаться к жандармам не годится, то нужно дать газетное объявление в разделе «Разыскивается». Непременно нужно поместить туда изображение шубки, чтобы люди понимали, на что именно следует обращать внимание. Нашедшему пропажу он пообещает вознаграждение в сто франков или даже в сто пятьдесят.

Он сам покажет газету с объявлением всем жителям деревни, и Симон, разумеется, поймет, что лучше получить сто пятьдесят франков и остаться на свободе, чем триста пятьдесят и, возможно, оказаться в тюрьме. Пройдет несколько дней, и кто-нибудь из дружков Симона «найдет» шубку... Неважно где, неважно кто, главное, что найдет.

Дело было за рисунком пропавшей шубки. Алан вначале задумался, где услуги художника обойдутся ему дешевле: в Ренне или Нанте, но, решив, что Ренн всё же главный город провинции, там выходит газета, да и художников там наверняка больше, а значит, будет из кого выбрать и с кем поторговаться по поводу цены за заказ, поехал в Ренн.

Адрес редакции он помнил – это была одна из улиц в центре города. Однако ехать туда в повозке Алан опасался. Это шумное новшество – автомобили – пугали его лошадь, а в центре автомобилей было слишком много.

Въехав в город, Алан свернул направо, в переплетение узких улочек, выходящих на зеленый бульвар, название которого Алан постоянно забывал. На одной из этих улочек он знал небольшую дешевую гостиницу. Время от времени, когда дела задерживали его в городе допоздна, он ночевал здесь.

– О! Месье Алан! Как приятно видеть вас снова! – приветствовала его хозяйка гостиницы.

– Приготовить для вас комнату?

– Добрый день, мадам Буше! Я также рад найти вас в добром здравии. Пока не знаю, останусь ли я на ночь. Мое сегодняшнее дело не представляется мне слишком долгим. Я попросил бы вас присмотреть за лошадью. Она никак не привыкнет к автомобилям.

– Что лошадь! – всплеснула руками хозяйка. – Я сама к ним никак не привыкну. Вздрагиваю всякий раз, когда они начинают гудеть. Разумеется, я прикажу привязать и накормить вашу лошадь. Для вас вызвать такси?

– Нет-нет! Спасибо! Я с удовольствием пройду пешком.

Алан не любил городов. Ему было в них тесно и душно. Про себя он считал, что только люди, согрешившие перед Господом, могут быть сосланы Создателем на житье в города.

Однако иногда навещать города следовало. Во-первых, лучшая торговля была всё-таки в городах и то, что в деревне шло за бесценок, в Ренне или Нанте приносило ощутимый доход. Во-вторых, городские грешники умели строить красивые дома и разбивали прекрасные парки с цветниками. На это приятно было смотреть и кое-что даже перенимать для себя. В-третьих, в город следовало ездить для того, чтобы всякий раз убеждаться, что жить в деревне намного лучше и радоваться, что судьба назначила тебе такую счастливую долю.

Алан вышел к реке Вилен, перешел по мосту на другой берег и повернул к центру города. Эта часть набережной была особенно хороша. Берега одеты в гранит, а вдоль вереницы ярких домов – зеленые деревья и пестрые цветы. Под полосатыми маркизами кондитерских маленькие столики, за которыми нарядные горожане пьют кофе и болтают обо всем на свете.

Немного не доходя до недавно построенной церкви Божьей Матери аббатства Сен-Мелен Алан приметил бородатого мужчину, который сидел под деревом на складном стульчике и время от времени касался кистью холста, натянутого на деревянную раму и укрепленного на треноге. Мужчина сидел к нему спиной, и Алан решил, что не будет в том ничего непристойного, если он тихо подойдет, встанет сзади и посмотрит, чем таким занимается этот человек.

Он подошел и увидел, что холст – почти законченная картина. На ней был вид города, той его части, где сливаются воедино две городские реки: Иль и Вилен. Яркая, словно налитая солнцем, картина очень понравилась Алану.

– Вам нравится? – художник резко обернулся к Алану.

– О да, месье! Замечательная работа!

– Желаете приобрести?

– Благодарю, месье! Но нет.

– Может быть, желаете заказать свой портрет? Это недорого.

– Спасибо, месье! Пожалуй, нет.

– Как угодно! – произнес художник с сожалением и вновь повернулся к холсту.

– Знаете ли, месье... – Алан внезапно решил изменить свой план и не искать редакцию газеты, а заказать рисунок этому бородачу, чья картинка ему так понравилась, чтобы в газету идти с уже готовым рисунком. – Мне действительно ни к чему собственный портрет, но нужен рисунок шубки.

– Чего? – художник удивленно привстал со своего складного стульчика.

– Шубки. Меховой шубки. Четыреста тридцать франков наличными в магазине братьев Манукян.

– Зачем вам такой рисунок?

– Это не слишком радостная история, месье... – и Алан поведал художнику свою печальную историю.

– Я очень надеюсь разыскать пропажу при помощи газетного объявления и обрадовать своего Лягушонка, – закончил Алан свой рассказ.

– Лягушонка? – переспросил бородач.

– Так ласково я называю свою жену, – улыбнулся Алан.

– Думаю, что смогу вам помочь, – ответил художник, немного помолчав. Его глаза хитровато блеснули. – Позвольте представиться: Андре Роба, свободный художник.

– Алан Гелен, – в свою очередь раскланялся Алан. – Владелец усадьбы.

– Пойдемте ко мне в мастерскую и поговорим подробно, – пригласил Роба. – Она недалеко. В мансарде вон того серого дома.

Художник сунул в холщовую сумку палитру и кисти, подхватил треногу этюдника, стульчик и бодро зашагал в направлении серого каменного строения.

– Вам помочь? – поспешил за ним Алан.

– Благодарю. Не нужно. Это моя привычная экипировка. Ваша история тронула меня, и я готов исполнить ваш заказ, – сказал месье Роба, в то время как Алан с любопытством рассматривал обстановку мастерской художника. Здесь было много совершенно не нужных в хозяйстве вещей, всякого старинного хлама, банок с красками и пустых банок из-под красок, в которых стояли кисти. Он увидел маленькие, как игрушки, лопатки, наподобие тех, которыми пользуются каменщики, и развеселился, подумав, сколько же времени понадобится, чтобы построить дом, если выкладывать цементный раствор на стену такими вот крохотульками. В мастерской было много картин. Несколько картин в багете украшали стены, другие, без рам, стояли на полу, прислоненные к стене одна к другой. Алана немного смутила скульптура обнаженной женщины, задвинутая в угол мастерской. Как он ни старался не смотреть на нее, глаза сами собой поворачивали туда голову.

– Это ваша знакомая? – не выдержал Алан.

– Копия Венеры Милосской.

– Красивая, – оценил Алан. – Здешняя или парижанка?

– Кто?

– Венера.

– Как вам сказать... – хмыкнул художник.

– Да нет, я не настаиваю, – понял по-своему Алан. – Какое это, в конце концов, имеет значение? А руки не доделали. Не успели? Поссорились? Нет, нет, извините, я не критикую, без рук ей тоже неплохо. Впрочем, как говорят, художнику виднее.

– Вот именно, – хмыкнул Роба. – Позвольте вернуться к вашему заказу, месье. Я готов сделать рисунок для газетного объявления, но хотел бы призвать вас не давать газетного объявления.

– Как так? Почему? – дремавшее бретонское упрямство проснулось в Алане, и он собрался настаивать на своем.

– Я изложу вам свои соображения, и вы сами решите, прислушиваться к ним или нет, – сказал художник. – Надеюсь, вы сегодня больше никуда не торопитесь? Вас никто не ждет?

– Луиза.

– Почему же вы не взяли ее с собой? Оставили в отеле?

– Возле отеля.

Роба удивленно вытаращился на Алана.

– Возле отеля? Жену? Вы, месье, должны сказать, отчаянный человек!

– Жену зовут Вивьен. А это – Луиза.

– Подруга? – подмигнул художник. – Нет, я не настаиваю. Какое это, в конце концов, имеет значение?

– Вот именно, – на этот раз хмыкнул Алан. – Тем более что Луиза – это лошадь, на которой я приехал в Ренн.

– Лошадь?! – Роба затрясся от смеха. – Ждет? Возле отеля?

Продолжая хохотать, он сдвинул рукой живописный беспорядок на столе и водрузил на освобожденное место бутылку красного вина.

– Давайте выпьем за знакомство, – предложил Андре. – Луиза, думаю, ругать не станет.

– И Венера простит, – в тон поддакнул Алан.

Теперь они захохотали оба.

– Вы знаете, что это такое? – Роба выложил перед Аланом стопку плотных бумажных прямоугольников.

Алан взял один из них.

– Тут написано: «Почтовая карточка». Но я такими никогда не пользовался и ни от кого не получал.

– Верно. Почтовая карточка. По-другому – открытое письмо. Открытка. Я предлагаю вам разместить объявление не в газете, а на такой вот открытке.

– Но какой в этом смысл? Кто его увидит? По-моему, газета надежнее. У газеты есть тираж, подписчики, постоянные читатели.

– Газета – предмет одного дня. Вчерашняя газета никому не нужна. Вы дадите объявление и заплатите за это деньги. Но если его не заметят сегодня, его тем более не заметят завтра. Вам придется повторять его, возможно, не один раз и вновь платить, платить и платить, не зная наверняка, приведут ли ваши усилия к нужному результату. Вы не замечали, насколько часто публикуют свои объявления торговые фирмы, когда предлагают какой-нибудь товар?

Алан вспомнил, что да, верно, предложение по газовым кухонным плитам, например, он видит в каждом номере газеты.

– Почему вы, месье Роба, в таком случае думаете, что у объявления на открытке шансов больше, чем у объявления в газете? Кому они нужны, эти открытки?

– О! Вижу вы не совсем в курсе, месье Гелен. Сейчас открытки, после того как несколько лет назад их стали печатать цветными, самое модное увлечение французов. Открытками переписываются, открытками поздравляют, открытками приглашают, открытками обмениваются, из открыток составляют коллекции. Появление каждой новой цветной открытки вызывает ажиотаж. Это притом, что они вовсе не дешевы – около трех франков за штуку.

– Не дешевы? – переспросил Алан. – Тогда это не для меня. Я не смогу пойти на большие затраты. Нет-нет, пусть будет газета!

– Послушайте меня, Алан! Я знаю, что говорю!

Алан отрицательно покачал головой и взял шляпу, чтобы откланяться.

– Подождите! – остановил его Андре Роба. – Давайте поступим так. Я сделаю рисунки. Несколько рисунков, чтобы вы могли выбрать. Сделаю бесплатно. Если они вам не понравятся, что ж, ничего не поделаешь. Если понравятся, мы продолжим наш разговор.

– Рисунки будут такими же яркими как ваша картина? – Алан заколебался в своем решении.

– Картина – это подражание господам Моне и Ренуару. Не могу освободиться от их творческого обаяния. Да и покупают работы «под Моне» гораздо лучше. Ваши картинки будут другими. Ничем не хуже, но – другими.

Алан помедлил.

– Скажу откровенно, месье Роба, меня несколько настораживает ваша настойчивость и непонятная любезность, готовность работать без вознаграждения. В сострадание ближнему я плохо верю. У сделанного вами предложения должен быть какой-то иной интерес, иная причина, которых я не вижу.

– Азарт, – тут же отозвался художник. – Вера в успех и упрямое желание доказать, что я был прав.

– Что ж, это существенный повод, – согласился Алан, хорошо знавший, что такое упрямство. – Я готов принять ваше предложение.

– Через неделю я представлю вам свою работу.

– Неделя – очень большой срок.

– Хорошо. Пять дней. Через пять дней вы найдете меня здесь, в мастерской, либо на набережной. Пройдемте теперь до мехового магазина, и вы покажете мне, как выглядела ваша пропaja.

На шестой день Алан нашел художника не на набережной, не в мастерской, а в маленьком уличном кафе рядом с домом, где располагалась мастерская. Точнее, это художник окликнул Алана:

– Месье Гелен!

Алан пошел к столику, из-за которого навстречу ему поднимался Андре Роба с газетой в руке.

– Спустился подкрепиться чашечкой кофе и просмотреть новости. Вижу – вы идете. Составите компанию?

– Доброе утро, месье Роба! Рискую показаться невежливым, но мне не терпится посмотреть на рисунки.

– Гарсон! Запишите за мой! Я еще вернусь, – попросил Роба официанта и двинулся вместе с Аланом к дому.

– Полюбуйтесь! – художник указал на стол, где были разложены семь листов с рисунками, и пошел отдернуть штору, чтобы в мастерскую проникло больше дневного света.

Алан приблизился к столу, постоял, посмотрел и заулыбался. На всех семи листах он увидел похожие один и на другой рисунки. Расположенная вертикально почтовая карточка, на ней в верхней части, несколько смещенное к левому углу – изображение шубки. В нижней части был нарисован лягушонок, но в разных положениях. Лягушонок держал в лапках цветы. На одном рисунке – букетик ландышей. На другом – желтый ирис. На третьем – белую лилию. Были там еще роза, веточка лаванды, кудрявая шапка герани и сияющие звезды клематиса. Алана поразило то, каким образом художнику удалось сообщить лягушке человеческие черты. Нет, лягушонок не был похож на человека, но вместе с тем по каким-то неуловимым признакам всякий легко догадывался, что лягушонок – это девушка или молодая женщина. Даже выражение – Алан было подумал, лица – мордочки различалось от рисунка к рисунку. Вот здесь лягушечка грустит. Здесь – словно ожидает чего-то. А здесь ей весело, того и гляди рассмеется.

Алан повернулся к художнику.

– Не знаю, какие мастера господа Моне и Ренуар, о которых вы упоминали, но знаю теперь определенно, что Андре Роба – большой мастер.

Польщенный, Роба театрально поклонился.

– К вашим услугам, месье Гелен! Вижу, что вам понравилось.

– Очень понравилось! Но я в сильнейшем затруднении. Не могу определиться, который из семи рисунков выбрать. Хочется напечатать все семь.

– Давайте напечатаем все семь, – отозвался художник.

– Семь! Для этого мне придется продать свою ферму, – усмехнулся Алан. – Кстати, месье Роба, почему рисунков именно семь?

– По числу дней в неделе.

– При чем здесь неделя?

– Я подумал, месье Гелен, что открытка будет лучше продаваться, если ее исполнить не в одном, а в семи разных видах. Мы дадим покупателю выбор и предложим некую игру, когда он сможет приобрести открытку того дня недели, в который решил сделать покупку.

– Отлично придумали!

– Вот тут, наверху, есть свободный угол. На этом месте мы укажем день недели и напомним призыв: «Помогите найти Лягушонкину шубку!». На оборотной стороне нужно будет рассказать вашу историю и сообщить ваш адрес.

- Вы всё продумали до мелочей!
- Это не всё! – Роба торжествующе поднял указательный палец. – Вам не нужно будет платить за заказ. Вот теперь всё!
- Как не нужно? Почему? Кто же за меня заплатит? Если это собираетесь сделать вы, то, говорю сразу, я не смогу принять вашу помощь.
- Нет, Алан! У меня тоже нет лишних денег.
- Андре Роба замолчал, выдерживая паузу и ожидая, когда Алан спросит: «Тогда кто?»
- Тогда кто? – спросил Алан.
- Никто! В том-то вся и задумка, что никто. Точнее, заплатит, конечно. Но не какой-то конкретный человек, а – покупатель!
- Видя, что Алан ничего не понял, Роба потер ладони и заговорщически захихикал.
- Я позвонил месье Бонне! Представляете? Позвонил Полю Бонне, хотя мы с ним не были знакомы.
- Я тоже незнаком с месье Бонне. Даже не знаю, кто это такой.
- О! Это владелец одного из издательств, производящих открытки. Одного из крупных издательств. Я рассказал ему о шубке. Знаете, что он ответил? Он не ответил, он просто зарычал в трубку: «Немедленно везите мне рисунки! Я это беру!» Алан! Вы понимаете, что это значит?
- Этот человек хочет изготовить мои открытки. Он так проникся историей о пропаже?
- Боже мой! Месье Алан! Извините, но как вы продаете свои яблоки? Месье Бонне чихать на вашу историю. Но он понял, что сможет ее продать. Он не хочет изготовить открытки. Он хочет заработать на открытках. Этим людям чужда сентиментальность и несвойственная благотворительность. Выгодно или не выгодно – в этом вся их мораль. Бонне – первый из них. У него деловая хватка – нам с вами такой не досталось. И если он сказал: «Беру!», бежать к нему нужно со всех ног, пока не передумал.
- Куда бежать? Когда?
- В Париж, разумеется. Месье Бонне живет в Париже.
- Извините, месье Роба! Мне жаль, вы так старались. Но ехать сейчас в Париж – это для меня невозможно. Я вообще не люблю дальних поездок, поскольку они отрывают от хозяйства. А поездки в эту пору, в разгар весны, когда дорог каждый день, исключая совершенно.
- Послушайте, Алан! Месье Гелен! Не считите за дерзость, но мне кажется, вы не совсем понимаете, что говорите! Удача как доверчивая голубка опустилась вам на плечо, а вы хотите ее согнать. Вы можете ее согнать, но в другой раз она уже не прилетит. Впрочем, я предполагал нечто подобное. Поэтому ответил месье Бонне, что выезжаю.
- Вы поедете за меня?
- Я поеду за себя. Рисунки должен представлять тот, кто их нарисовал. Если вы мне позволите, то я мог бы подготовить и текст.
- Да, пожалуйста, если это не будет для вас обременительно.
- Диктуйте ваш почтовый адрес!

Алан возился у загона для свиней, когда на дороге показался почтовый служащий на велосипеде. Он подкатил к загону, бросил велосипед на землю и поспешил к Алану.

- Добрый день, месье Алан! Едва вас разыскал. Жена сказала, что вы поехали на поля проверить всходы, не нужно ли где-нибудь пересевать. Так я по всем полям. Даже взмок.
- Добрый день! Так и было. С утра поехал по полям, а сейчас меняю столб на воротах.
- Вам телеграмма! Срочная! Из Парижа! С оплаченным ответом! Держите!

Алан взял сложенный листок и развернул его: «Прошу подтвердить согласие печать открыток. Бонне». От неожиданного известия Алан растерялся и стоял перед курьером, глуповато улыбаясь.

– Что будете отвечать? – нетерпеливо спросил курьер.

– Согласен. Гелен.

– Пишите на бланке: «Согласен. Гелен» – и распишитесь.

Служащий спрятал бланк в сумку, поднял велосипед и быстро завертел педалями.

– До свидания, месье Гелен!

– Что за новости, милый? Курьер сказал, тебе срочная телеграмма из Парижа. Что-то случилось? – встревоженная Вивьен вышла из дома, едва увидев в окно подъехавшего Алана.

– Ничего не случилось, – улыбнулся Алан. – Напротив, всё идет как нельзя лучше. Но я не хотел бы рассказывать тебе сейчас. Не сердись. У меня для тебя маленький сюрприз. А сюрприз должен быть неожиданным.

– Ну! – Вивьен сделала вид, что обиделась. – Скажи, Алан! Какие у тебя от меня могут быть секреты?

– Нет, не скажу. Ты сама называешь меня редким упрямцем, и это справедливо.

– Я шучу! Ты вовсе не упрямец. Ты милый покладистый зайчик, которому иногда, во что бы то ни стало, хочется настоять на своем. Скажи, от кого эта телеграмма?

– Не могу. Скажу только, что она связана с твоей пропавшей шубкой.

– С шубкой?! – удивленно и несколько испуганно переспросила Вивьен.

– Да, – кивнул Алан. – Но больше не спрашивай ни о чем. Думаю, что не позже чем через неделю вопрос решится, и ты первая узнаешь это решение.

– Мучиться целую неделю? Алан!

– Вивьен! Я сказал. Потерпи!

– У! – Вивьен дернула плечом и пошла обижаться в кухню.

Через день, в отсутствие Алана, почтальон вместе с газетой положил в ящик конверт. Вивьен немедленно вышла забрать почту. Адрес на конверте был написан мужской рукой, никаких сомнений быть не могло. К тому же стояло имя отправителя – Андре Роба из Ренна. У Вивьен чесались руки, так ей хотелось вскрыть конверт и прочесть письмо. Но это вызвало бы не просто гнев, а ярость мужа. Вивьен не решилась. Хотя если бы письмо было от женщины, никакие гнев и ярость супруга ее бы не остановили. Она размышляла, как преподнести письмо мужу. Наконец решила положить его на комод и ничего не говорить, словно за делами совсем забыла о каком-то там письме.

Алан возвратился поздно. Облил себя на улице согретой солнцем водой, вошел, обнял Вивьен, прошел к детям и пожелал им спокойной ночи, сел за стол и поинтересовался, чем будет жена кормить мужа, который проголодался как десять батраков.

Только после этого он заметил лежащий на комодке конверт.

– От кого-то письмо? Что же ты сразу не сказала?

– Я и забыла про него! Так закрутилась по дому!

Алан усмехнулся.

– Притворяться ты не умеешь. Даже не старайся. Уверен, весь день только и думала, что в письме.

Он вскрыл конверт и быстро пробежал короткий текст. Месье Роба писал, что, по счастью, печатать открытки решено в типографии «Обертур», поскольку это одна из лучших типографий цветной печати во Франции. Типография находится в Ренне, с ее управляющим Роба хорошо знаком и договорился, что ему и Алану отпечатают по несколько экземпляров за счет

приладочных работ. «Вы получите это письмо в среду, – писал Роба, – и если вам удобно быть в Ренне в субботу, то сможете не только увидеть готовые изделия, но и забрать их с собой».

Вивьен украдкой наблюдала за Аланом и, по мере того как от чтения письма светлело лицо Алана, радостнее и легче становилось на душе и у нее.

– Вот ты и дождалась! – сказал Алан, убирая исписанный лист в конверт. – В субботу мы едем в Ренн, где ты получишь ответы на все свои вопросы.

8

Андре Роба сидел в том же кафе и, как показалось Алану, за тем же столиком. Однако на этот раз при нем была картонная папка на завязках, в каких обычно художники носят свои акварели.

– Добрый день! – он приветственно помахал рукой, заметив Алана. – Я надеялся, что вы приедете, и ждал вас.

– Добрый день! – Алан также поприветствовал художника.

– Мадам, как я понимаю, и есть тот самый Лягушонок? – спросил Роба, с любопытством и откровенным удовольствием разглядывая хорошенькую Вивьен, когда они с Аланом зашли в кафе, расположились за одним столиком с художником и Алан представил Андре и Вивьен друг другу.

– Что такое? – удивилась Вивьен. – Что за заговор? Почему мое тайное имя так широко известно?

Роба рассмеялся, а Алан сказал:

– В этом и состоял сюрприз. Вся Франция скоро начнет искать Лягушонкину шубку.

– Ничего не понимаю! – растерялась Вивьен.

– Смотрите сюда! – Роба разложил на столике папку и раскрыл ее.

Вивьен, всё более и более изумляясь, взяла в руки пахнущую краской картинку. Симпатичный лягушонок держал в лапках белую лилию. На другой картинке он привстал, чтобы обнять веточку лаванды.

Вивьен улыбнулась:

– Какой милый!

Довольный Роба попросил ее посмотреть текст на обороте. Вивьен начала читать о том, как деревенская девушка Вивьен Гелен по прозвищу Лягушонок мечтала о серенькой шубке, но не смела верить, что ее мечта сбудется, поскольку шубка стоила очень дорого и в семье не было таких средств. Однако ее муж, узнав об этом, купил жене шубку, потратив весь свой годовой заработок. Он сделал это из-за бесконечной любви к своей жене. Но теперь шубка пропала. Давайте поможем Вивьен и Алану разыскать ее. Ведь это не просто вещь, а символ любви и счастья молодой семейной пары.

Закончив читать, Вивьен с недоумением взирала то на мужа, то на художника. Тогда они рассказали ей всю историю замысла от идеи, посетившей Алана, до появления Поля Бонне, который взялся воплотить замысел на бумаге.

– Ну и ну! – вытаращила глаза Вивьен. – Что теперь будет?

– Теперь мы наверняка найдем твою шубку. Ты только представь, сколько людей узнают об этой пропаже и, я уверен, захотят нам помочь. – Алан был очень воодушевлен открывшейся перспективой.

– Да... – протянула Вивьен. – Многие узнают. Слишком многие.

– Не стоит бояться популярности, – успокоил Вивьен Андре Роба. – Тем более не стоит бояться популярности героини сентиментальной истории. Она вызывает любовь и обожание или, по крайней мере, сочувствие.

– Ты удивил меня, Алан! – сказала Вивьен. – Потряс! Чего не ожидала, того не ожидала. Не знаю, что и сказать.

– Извините, вмешуюсь, – улыбнулся Андре Роба. – Возможно, стоит сказать, что вы восхищены?

– Спасибо, месье Роба. Это именно то, что я сейчас чувствую, – согласилась Вивьен.

Алан светился радостью. Он ощущал себя героем дня.

– Это ваш комплект, – Роба протянул Алану стопку открыток. – Здесь нет одного вида, того, где лягушонок нюхает розу и написано: «Воскресенье». Он не поместился на лист. На листе, который закладывают в машину, помещаются шесть видов заданного формата. Их отпечатали, просушили и разрезали на открытки. Сегодня вечером отправят заказчику. Седьмую открытку напечатают, когда смонтируют ее на листе с какими-то другими. Когда она будет готова, я вам ее пришлю.

По дороге к дому Вивьен начала сомневаться, можно ли отыскать вещь таким необычным способом.

– Найдется! – Алан не сомневался ни секунды.

Вивьен подняла лицо к небу и принялась беззвучно шевелить губами. Через некоторое время она спросила:

– А если не найдется?

– Найдется! – никаких других вариантов развития событий Алан даже не допускал.

Вивьен опять посмотрела в небо и опять зашевелила губами. Так она проделывала несколько раз за дорогу. Алан не выдержал и прямо спросил жену, уж не свихнулась ли та от радости? Вивьен подумала и ответила: «Нет».

Поль Бонне пустил в продажу первые «лягушачьи» открытки уже в понедельник. Их заметили. Лягушонок с цветком понравился покупателям. О несчастной деревенской женщине заговорили. Но это были разовые продажи и не столь уж частые разговоры. Поль Бонне хотел большего. Тогда в утреннем выпуске одной из читаемых городских газет появилась статья о мечте сельской красавицы, о героических усилиях ее мужа в борьбе за эту мечту и о крушении мечты, которую, однако, можно возродить, если за дело возьмется общественность. Газета сообщала, что будет следить за развитием событий и доводить до сведения читателей все новости на этот счет.

После газетной статьи открытки пошли нарасхват. Статью начали обсуждать в кафе и на рынках, дома и в гостях. В киосках и книжных магазинах спрашивали открытку с лягушонком и огорчались, если ее там не находилось. Киоскеры и продавцы срочно заказывали открытку для себя. Когда начали появляться всё новые и новые виды открытки, интерес к ней стал приобретать характер массового заболевания. «Дорогая, ты уже купила открытку с лягушонком?» – «Да, очень симпатичная!» – «У тебя с каким цветком?» – «С лилией. Разве есть другие?» – «Ты не знала? У меня тоже с лилией, а еще с ирисом и геранью. Говорят, что вот-вот появятся в продаже с розой и ландышем». – «Обожаю ландыши!»

В лягушонка влюбились дети. Сцена, когда мальчик или девочка с криком «У меня такого нет!» тащили родителей к прилавку магазина, стала обычной для парижских улиц.

К исходу второй недели Бонне понял, что понадобится дополнительный тираж. Он вновь запросил согласия у Алана и вновь получил его. Удивленные ажиотажем, об открытке и столь необычном способе поиска пропавшей вещи написали другие газеты и журналы из числа бульварной прессы, чем только подлили масла в огонь общественного интереса. Посчитали своим долгом отреагировать на шумиху и солидные издания. Но отреагировать по-своему, по-солидному. Газеты правой политической ориентации заговорили о необходимости ужесточения наказания за антиобщественные проявления. Либералы сконцентрировали внимание на необходимости поддержки семейных ценностей. Левые принялись отстаивать ту точку зрения, что экспроприация в принципе допустима, но только в отношении имущества и капиталов, приобретенных в результате эксплуатации трудящихся масс. В издательство посыпались заказы из других городов. Каждый обыватель считал обязательным иметь хотя бы одну открытку у себя дома.

Вот теперь Бонне получил то, чего желал. Он ликовал. Еще дважды он печатал дополнительные тиражи, изготовив в общей сложности сто сорок тысяч экземпляров открытки всех видов. Бонне распорядился, чтобы в газетах дали рекламу издательства со словами: «То самое издательство» – и изображением лягушонка. Лучше начала продаваться и другая продукция издательства, не стало отбоя от предложений о сотрудничестве.

Алан с нетерпением ждал результатов. Первый результат появился уже через неделю. В адрес месье и мадам Гелен пришла телеграмма из Парижа, в которой отправитель сообщал, что шубку принесли в скупку на Театральной улице и предлагал приехать для опознания.

– Нужно ехать! – доказывал Алан Вивьен, размахивая телеграммой. – Чувствую, что это она и есть. Правда, очень далеко. За деньги, что мы истратим на дорогу, можно купить новую шубку.

– Не нужно! – возражала Вивьен. – Это наверняка не она. Ты сам подумай, какой вор понесет сдавать какую-то вещь, если об этой вещи говорит весь Париж? Он же сразу погорит.

– Верно, – нехотя соглашался Алан.

– Ха! – закричал Алан через несколько дней. – Нам ее прислали. На почте лежит посылка с вашей шубкой, мадам Гелен! Извольте получить! Что я говорил? Всё пошло как по маслу!

Он схватил Вивьен в охапку, не дав даже прибрать волос, и погнал с ней на почту.

Служащий выложил перед ними объемистый куль, несколько раз перетянутый шпагатом, завязка которого была опечатана сургучом, и сказал: «Поздравляю!» Алан попросил нож и в нетерпении перерезал веревку.

– Это не моя шубка, – сразу сказала Вивьен. – Тоже из серой норки, но не моя. Она пахнет другой женщиной, разве ты не чувствуешь? Потом, на моей были метки. Вот здесь, на подкладке, я вышила четыре звездочки, которые как бы обозначали всю нашу семью. На этой шубке нет никаких звездочек.

– Отправитель указал свой адрес? – спросил помрачневший Алан.

– Да, месье, – ответил почтовый служащий.

– Нужно отправить эту вещь обратно. Это не наша вещь. Напиши этому человеку что-нибудь, Вивьен! – обратился он к жене. – Он так хотели нам помочь.

– На чем написать? Я не брала с собой бумаги.

– У вас есть наши открытки? – спросил Алан служащего.

– Они теперь есть в каждом почтовом отделении, месье Гелен, – заулыбался тот.

– Дайте любую!

– Пиши, Вивьен! «Благодарю, признательна...» Что там еще нужно писать? Ты же лучше меня это знаешь!

Однажды в деревню приехал фотограф из парижского журнала и сфотографировал Вивьен. После этого сообщения о том, что шубка найдена, приходили едва ли не ежедневно. Чаще всего серую норку находили в Париже. От Парижа частота находок шла по убывающей, чем дальше, тем реже. Однажды шубку нашли в Бельгии, два раза находили на западе Германии и один раз какой-то заботливый колонист написал из Алжира, что видел точно такую шубку в лавке у неведомого Абдаллаха.

Посылки с найденной шубкой приходили реже, но тоже слишком часто, отчего Алан начал впадать в депрессию. Несколько раз совершенно новые шубки присылали мужчины со словами восхищения красотой Вивьен. Однажды Вивьен вместо серой норки получила белоснежного песца и предложение выйти замуж за дарителя. Была посылка и от женщины. Она прислала старый заячий салоп.

Алан совсем перестал улыбаться и ходил нервный, вздрагивая от каждого звонка почтальона.

– Мы ничего не найдем! – твердил он. – Обратные почтовые отправления нас скоро разорят! Нужно это прекратить! Как это прекратить?!

10

Два автомобиля завода «Рено» остановились возле дома Алана. Один был большой, блестящий, совершенно роскошный, модель текущего года. Второй был маленький, выглядел проще и изношеннее. Из первого вышел водитель, открыл заднюю дверцу и помог выбраться пожилому господину. Следом из салона показался другой господин, помладше, но внешне на него похожий.

Алан, который заехал домой пообедать, отложил ложку и подошел к окну.

– Посмотри, Вивьен! По-моему, к нам пожаловал хозяин мехового магазина из Ренна.

Вивьен перестала вытирать вымытую посуду, также подошла к окну и взглянула на улицу.

– Да, это он, Арно Манукян. Другой, судя по сходству, его брат. Кто с ними еще – непонятно.

Тем временем из машины попроще вылез мужчина и вытащил из салона деревянную треногу с укрепленной на ней фотокамерой, за ним – другой мужчина, тоже с треногой и фотокамерой. Последним автомобиль покинул молодой человек с блокнотом и автоматической ручкой и тут же принялся что-то записывать.

– Что им здесь нужно? – нахмурился Алан.

– Может быть, ты выйдешь и спросишь? – отозвалась Вивьен.

– Думаю, это к тебе.

– Тогда давай выйдем вместе.

– Рады вас приветствовать, мадам и месье Гелен! – расплылся в улыбке Арно Манукян. – Ваша известность соперничает со славой кинозвезд. Мы не могли не приехать и не выразить своего восхищения тем неожиданным ходом, которым вы привлекли к себе всеобщее внимание. Позвольте представить: мой старший брат и компаньон Серж Манукян.

– Очень хорошая выдумка! – одобрил Серж Манукян. – Это вы придумали лягушонка, месье Гелен?

– Совместно с художником, – Алан не захотел брать на себя всё бремя славы.

– Замечательно! – еще раз подтвердил Серж Манукян. – Но это пора прекращать.

– Господь услышал меня, – пробормотал Алан и спросил. – Почему прекращать?

– Видите ли, месье, – вступил в разговор младший Манукян, – интерес к вашей истории начал угасать.

– Почему вы так решили? – спросила Вивьен.

– Об этом нас проинформировал месье Бонне. Продажи открыток начали сокращаться. Это может означать только одно: лягушонок и его шубка наскучили публике.

– Если это так, то скоро всё должно прекратиться само собой, – возразил Алан. – Извините, при чем здесь вы и тем более при чем здесь мы?

– Совершенно справедливо. Всё прекратится само собой. Но мы с братом решили, что у этой трогательной истории должно быть соответствующее красивое завершение. Публика должна получить удовольствие.

– Давайте пройдем в дом, – спохватился Алан. – Неудобно же разговаривать на улице с такими уважаемыми людьми и на такую важную тему.

– Эту историю нужно красиво завершить, – повторил Арно Манукян, расположившись на одном из стульев. – Мы с братом знаем как. Некоторое время назад мы созвонились с Полем Бонне. Это было совершенно необходимо, чтобы не пострадал его бизнес. Вчера он сделал ответный звонок и сообщил, как я уже сказал, что темп продаж открыток с лягушонком начал падать. Это естественно. Третий месяц на пике популярности – срок для открытки большой, рынок насытился, покупатели начали уставать от этой истории. Месье Бонне не возражает, чтобы на этом этапе в его проект вступили и мы. Наш благородный жест на некоторое время оживит интерес к Лягушонкиной шубке, продажи открыток вновь возрастут, после чего месье Бонне закроет тираж. Мы привезли с собой корреспондента и фотографа из «Ренских новостей», месье Бонне прислал фотографа из парижского журнала.

– Не поняла, – Вивьен действительно ничего не поняла. – Какой жест? В какой проект?

– Мы приехали подарить вам новую шубку, – без обиняков заявил Серж Манукян. – Точно такую, какая у вас пропала. Вы сфотографируетесь с нами в этой шубке, и эту фотографию напечатают в газетах и журналах. Выгода будет общая. Вы получите шубку. Поль Бонне – дополнительную прибыль на новом всплеске интереса к вам. Мы тоже извлечем кое-какую пользу. Читатели получают красивое завершение истории и приятное чувство, что они не зря потратили свои деньги на открытки.

– Замечательно! – немедленно согласился Алан. – Признаюсь, нам эта шумиха тоже начала надоедать. Верно, Вивьен? Что нам нужно делать?

– Ответить на вопросы корреспондента и выполнить то, о чем попросят фотографы, – пояснил Арно Манукян.

– Может быть, по кружке сидра? – предложил Алан.

– Благодарим, месье Гелен, – отказался Арно Манукян. – Мы не употребляем спиртного.

– Как и я, – одобрительно улыбнулся Алан.

Первым делом фотографы сделали снимки с братьями Манукян. Сияющая Вивьен между братьями. Вивьен и Алан благодарят братьев. Алан показывает братьям свой яблочный сад. Вивьен угощает братьев кофе. Вивьен на фоне автомобиля провожает братьев.

Затем фотографировали одну Вивьен. Она позировала, меняя свои немногочисленные наряды, и совершенно выбилась из сил. Тем временем корреспондент донимал своими вопросами Алана и тоже изрядно его утомил.

– Такое ощущение, будто бы нами позавтракали, – поежилась Вивьен, после того как уехали Манукяны и журналисты.

– Акулы капитала, – рассудительно заметил Алан. – Они не умеют вести себя по-другому.

Почтовый курьер позвонил в колокольчик, когда семья Гелен отдыхала, и с порога, забыв пожелать «доброго вечера», обрушил на Алана очередную новость.

– Месье Алан! Вы теперь такой знаменитый! Вам шлют уже не только телеграммы. Вам пришел вызов на телефонный разговор. Завтра в полдень приезжайте на почту. А сейчас распишитесь на извещении.

– Какой разговор? С кем?

– Вот здесь написано имя заказчика. Поль Бонне.

– Я никогда не разговаривал по телефону, – занервничал Алан. – Я не знаю, как это делается. Я не сумею.

– Приезжайте немного раньше. Мы вам всё объясним и всему научим. Всего доброго!

Алан приехал за час до назначенного времени.

– Вы слишком рано, – заметил ему молодой человек, сидящий за окошком с надписью: «Телефонист».

– Курьер сказал, что нужно время, чтобы научиться пользоваться телефоном.

Телефонист улыбнулся:

– Две минуты, месье Гелен. Две минуты, и вы всё поймете. Когда позвонят из Парижа, я через коммутатор соединю парижского абонента с аппаратом в одной из кабин, какая будет свободна. Я скажу вам об этом. Вы пройдете в кабину, возьмете трубку, скажете: «Алло!», услышите голос и начнете разговаривать. Понятно?

– Так просто? Разумеется, понятно.

Ровно в двенадцать часов телефонист прокричал из своего окошка:

– Месье Гелен! Пройдите в первую кабину!

Алан быстро подошел к аппарату, взял трубку и негромко произнес:

– Алло!

В трубке что-то зашуршало, но никаких слов Алан не услышал. Тогда он вытянул руку вперед так, чтобы хорошо видеть трубку, и сказал погромче:

– Алло!

Трубка опять зашуршала, Алану даже показалось, что оттуда кричат, но слов он опять не разобрал. Он выглянул из кабины и окликнул телефониста:

– Что-то не работает!

Телефонист ничего не ответил. Алан высунулся еще дальше и увидел, что молодой человек, уронив голову на стол, издает всхлипывающие звуки, а плечи его трясутся. Алан забеспокоился и спросил:

– Что-то случилось, месье? Какое-то несчастье?

После этих слов телефонист затрясся еще сильнее и начал взвизгивать, потом оторвал от стола красное, в слезах, но почему-то улыбающееся лицо и с трудом проговорил:

– К уху! Приложите трубку к уху!

Алан сейчас же сделал как велел телефонист, и вновь, на этот раз очень громко, крикнул в трубку:

– Алло!

– Что вы так орете?! – тотчас раздалось в наушнике. – Что вы всё аллокаете? Вы собираетесь разговаривать или нет?

– Добрый день! – сказал Алан.

– О боже! – услышал он. – Это Бонне.

– Добрый день, месье Бонне! – повторил Алан.

Московский BAZAR № 1 (23) 2017 г.

– Месье Гелен?

– Да, это я.

– Месье Гелен! Я предлагаю подвести итог нашему сотрудничеству. С учетом всех тиражей открыток, включая, разумеется, и дополнительные, ваш гонорар составил двадцать тысяч франков. Что вы на это скажете?

– Но... месье Бонне, – у Алана мир поплыл перед глазами от услышанного. – Это... неожиданно.

– Что это значит? Вы ожидали большего? Но, простите, все расходы нес я. Макеты, бумага, типография, распространение по торговой сети. И та первая статья в *boulevardier*, которая прославила вас. Неужели вы думаете, что она появилась сама собой? Что ваша персона заинтересовала журналиста? Журналиста заинтересовало обещанное мною вознаграждение! Скажу прямо, вы не заработали и того, что я вам предлагаю! Если бы не закон, который обязывает меня выплатить вам гонорар, и не опасения, что вы обратитесь в суд, вы бы вообще не получили ни единого франка. Что вы молчите? Хорошо! Я добавлю две тысячи. Но вы немедленно телеграфируете мне согласие, а позже подпишете все бумаги, которые я вам пришлю! Согласны?

– Да, месье Бонне! Благодарю вас!

– Диктуйте мне номер вашего банковского счета!

– Извините, но все мои средства вполне помещаются в банке из-под кофе.

– О боже! Я открою на ваше имя счет в «Лионском кредите». Получить деньги вы сможете в любом отделении банка как во Франции, так и за ее пределами. Всего доброго!

Алан продолжал оторопело держать возле уха телефонную трубку, пока оттуда не донесся голос телефониста:

– Месье! Разговор окончен!

Тогда Алан перешел к телеграфу:

– На имя месье Бонне. Срочно. «Гонораром согласен. Алан Гелен».

Алан не был готов услышать такое, и новость совершенно раздавила его. На него неожиданно-негаданно свалились двадцать две тысячи франков! Его разум даже представить не мог такую кучу деньжищ. Годовой доход в две тысячи он считал успехом, а тут двадцать две! Что с ними делать?

Ход его мыслей расстроился, голова словно опустела. Он ничего не мог придумать и решил, что нужно просто идти домой. Он бы так и ушел, если бы из дверей его не окликнул смешливый телефонист:

– Месье Гелен! Вы лошадь забыли!

12

Алан ерзал на стуле два дня, а на третий сказал Вивьен:

– Нужно съездить в Ренн. Должно быть, счет в банке уже открыли.

Счет в банке действительно открыли, и на нем лежало ровно двадцать две тысячи франков, перечисленных от издательства Поля Бонне.

Служащий отделения «Лионского кредита» был очень приветлив с Аланом и вежливо поинтересовался, как тот собирается распорядиться вкладом, не забыв упомянуть, что счет в их банке – это признак солидного человека. Хотя у Алана и зашумело в голове от такого приятного обращения и от того, что его воспринимают как солидного господина, но зашумело не так сильно, как после телефонного разговора с издателем.

Они с Вивьен пережили первое потрясение от неожиданного богатства и успели не только привыкнуть к нему, но и хорошенько обдумать, куда пустить капитал с наибольшей пользой. Отметая все возражения Вивьен, Алан заявил, что первым делом нужно провести в дом телефон, чтобы всякие городские не смотрели на него как на дремучего увальня. Было бы выгодно приобрести грузовичок и, скупая продукцию у соседей, перепродавать ее. Непременно стоило подкупить земли, открыть молочную ферму и нанять одного-двух работников.

Вивьен мечтала о первом в округе женском салоне модных причесок. Она даже посоветовалась по этому поводу с падре Домиником. Тот вначале воспринял порыв Вивьен неодобрительно, указав на суетность такого занятия, однако, узнав, что часть выручки Вивьен рассчитывала жертвовать на развитие церкви, переменил свое мнение и благословил Вивьен на подвиг первопроходца, заявив, что красота природная, красота душевная и красота телесная суть проявления единой красоты Божьей и противиться стремлению к красоте – это противиться Божьей воле. Падре пообещал в своих проповедях прямо указать прихожанкам на богоугодность предприятия Вивьен.

Теперь, освоившись в мыслях с положением богача, Алан даже втайне ругал себя простачком – за то, что растерялся и изменил своей привычке торговаться за каждый су. Теперь он считал, что месье Бонне его откровенно надул и можно было бы запросить с него больше.

Разумеется, Алан не собирался снимать все деньги и держать наличность дома. Он вообще не собирался их снимать со счета, но всё же выписал требование на сто франков, чтобы убедиться, что ему их действительно отдадут, что всё это не обман, не шутка, не розыгрыш.

Служащий с той же приветливой улыбкой сделал на заявке Алана свои отметки и попросил пройти в кассу, где Алану безо всяких проволочек выдали пять новеньких, таких приятных на ощупь, двадцатифранковых банкнот.

На улице Алан не сдержал одолевавших его чувств. Он несколько раз подпрыгнул и потопал ногами, что, по его мнению, нужно было считать вовсе не ребячеством, а исполнением национального бретонского танца по случаю радостного события.

Алан направился к Андре Роба. Ведь с художником всё же нужно рассчитаться. За рисунки Алан пока так и не заплатил. По дороге он думал о том, что даже крупную неудачу при умении можно обратить в победу и какой смысленный парень, этот Роба, придумавший искать шубку для Лягушонка при помощи открыток.

Алан заглянул в кафе, где обычно отсиживался художник, когда ему не работалось, но Роба там не оказалось. Он поднялся в мастерскую и позвонил. Ему никто не открыл. Тогда он прошелся туда-сюда по набережной, где Андре писал свои работы, но его не было и там. Алан направился в центр, надеясь найти Роба на одной из площадей, где художники продавали свои работы.

Сзади затарахтел автомобиль. Алан, не поворачиваясь, посторонился.

– Месье Гелен! – раздалось за его спиной. – Не меня ли вы разыскиваете?

Алан обернулся. За рулем автомобиля, точно такого, на каких ездят таксисты, сидел Андре Роба.

– Вас, месье Роба, – кивнул Алан. – Вы теперь в такси работаете?

Роба расхохотался.

– Избави, бог! Это работенка не для творческого человека.

– Так вы купили машину? – удивился Алан.

– Нет. Взял напрокат. Учусь водить.

– Для чего?

– Чтобы купить машину!

Алан помнил, что Андре Роба не самый богатый человек в Ренне и непонятно, на какие средства он собирается приобретать автомобиль, однако выяснять этого он не стал. Это было бы слишком неприлично с его стороны – интересоваться чужими доходами. Алан решил сразу перейти к делу.

– Я ищу вас, чтобы вернуть долг.

– Вы мне ничего не должны.

– Разве вы забыли? Я же не заплатил за рисунки.

– Повторяю, месье Гелен: вы мне ничего не должны!

– Месье Роба! Всякая любезность не безгранична и, в конце концов, не бескорыстна. Отказываясь от заслуженного вознаграждения, вы, который так много сделал для меня, ставите меня в неловкое положение. В положение еще большего должника. Ваш отказ, если начистоту, даже унизителен для меня, месье.

Андре Роба рассмеялся, заглушил автомобиль и подошел к Гелену.

– Дорогой мой друг! Вы ведь позволите мне называть вас другом? Мне понятна и приятна ваша горячность в желании отблагодарить художника. Но моя совесть не позволяет принять от вас деньги. Я кое-что утаил от вас и теперь вынужден рассказать. Надеюсь, вы тоже поймете меня и простите.

– Я ничего не имею против друга. Я и сам готов вас так называть. Но простить? За что? – Алан ничего не понимал.

– Видите ли, я был с вами не совсем честен, когда говорил, что, помогая вам, движим одним лишь стремлением доказать свою правоту. Не верьте художникам! Всё, что они делают, они делают из честолюбия или корысти. Мною владела корысть. Вначале я предполагал заработать немного денег на заказе, но, услышав ваш рассказ, понял, что смогу гораздо большее. Французы падки на сентиментальные истории, и ваш наивный поиск пропавшей шубки любимой жены непременно заинтересует их, вызовет сочувствие и желание помочь. Художник, который создаст образ Лягушонка, обречен на известность. Вы не обратили внимания, но на каждой открытке была напечатана строка: «Художник Андре Роба». Ради этой строки я всё и затеял. Я не ошибся. Ваша история произвела впечатление, ею прониклись, ее приняли. Вместе с ней приняли и мои рисунки, мое имя.

Дорогой Алан! Благодаря вам мое вознаграждение много больше того, на которое я мог рассчитывать. Во-первых, мне выплатил гонорар месье Бонне и предложил еще несколько контрактов. Во-вторых, я подписал выгодные обязательства с двумя книжными издательствами. В-третьих, редактор крупной парижской газеты прислал мне приглашение на переговоры. В итоге один только аванс составил более десяти тысяч франков. И это только начало. Вы понимаете?

– Я понимаю, что, оказывается, наоборот, вы мне должны? – улыбнулся Алан.

– Вот это другой разговор! – воскликнул Андре. – Не вернуть ли мне вам свой долг в лучшем ресторане города?

– Пожалуй, это самое подходящее место для расчетов, – согласился Алан.

Друзья уселись в автомобиль Роба и направились в ресторан, где на радостях напились так, как редко напиваются французы.

А что же шубка? Она так и не нашлась?

Поздней осенью, когда выцветшее за лето небо вновь наливается прохладной голубизной и когда наступает время вытаскивать из чулана зимние вещи, Алан в добром расположении

духа подъехал на недавно приобретенном грузовике к дому. Он вытащил из кабины пустую корзину, куда Вивьен складывала ему обед, чтобы можно было перекусить в поле и не терять времени на разъезды до деревни и обратно. Отступил на несколько шагов, полюбовался автомобилем, похвалил его за хорошую работу, как прежде хвалил лошадь, и направился домой.

Не доходя до двери, он замер и едва не выронил из руки корзину. Рядом с дверью, слева, на крюке, который он привернул, чтобы вешать цветочное кашпо, висела шубка. Не было сомнений, что это та самая пропавшая шубка, но Алан всё же подошел и отогнул полу. Вот они – четыре звездочки, о которых говорила Вивьен.

Настроение Алана резко переменялось. На него нахлынула ярость. «Вернули! – думал Алан. – Убедились, что могут попасться, и вернули!» Однако теперь, после всех приключений, испытанных Аланом и Вивьен, появление шубки выглядело не актом покаяния, а злой насмешкой.

Взбешенный, Алан ворвался в дом, громко хлопнув дверью.

– Кто это был? Ты не заметила? – закричал он жене. – Симон? Кто-то из его дружков? У меня зудят кулаки, так хочется поговорить с ними по-мужски!

Из детской комнаты выглянула испуганная Вивьен:

– Чего я не заметила?

– Кто приходил? Кто принес шубку?

– Никто не приходил, – пролепетала Вивьен.

– У входа висит твоя пропавшая шубка, – Алан начал терять терпение. – Она не могла появиться на крючке сама собой. Ее кто-то повесил. Не просто кто-то, а тот, кто ее украл. Кто?

– Я, – опустив голову, ответила Вивьен.

Алан подумал, что ослышался, поэтому переспросил.

– Я, – Вивьен зашмыгала носом. – Повесила проветриться.

– Но где ты ее взяла? Она же пропала.

– Шубка не пропадала. Я ее спрятала.

– Куда? Зачем? – Алан был ошеломлен и растерян от услышанного. Ярость его улетучилась, уступив место безмерному удивлению.

– В ящик, который стоит на чердаке. В нем вещи твоих родителей, которые ты велел сохранить как память. Ты никогда не заглядываешь в этот ящик. Мне показалось... Да, показалось! Показалось! Мне что, не могло показаться? – Вивьен расплакалась. – Откуда я знала, что ты так?..

– Что показалось? Что я так? Ничего не понимаю!

– Что ты... – Вивьен рыдала теперь от всей души. – Ты... Из-за шубки... Что я... Такой дорогой подарок... А я нарочно... А ты... Хуже... Из-за шубки... Меня... Разлюби-и-и!

Алан рассмеялся.

– Вот в чем дело! Ты же видишь, что не разлюбил, – он обнял Вивьен, та перестала рыдать и только всхлипывала. – Но для чего было прятать шубку, я всё равно не понял?

Вивьен освободилась от объятий Алана, словно они не давали ей говорить, и присела на стул.

– Я хотела... тебя испытать... Прости! Я нарочно попросила в подарок шубку. Купишь или не купишь очень дорогую, но никчемную и не нужную на самом-то деле мне вещь. Ты купил, но мне показалось, что мое желание... Прихоть, конечно же, глупая прихоть... Что моя прихоть рассердила тебя. Я решила «потерять» шубку. Если бы ты... начал меня ругать... за пропажу... кричать на меня... Мне бы всё стало понятно. Если бы ты сказал: «Бог с ней, с шубкой, главное это то, что у меня есть ты», мне бы тоже всё стало понятно. Я хотела через несколько дней

Московский BAZAR № 1 (23) 2017 г.

«найти» шубку, но ты поступил так, как я не ожидала. Я не могла теперь сделать «находку», не выставив тебя в смешном положении. Прости меня!

Алан молчал. Он молча прошелся по комнате. Один раз, другой. Потом остановился возле Вивьен.

– Конечно, ты еще ребенок, – произнес он, и Вивьен тут же согласно закивала головой. – Тем не менее обещай мне две вещи!

– Хорошо! – сейчас же отозвалась Вивьен.

– Первое. Никогда мне не ври!

– Не буду! – пообещала Вивьен.

– Второе. Никогда не сомневайся в моей любви к тебе!

– Не буду! – воскликнула Вивьен и повисла у Алана на шее.

– Теперь, – продолжил Алан, – пригласи к нам соседей и расскажи им то, что рассказала мне. Я, хотя и не верил в это, но подозревал их в краже. Я должен извиниться перед ними за свои подозрения. Ты же понимаешь, что подозревать честных людей в неблагоприятных поступках, которых они не совершали, оскорбительно для них.

– Очень неприятно, когда тебя подозревают, – согласилась Вивьен и побежала созывать соседей.

Алан тем временем приготовил подарки для Симона и Мари. Для одного – бутылочку хорошего кальвадоса, для другой – горшочек лучшего меда.

Говорят, что, узнав о выдумке Вивьен, соседи только посмеялись, но в наказание дали мадам Гелен прозвище *fourrure de la petite grenouille* – «Лягушонкина Шубка». Впрочем, можно ли такое милое прозвище считать наказанием?

**Жизнь – что дорога:
Встретит весенний разлив –
И концы в воду.**

**Страшно вечером:
Так черна деревьев тень,
Так бела вода.**

**Игорь Бурдонов.
Акварель, бумага, 2005 г.**

ПРОЗА

Мари Веглинская

(МОССАЛИТ, Москва)

ТЕНИ ЗАБЫТЫХ ПИРАТОВ

Лёня Ирвин был большим и мясистым. Мясистым у Лёни было всё: нос, щеки, бока, ляжки, даже большие квадратные очки, сидящие на мясистом носу, тоже были мясистыми. Одевался Лёня весьма своеобразно: брюки, рубашка и шерстяная кофта на пуговицах. В руках таскал до ужаса старомодный портфель из темно-коричневой кожи. Ботинки у Лёни имели самый что ни на есть печальный вид, словно их долго вымачивали в воде, а потом сушили на батарее, отчего они, бедные, скукожились, сморщились и вообще умерли. В общем, чудаковатый тип. Обычно такие сразу же становятся объектами насмешек, превращаются в изгоев. Но Лёня не только вписался в наш круг – он стал душой компании, центральной фигурой наших студенческих посиделок. Нет, он не плясал, не травил анекдоты, не пел под гитару, он просто возлежал на диване в какой-то странной полусвесившейся позе и философствовал, отпуская время от времени шуточки. Он был как музыкальный центр, без которого танцевать можно, но неинтересно.

Жил Лёня в большой сталинской трешке на Динамо. Папа, Лев Маркович, преподавал в МГУ философию. При этом обладал недюжинным чувством юмора. Если мы вдруг оказывались у Лёньки дома и там нас встречал дядя Лео, как мы его называли, добрая пара часов здорового смеха была обеспечена. Вот уж кто умел так рассказывать анекдоты, что все они казались невероятно смешными, просто до коликов. А потом пытаешься повторить, и ерунда какая-то несмешная получается.

Еще дядя Лео научил нас есть редиску. Процесс был такой: редиска разрезалась на две половинки, намазывалась сливочным маслом, солилась и употреблялась с черным хлебом. Поверьте, это очень вкусно. Особенно когда мы прибегали к Лёньке после лекций, голодные как волки, а в холодильнике пусто – а там всегда было пусто, – редиска шла на ура. Еще Лёнька мог предложить репчатый лук с черным хлебом. Это было вполне нормально. Я вообще не понимаю, как при таком питании Лёня смог так разжесться. Вот дядя Лео был щуплым и маленьким, а Лёнька большим и толстым. Но при этом невероятно походили друг на друга! Как две капли воды. Дядя Лео имел такой же мясистый нос и такое же выражение глаз под мясистыми очками.

Пустовал холодильник потому, что Софья Григорьевна, Лёнькина мама, вела богемный образ жизни. Софья Григорьевна была большим эстетом, крутилась в театральных кругах, со всеми водила знакомство, не пропускала ни одного значимого культурного события. Кем она работала и работала ли вообще, никто не знал. Одевалась Софья Григорьевна экстравагантно: в какие-то кантри-штучки, чалму на голове, длинные юбки, всяческие бусы ручной работы, невероятные кожаные ремни и прочее. Курила исключительно сигареты «Мальборо», тогда большой дефицит, вставляя их в серебряный мундштук. Волосы красила в призрачный белый цвет. Она постоянно ходила на какие-то курсы, то кулинарные, то кройки и шитья, то еще чего-

то, и готовить ей было некогда. Если бы не бабушка с дедушкой, Лёнька бы умер от голода. В общем, семья была своеобразная и очень приятная.

У Лёньки в запасе имелась масса философских теорий, которые менялись в зависимости от настроения. А настроение у Лёни менялось в зависимости от философских теорий. Особенно его интересовали всякие загадочные теории о таинственных находках, пугающих открытиях: геоглифы на плато Наска, моаи острова Пасхи, английский Стоунхендж, перевал Дятлова, Бермудский треугольник и прочие таинственные места планеты. Истории про инопланетян Лёня собирал с особой скрупулезностью. Сведений об этом было крайне мало, где он их раздобывал, оставалось загадкой, но Лёня щедро делился с нами этой информацией.

Еще у Лёни была золотая голова. Неприлично умная. Он буквально всё ловил на лету и обладал непонятно откуда взявшимися энциклопедическими знаниями. Не было предмета, который бы вызвал у Лёни хоть какие-то сложности. И если на втором курсе он чуть не вылетел из института, так это вовсе не потому, что предмет оказался не по зубам, а потому, что именно в это время – ну надо же было попасть в самую сессию – Лёня изучал очередное свидетельство встречи техасского крестьянина с НЛО. Причем НЛО погрузил крестьянина на борт и унес в неведомые космические дали, а потом вернул, после чего крестьянин на песке стал рисовать неизвестные доселе ученым уголки Вселенной, куда был откомандирован инопланетянами. Лёня страшно ему завидовал. Ну почему они выбрали какого-то безграмотного крестьянина, изумлялся Лёнька, а не его, ярчайшего представителя цивилизации землян! До сопромата ли тут! И если Лёнька как-то переходил с курса на курс, то исключительно благодаря своей волшебной голове, которая могла вовремя собраться, сгруппироваться и впихнуть в себя все тома учебников и лекций, пройденные за семестр.

– Эх, Лёнька, – говорил ему дядя Лео, – если б не твоя лень, вышел бы из тебя человек! А так – будешь ботинки чистить.

Говорил беззлобно и со смехом. Словно ему было безразлично, будет Лёнька блестящим ученым или чистильщиком сапог.

На этот счет у Лёньки была теория, которую он называл «Теорией пиратов». Теория была пространная, пестрящая какими-то неведомыми латинскими терминами, большей частью Лёнькой же изобретенными, с мощной доказательной базой. А смысл теории был прост: вот жили когда-то на белом свете пираты, бороздили просторы Карибского моря, рисковали жизнью, попутно делали открытия, грабили корабли, пили ром, открывали новые земли, в общем, жизнь вели содержательную и увлекательную. А кто мы? А никто. Всего лишь тени этих пиратов, бесславные и бессодержательные. И смысла рыпаться нет никакого. Всё равно проживем без толку, потому что времена великих открытий канули в Лету, и всё, что нам остается, это есть, пить, детей растить. Дядя Лео только смеялся и хлопал Лёньку по мясистой спине.

Со стороны девчонок безусловным лидером нашей компании была Янка Барченко. У Яны папа работал директором крупного московского завода, и Яна не знала отказа ни в чем – ни в заграничных шмотках, ни в кавалерах. К тому же была весьма недурна собой – стройная блондинка с большими голубыми глазами, – неглупа и довольно ядовита. Она постоянно кого-то подкалывала, высмеивала, причем обидно и гадко. Почему-то всё это ей прощалось. Возможно, потому что при всём при этом она обладала необыкновенной щедростью. Мы все ходили в ее заграничных шмотках, которые она выдавала нам без всякого сожаления, не потому, что их было много, а потому, что не было жалко. Например, идешь ты на свидание и тут же звонишь Янке:

– Ян, а не дашь мне твой джинсовый костюмчик, который тебе отец из Франции привез?

И вот ты уже вся модная-премодная, в суперском костюме, который один на всю Москву. И если даже вдруг его чем-то обольешь или испачкаешь, никто тебя не убьет. Хотя это, конечно, не приветствовалось.

Еще она снабжала нас заморскими спиртными напитками, такими как мартини и кампари. Хотя мы всё же предпочитали чистый спирт, который разводили клюквенным вареньем, а приносил его Гоша, у которого папа был хирургом. Еще был Ваня, наш личный Аллен Делон (действительно похож), бабник и жиголо, мечта всех девчонок. Разумеется, он встречался с Янкой. В общем, вот такая была веселая компания.

Лёньку Яна обожала, вечно таскала за щеки и сюсюкала. Мы все Лёньку обожали. Во-первых, он был истинным джентльменом и всех девчонок развозил по домам, даже если дома находились на противоположных ветках метро, во-вторых, он был добрым и веселым, в-третьих... а в-третьих, это был Лёнька Ирвин, и этим всё сказано. Но как кавалера Лёньку никто не рассматривал. Вероятно, это обижало его, но вида он не подавал. Короче, Лёнька для нас был этаким веселой тенью забытого пирата, который вот так будет вечно валяться на диване и философствовать, а мы будем жениться, разводиться, делать карьеру. Как-то Миша с соседнего потока сказал Лёньке:

– Дурак ты, у тебя такая голова! Можешь такую карьеру сделать. Ты же физик прирожденный. Мне бы твою хватку!

На что Лёнька со смехом ответил:

– Ну уж нет. Мне покой дороже! Никаких карьер. Вот окончу институт, уж поскорей бы, и буду писать книгу про Бермудский треугольник, у меня уже много фактов есть. Я тут нашел сведения о пропавших во время войны американских военных самолетах. Представляешь... – и тут Лёнька пустился в длинный рассказ, который Мише был скучен и неинтересен, потому что сам Миша был настроен на научную карьеру и Лёнькиному уму откровенно завидовал. Больше никто Лёньке о карьере не говорил.

И вдруг на четвертом курсе, где-то в середине октября, Лёнька привел к нам девушку. Пожалуй, большего шока мы не переживали с момента сдачи вступительных экзаменов в институт, когда будущее висело на волоске. А еще большим шоком стало то, что девушка оказалась законной Лёнькиной женой. Почему-то мы все, девчонки, разом заревновали Лёньку, хотя раньше не держали за жениха этого толстого и неуклюжего паренька. Но вот так отдавать его кому ни попадя тоже не собирались. Лёнька должен быть и всех, и ничей, а чтобы принадлежать какой-то одной девушке, да еще нам неизвестной, это было как-то нечестно!

Девушку звали Люба. Привез ее Лёнька из деревни, где летом гостил у тети, имевшей там домик в форме дачи. И всего-то погостил Лёнька в деревне один месяц, один-единственный месяц, и вот результат. Как в такие короткие сроки эта деревенская девчонка смогла его околдовать и женить на себе, было большой загадкой. Янка сразу сказала, что Люба просто Лёньке дала, вот и всё. До этого у Лёньки девушки не было. Но как интеллигентная еврейская Лёнькина семья смогла на это согласиться?! Вот где была загадка. Впрочем, разгадка вскоре нашлась, и стало ясно, почему Софья Григорьевна так благожелательно приняла эту деревенскую необразованную барышню. Одной из причин было то, что дядя Лео и Софья Григорьевна собрались в эмиграцию в Израиль, а Лёнька должен был доучиться. Бабушка и дедушка были уже старенькими, а сынулю нужно было на кого-то оставить. Почему-то интеллигентной барышни из еврейской семьи для Лёньки не нашлось, а может, и не искалось. Но, как я думаю, Софья Григорьевна с присущей ей еврейской мудростью, увидела в этой девчонке что-то большее, нежели необразованную девицу. К тому же Любаша прекрасно готовила, была чистоплотна, аккуратна и работяща. Какие у нее были пироги – мамма миа! – оторваться невозможно. Особенно с рисом и яйцами. В последние месяцы перед эмиграцией

дядя Лео даже поправился на Любиных харчах, приобрел розовый вид и, кажется, уже не хотел уезжать.

Что касается нас, то мы приняли Любашу с неохотой. Она была нам чужой. Особенно невзлюбила ее Янка. Все ее едкости и колкости теперь были направлены исключительно на Любу. Она высмеивала ее не стесняясь, всячески унижала и даже оскорбляла. Настолько откровенно, что всем становилось не по себе. И даже Ленка, преданный Янкин друг, как-то не выдержала и сделала ей замечание, из-за чего они даже разругались и постепенно отдалились друг от друга. Особенно Янка вязалась к Любиному выговору и словарному составу. Люба и правда говорила смешно для московских ушей. Гостиную она называла «залой», ложилась «под одеялу», мылась «в душу», а многих терминов попросту не знала, особенно таких заумных, которые вдруг так неожиданно полюбила употреблять Янка: детерминизм, концепция, экзистенциализм, когерентность. Вероятно, Янка и сама их значения толком не знала. Конечно же, Люба не читала Джойса, Кьеркегора, Маркеса и даже «Мастера и Маргариту» Булгакова. Надо сказать, что Янка сама так и не осилила «Улисса», да и с учением Кьеркегора была мало знакома, но очень любила о них говорить, особенно в присутствии Любы. А еще Люба грызла ногти, когда нервничала. Вот уж где Янка отрывалась по полной! И если поначалу Люба пыталась что-то рассказывать, то довольно скоро замкнулась в себе и больше уже ничего не говорила. А сидела в уголке и молча слушала.

Она была другая, не такая, как мы. Как однажды про нее сказала Ленка: «Она настоящая». Пожалуй, это самое верное слово, характеризовавшее Любу. Естественная и открытая, она никому не желала зла, всех всегда оправдывала, любила веселую музыку и кинокомедии. И тем не менее, в ее глазах светился природный ум. И то, что она не смогла получить в деревенской школе, Люба с удовольствием добирала в Москве, попав на благодатную почву. Сама того не желая, Янка просвещала ее, давая наводки на литературные произведения, модные в Москве новинки. Сидя в своем уголке, Любаша внимательно и с интересом слушала наши разговоры, ловила каждое слово, вникала в суть, а потом шла в библиотеку и читала. Думаю, в результате, она оказалась гораздо начитаннее и просвещеннее, чем мы. И уж чем Янка – точно. Единственным человеком, сблизившимся с ней, как ни странно, стала Ленка. То ли от жалости и сострадания, то ли эта девушка действительно ей понравилась своей искренностью и простотой, то ли назло Янке, но постепенно Ленка с Любашей стали закадычными подругами.

Лёньке, конечно, не нравилось, что Янка высмеивает и даже унижает Любашу, но то ли природная интеллигентность не позволяла ему делать замечание даме, то ли страх потерять друзей, но он никогда не останавливал Янку. Хотя все замечали, как ему неприятно это слушать. Однажды он всё же не выдержал и одернул Яну, на что она ответила, что ее шутки распространяются на всех и выбирать она не будет. И это было правдой: под острые Янкины стрелы попадали все, просто Любаше доставалось больше других.

Любаша была красива. Такое правильное хорошее русское лицо с тонкими благородными чертами лица, на котором выделялись глаза, большие, синие как васильки, в обрамлении длинных темных ресниц, и изящно изогнутые брови. Волосы совершенно неопределимого цвета: то ли соломенно-золотистые, то ли рыжеватые, с темными каштановыми прожилками, словно мелированные в три оттенка, заплетены в длинную толстую косу. Это была очень породистая девочка. Особенно поражали ее руки – изящные, грациозные, с тонкими длинными пальцами, аккуратными ноготками, – вид их совершенно не вязался с представлением о руках девушки, которая доит корову. А доить корову Любаша умела, о чем с гордостью рассказала в первый же день. Даже Яна отметила красоту ее рук:

– Таковыми бы пальчиками на пианине играть, а ты корову доишь!

Из-за постоянных Янкиных нападок Лёня и Любаша перестали бывать в нашей компании, но время от времени приглашали к себе. Тогда дядя Лео и Софья Григорьевна уже уехали в Израиль, и Любаша чувствовала себя в доме полноправной хозяйкой. Причем она умудрилась изменить в доме всё, включая обстановку. Если бы Софья Григорьевна вернулась, то, несомненно, упала бы в обморок. Но она не вернулась. И Любаша всё сделала по-своему. Янка побывала там только раз, тут же ехидно всё прокомментировала и больше не появлялась. Да и мы бывали редко. Как жили Лёнька и Любаша, мы почти не знали. Чем занималась Любаша, Лёнька не рассказывал, но Ленка как-то обмолвилась, что Любаша поступила в какой-то техникум на бухгалтера: поскольку у нее только восемь классов, в институт идти она не могла. Это тоже не прошло мимо Янки.

То, что в Москве эта милая деревенская барышня вполне обжилась, стало понятно, когда они вместе с Лёнькой пришли как-то на Новый год. Заграничные израильские шмотки изменили Любашин облик, но коса осталась, и никакой косметики, как и раньше. Вела Любаша себя так же скромно, чувствовала себя с нами неуютно, и они с Лёней быстро ушли, а с ними Ленка и Лёнькин друг Миша. Всё это Янку дико взбесило. Если бы Любаша услышала, что говорила про нее в тот вечер Янка, то не появилась бы уже никогда. Возможно, кто-то всё же передал ей, но больше Лёня и Любаша не приходили, как-то совсем отдалившись. Теперь на все праздники они уезжали к Любашиным родителям в деревню, где еще жили ее братишка и сестренка. Из деревни чемоданами прибывало домашнее сало, соленья с вареньями, картошка, морковка, свеколка, грибочки и прочий гостинец. Обо всем этом мы узнавали от Ленки, смеясь, она как-то сказала, что Лёня скоро в дверь не пройдет. Лёнька и правда стал еще толще и мясистее, но Любаша стала ограничивать его в еде и даже посадила на диету. Всё это было так смешно и нелепо! Мы не верили своим ушам.

Тем временем обучение близилось к концу, мы все писали дипломы, нервничали, защищались, получали свои корочки об окончании института и страшно радовались. Как-то мне позвонила одна девчонка из нашей компании, Вера, с удивительной новостью, которая буквально всех сразила наповал:

– Ты представляешь, Лёнька Ирвин идет в аспирантуру!

– Да что ты! Впрочем, он умный, туда ему и дорога, – ответила я, пребывая в легком недоумении.

– Нет, ну ты представляешь, – волновалась Верочка, – Лёнька, разгильдяй и лентяй! Он же никогда толком не учился! Да и не собирался. Позвоню узнаю, как поживает его книга об НЛО!

Тут я припомнила, что последние два года Лёнька действительно взялся за ум, не пропускал лекции и сессии сдавал вовремя, как сдавал, я не знала, но, судя по всему, хорошо.

– Предки свалили, никто не заставлял, а он взял и стал учиться! – не унималась Верочка. – Вот чудак!

Это правда было очень странно.

В последний раз мы виделись на выпускном, который организовал Янкин папа в гостинице «Белград». Лёнька пришел с Любашей, посидел недолго, пошутил, посмеялся и ушел из нашей жизни навсегда.

Наступили лихие девяностые, и жизнь здорово всех нас потрепала. Наш выстраданный диплом оказался никому не нужен, бал правили неучи и бандиты. Мы выживали как могли. Кто-то ушел в бизнес, кто-то в политику, кто-то стал бомжем, кто-то спился, а кто-то умер. Янка вышла замуж за какого-то сына какой-то шишки, и их с мужем отправили в Прагу в представительство «Аэрофлота». Ходили слухи, что Лёнька с Любашей уехали в Америку, но толком мы ничего не знали. Да и не хотели. Каждый шел своей дорогой, обрастая новыми друзьями, забывая старых. Наверное, так и должно быть в жизни. Каждый проходит только ему

положенный путь, оставляя в прошлом былых попутчиков, безостановочно двигаясь к собственной цели.

Наверное, мы бы никогда не встретились, если бы вдруг кто-то очень умный не придумал социальную сеть «Одноклассники». И случилось это буквально за два года до двадцатипятилетия окончания нами института. Вот это да! Кто бы мог подумать! Постепенно из небытия, постаревшие и изменившиеся, выпорхнули на свет божий все наши друзья. Почти все. Мы списывались друг с другом, буквально целыми днями пропадая в «Одноклассниках», находили друг друга, ликовали, радовались, делились крупицами сведений. И наш юбилей решили отметить все вместе. «Белград» к тому времени уже перестал существовать, и мы выбрали небольшой уютный ресторанчик недалеко от института. Занимался всем Миша, который не пошел в науку, но зато стал большим человеком в московском Правительстве.

Я пришла поздно, когда все уже расслабились, выпили. Встретили меня ликованием и громкими возгласами, впрочем, так встречали всех. Хотелось расспросить всех и сразу обо всем. Трепались, пили, искренне радовались встрече. И вдруг Ленка, сильно располневшая, но ухоженная и красивая – она теперь была косметологом, – встала и хлопала в ладоши, привлекая внимание:

– Ребята, тише! Послушайте, Лёня Ирвин и Люба сейчас придут, они по делам ненадолго приехали из Америки!

– Ур-р-ра-а!

Все были искренне рады.

Янка оживилась:

– Так они всё же в Америке?

– В Америке, – подтвердила Ленка, – давно уже. Лёня преподает в университете, профессор, у него своя лаборатория. Кстати, очень известный ученый с мировым именем!

– А я говорил, что он будет физиком! – крикнул довольный Миша.

– Вообще-то он биолог, – улыбнулась Лена, – его в Сколково приглашают. Так что будем видеться чаще! Впрочем, он сам расскажет.

– Ну надо же! – кисло проговорила Яна.

К тому времени она уже развелась с мужем и вернулась из Праги, что ее сильно огорчало. Все ее разговоры были только о том, как хорошо жить в Европе и как погано в России, и никаких перспектив, одно дерьмо, и что она все равно свалит, любой ценой. И то, что Лёнька прижился в Америке, ее не обрадовало.

И вот мы увидели Лёньку и Любашу. Они шли через зал и улыбались. Два красивых, стройных, высоких человека! И если Любаша почти не изменилась, то Лёньку мы узнали исключительно по мясистому носу. Он сильно похудел и стал стройным и статным, на носу дорогие очки в золотой оправе, волосы на висках поседели, но выражение лица осталось прежним! А Любаша была великолепна: дорого и элегантно одетая дама, тонкая и изящная, моложавая, ухоженная с головы до ног, с дорогой сумочкой в руках, уверенная в себе. Косы уже не было. Хорошо уложенная прическа и немного косметики, в меру, чтобы только подчеркнуть природную красоту. Лёнька радостно стал обнимать всех подряд, а Любаша села на любезно освобожденное место. Я видела, как смотрели на нее наши мужчины – с недоумением и восхищением. Любаша оказалась напротив Яны. Мне кажется, она сделала это намеренно. Теперь они сидели друг напротив друга и были явно на равных.

– Ну как поживаешь? – спросила Янка.

– Всё о'кей, – ответила Любаша, тут же отвлеклась и перебросилась парой слов еще с кем-то.

Они с Лёнькой мгновенно стали центром внимания.

Янка подцепила вилкой селедку и уныло стала жевать.

– А ты как? – вдруг спросила Любаша.

– Да тоже ничего, – ответила Янка. Настроение у нее явно испортилось.

– А знаешь, я тебе очень благодарна, – вдруг улыбнулась Любаша, – ты отучила меня грызть ногти. Никто не мог, ни мама, ни папа, а ты смогла. Так что спасибо! – Она засмеялась, совершенно искреннее.

– Да не за что... Значит, зла на меня не держишь?

– Зла? – Любаша с удивлением посмотрела на Янку. Было видно, что никакого зла на Янку она не держит и не держала. – Нет конечно!

– Как сестры-братья?

– Хорошо, сестричка сейчас у нас, в Америке, в Лёниной лаборатории работает, у братишки здесь бизнес. Родителям купила в Москве квартиру, да они в своей деревне сидят, – она засмеялась, – послезавтра поедем навестим.

– Дядя Лео и Софья Григорьевна живы?

– Тьфу, тьфу, тьфу! Живут в Хайфе. С внуками по скайпу общаются. А старшенькая наша уехала к ним, в Израиль.

– Значит, дети есть, – скорее сказала, нежели спросила Янка.

– Конечно. Четверо.

– Четверо? – Янка не могла скрыть удивления, глядя на стройную и статную Любашу.

Информация всё меньше нравилась Янке.

– И кем работаешь?

– Она инструктор по йоге. Йогиня моя! – Лёнька положил руки Любаше на плечи, и она тут же взяла его за руку.

– Разве это профессия? – вяло спросила Яна.

– О, она очень востребованный инструктор. К ней еще попасть надо! Вот, видишь, что из меня сделала, – Лёнька рассмеялся и поцеловал жену в макушку.

– Вижу, – Янка налила себе вина.

– Любаша еще много чем занимается, у нее свой фонд.

– И что ты там делаешь? – спросила Янка.

– Много чего, ну например... – Любаша задумалась, подбирая слова, и вдруг сказала: – Ты же знаешь, с русским у меня всегда было неважно, может, перейдем на английский? Мне легче по-английски говорить.

– А мне по-чешски, – тихо ответила Яна.

– Старик, ты выглядишь на все сто! – подошел пьяненький Ваня. – А я вот располнел.

Он и правда располнел, подурнел и обрюзг. От Алена Делона не осталось и следа.

– Женат? – спросил Лёня.

– Разведен. Уже четыре раза, – Ваня рассмеялся и почему-то посмотрел на Янку. – А ты, старик, стал хоть куда!

– Это всё жена моя, – Лёнька снова поцеловал Любашу. – Это ведь она настояла, чтобы я пошел в аспирантуру, и с Америкой ее идея, я бы с места не сдвинулся. Так и лежал бы на диване тенью забытых пиратов. Да чего там! Она меня сделала!

– Помню-помню, тени забытых пиратов! – Ваня снова рассмеялся, налил рюмку и опрокинул. – У тебя мозги, старик! Это мы тени, а ты пират.

Он сел и грустно уставился куда-то в окно.

– Без Любаши мои мозги пропали бы! – Лёнька похлопал Ваню по плечу. – Ах да, вот, привез вам всем в подарок, сейчас, минутку.

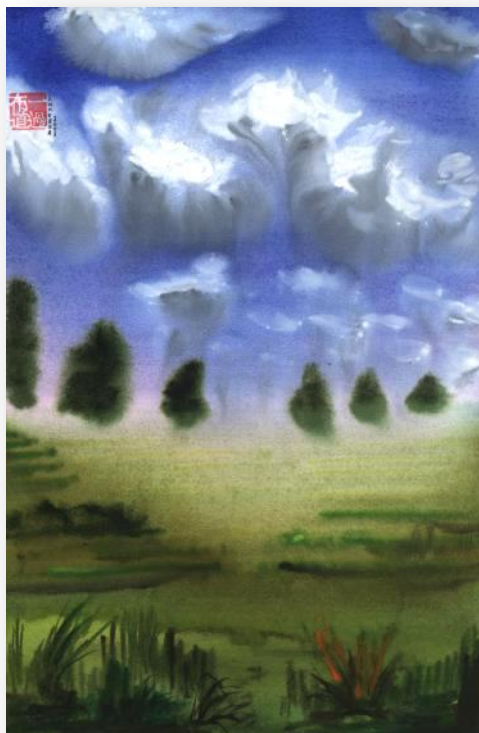
Он ушел и вернулся с большой коробкой.

Московский BAZAR № 1 (23) 2017 г.

– Правда, на английском, но, думаю, вам будет интересно – свидетельства встречи с НЛО.
– Ты всё еще в это веришь, старик?
– Это мое увлечение. Хобби. В свободное от работы время. Вот, просвещайся! – он протянул Олегу книгу. – С дарственной надписью.

Было непонятно, шутит Лёнька или серьезен. Но то, что он совершенно счастлив, сомнению не подлежало!

Вечер подходил к концу, и постепенно все стали расходиться. Первыми наши стройные ряды покинули Лёнька и Любаша, а с ними ушла Ленка. Очевидно, что они продолжали общаться, и весьма тесно. За ними потянулись остальные. Уже стоя в гардеробе в пальто, я вдруг вспомнила, что оставила на столе телефон. Вернувшись в зал, я увидела сидящую ко мне спиной Яну за длинным рядом пустых столов. Опираясь локтем о стол, она прижимала к щеке пустой бокал и о чем-то думала.

*Хмурятся травы:
Что за блажь у деревьев
Взлетать к облакам!*

*Среди деревьев
Похожих нет. Откуда ж
Общая печаль?*

*Игорь Бурдонов.
Акварель, бумага, 2005 г.*

ПРОЗА

Олег Черняк

(Пермь)

ШАХМАТИСТ

*Когда игра заканчивается, король и пешка
падают в одну и ту же коробку.
Итальянская поговорка*

Рекламная вывеска над металлическими дверями мигала умирающими огнями. Свет от угасающих неоновых трубок, выгнутых в слово «БАР», сиреневыми бликами осыпал посетителей этого питейного заведения. К середине девяностых годов такие рюмочные часто открывались в продуктовых магазинах и были как близняшки похожи друг на друга внутри.

Длинная барная стойка и высокие прямоугольные столы, оклеенные пластиком под красное дерево, на стенах несколько плакатов с полуголыми красотками и тусклый желтый светильник над служебным входом. Но убогость интерьера не интересовала завсегдатаев бара, жители соседних домов приходили сюда пить. Полумрак помещения и мелодии шансона располагали к душевным беседам о личной жизни, судьбе и политике. Все места за столами были негласно распределены. В самом темном углу собирались местные хулиганы и жулики, готовые в любой момент при появлении милиции ускользнуть через служебный вход в магазин и затеряться на его просторах. Ни один чужак, случайно зашедший выпить, не оставался без их внимания. У него непременно пытались вытащить кошелек, а если не получалось, то виртуозно заманивали в карточную игру, и при любом варианте случайный гость выходил из бара без наличных, а иногда без верхней одежды и обуви. За другими столами открывались настоящие дискуссионные клубы по интересам. Иногда, когда аргументы заканчивались, жаркие споры переходили в незлобную драку, которую моментально прекращал выходящий из-за стойки бармен Серега. Его все уважали и побаивались не только потому, что он был бывшим боксером, а из-за того, что только бармен решал, налить или не налить, дать взаймы или нет. Учитывая, что в то время зарплату постоянно задерживали, а выпивать хотелось каждый день, можно сказать, что Серега умело манипулировал большинством своих клиентов.

Первого марта девяносто пятого года бар был полон. Всеми обсуждалась одна тема — убийство известного журналиста Влада Листьева. Стрельба на улице в то смутное время уже никого не удивляла, но смерть ведущего любимой Серегиной передачи «Поле чудес» временно сплотила посетителей бара не столько горечью утраты, сколько щедростью скорбящей души бармена. Он выставил на каждый стол по бутылке водки за счет заведения и, вытирая слезы, пил со всеми за упокой души ушедшего кумира.

Печальный процесс прервал резкий скрип пружины открывающейся входной двери. В зал зашел невысокий тощий мужичок неопределенного возраста. Потрепанная шуба из искусственного меха и надвинутая на брови черная вязаная шапка, ботинки с белыми веревками вместо шнурков ясно показывали, что сейчас у него не лучший период жизни. Новый посетитель держал в руках истертую шахматную доску и был похож на доброго

домовенка, которого почему-то выгнали из жилища. Осмотревшись вокруг, «домовенок» громко сказал:

– Я категорически приветствую всю достопочтимую публику! – И, подойдя к Сереге, продолжил: – Разрешите, милостивый государь, выпить в вашем уютном заведении пару фунфыриков, приобретенных мной в соседней аптеке? Если да, то не могли бы вы дать мне бутерброд, за который я расплачусь в ближайшие часы.

Все собравшиеся в баре с удивлением смотрели на необычного посетителя. Даже Серега, повидавший за многие годы работы разных чудиков, слегка опешил. Он взял со стойки бутерброд с килькой и, протянув мужичку, спросил:

– А водочки не желаете? Я угощаю!

– Благодарю вас, любезный, – ответил тот. – Не буду отказываться от даров, с удовольствием выпью.

Мужичок поднял стакан, до края наполненный водкой, и большими глотками опустошил его.

– Итак, господа, меня зовут Вова, – сказал он, понюхав бутерброд. – Кто желает сыграть со мной под интерес незатейливую партейку в шахматы? Ставлю на кон бутылку водки, но кто проиграет, отдает мне ее денежный эквивалент.

Посетители, вспоминая, что такое эквивалент, молча наблюдали за происходящим.

Вова обратился к вышедшей из подсобки уборщице Фае.

– Мадмуазель! – сказал он, разглядывая огромный синяк под ее глазом. – И хотя я вижу, что ваша жизнь еще хуже моей, не могли бы вы удалить мусор с этого стола? Сейчас тут начнется игра.

Фая мгновенно убрала стаканы и смахнула крошки вонючей тряпкой. Первым проиграл Серега, слегка покачиваясь, он вытащил из кармана мятую купюру и протянул ее победителю.

– Положите на стол, уважаемый, – сказал Вова. – И, по-моему, вы забыли вычесть за бутерброд.

У стола уже собирались желающие сразиться с пьяненьким шахматистом. Через три часа Вова обыграл всех. Перед ним на столе лежала приличная пачка денег. Он разгладил купюры, половину аккуратно сложил в карман, а остальные кинул на барную стойку.

– Уважаемый! – обратился Вова к Сереге. – Будьте любезны, налейте на эти деньги водки всем присутствующим и не забудьте вычесть за бутерброд. А мне на сегодня хватит, и я вынужден вас покинуть. Если позволите, завтра я снова посещу это милое заведение. – Он театрально раскланялся и вышел из бара.

С того дня Вова стал постоянным посетителем этого места. Он приходил к открытию, расставлял шахматы и шел в аптеку за любимой настойкой боярышника. Слух о странном шахматисте распространился по всему району. В бар стали наведываться солидные люди, любители шахмат, но и они уходили полностью проигравшись. Когда один из чужаков попытался сжульничать, воспользовавшись Вовиной дремотой, его сразу наказали очевидцы с углового стола. Побитый спасся бегством, правда, без часов и кошелька.

Шахматиста любили все. Несмотря на жизненные передрыги, о которых он никогда не рассказывал, Вова постоянно улыбался беззубым ртом, не повышал голос, не ввязывался в драки, всегда пребывал в состоянии удивительного спокойствия. Молодая уборщица Фая называла его папой и жаловалась на мужа-тирана, который напивался и колотил ее каждый день. Вова подолгу слушал ее и гладил по голове. Лицо его в этот момент становилось серьезным, а глаза наполнялись волчьей яростью.

– Хочешь, я его убью? – спросил он Фаю.

Она замотала головой и с испугом сказала:

– Нельзя, тебя посадят, да и здоровый он, не справишься.

Вова только усмехнулся в ответ.

После долгих уговоров Вова рассказал Сереге с Фаем историю своей жизни, вытащив из кармана замотанные в полиэтиленовые пакеты фотографии.

Оказалось, что ему всего пятьдесят семь лет. Родился Вова в Москве, там же окончил театральный институт и по распределению уехал работать в провинциальный театр. Талантливый актер играл все главные роли, он быстро женился на молодой актрисе, служившей в этом же театре. Через три года его заметил известный режиссер, приехавший на гастроли в глубинку со своим театром, и предложил перебраться в Ленинград. Окрыленный, Вова помчался в театр сообщить жене радостную новость. Он застал ее в костюмерной в объятиях тихого портного, которого все считали голубым. Обезумев от ревности, обманутый муж схватил большие ножницы и убил обоих. Поняв, что натворил, сам пришел в милицию и написал явку с повинной. Дело передали пожилому следователю, который только что развелся с женой, застукав ее с молодым любовником. Он как никто понимал Вову и очень старался ему помочь, провел массу экспертиз и даже возил обвиняемого в институт Сербского, пытаясь доказать его невинность. Все усилия были напрасны, врачи не нашли никаких отклонений, кроме кратковременного эмоционального возбуждения в момент убийства.

Суд хотел назначить высшую меру, но, учитывая состояние аффекта, дали пятнадцать лет строгого режима, и Вова был этапирован в город Соликамск. В зоне он серьезно увлекся шахматами, перечитал все библиотечные книги о великих гроссмейстерах и постоянно играл, набирая опыт. До освобождения оставался год, когда в отряде вспыхнул бунт. Выход был один – или присоединиться ко всем, или умереть от ножа. И он выбрал жизнь. Ничего не добившись от начальства лагеря, протестанты набросились на охрану. Многих заключенных тогда застрелили при попытке к бегству, но Вову смерть обошла стороной. После долгих разбирательств ему добавили еще семь лет, пять из которых он отсидел в одиночной камере. Эти долгие годы, чтобы не сойти с ума, он изучал книги по шахматам, выстраивал в голове возможные комбинации нападения и защиты. И вскоре освоил все этапы игры, знал классификацию дебютов, изучил атаки, контратаки и позиционное маневрирование в миттельшпиле, четко представлял, что делать, когда игра переходит в эндшпиль.

После освобождения Вова мотался по ближайшим деревням, зарабатывая чем придется, но так и не смог нигде прижиться. Год назад приехал сюда и пока живет в подвале, разделяя незаконно занятую жилплощадь с двумя такими же бродягами. «Работать я уже не могу, – сказал Вова. – Если дотяну до пенсии – хорошо, а там видно будет». Серега и Фая с интересом рассматривали фотографии, которые подтверждали счастливые моменты жизни шахматиста. Со снимков смотрел улыбающийся Вова в сценических костюмах рядом с великими актерами той поры. Фая плакала, Серега пил.

Однообразная жизнь бара вошла в свою колею. К шахматисту уже все привыкли и волновались, если он куда-нибудь ненадолго исчезал, как сам говорил, по личным незначительным делишкам. Постоянные клиенты приносили ему разную одежду и обувь, а Серега иногда, когда директор магазина уходил рано, разрешал остаться в баре ночевать. Вова стал живым талисманом зала, настоящим домовым.

Незаметно наступила зима. Двадцатого декабря Вова праздновал день рождения. На выигранные деньги он накрыл стол и угощал всех знакомых. Хулиганы подарили имениннику хорошую турецкую дубленку и норковую шапку. Всё это было украдено на центральном рынке у зазевавшихся торговцев. Под всеобщие крики Вова, смущаясь, демонстрировал обновки, которые сразу надел, а старую шубу торжественно вынес на улицу и положил у входа в бар вместо тряпки.

Веселье продолжалось. Фая вышла в магазин через служебный вход. Серега отправил ее за колбасой для бутербродов, которые сегодня быстро заканчивались. Через секунды из-за двери раздался грохот и дикий крик Фаи: «Помогите! Помогите!» Вбежавшие в подсобку люди увидели лежащую на полу уборщицу с разбитым лицом и здорового парня, ее мужа, пинавшего Фаю в живот.

– Всем стоять! – крикнул Вова. Он взмахнул рукой, и все заметили, как из рукава вылетает заточенный металлический прут. Шахматист резко подхватил его и приставил к горлу оторопевшего обидчика. – Послушай меня, выродок! – продолжал он. – Если еще раз узнаю, что ты ударил Фаю, я тебя убью.

По искореженному злостью лицу было понятно, что он не шутил.

Через пару дней произошло еще одно событие, всколыхнувшее бар. Днем к питейному заведению подъехали два «Мерседеса-Гелендвагена». Из них выскочили крепкие ребята и вежливо попросили всех, кроме шахматиста, покинуть помещение. В зал вошел хорошо одетый пожилой мужчина с резной тростью, он положил на стол сто долларов и сказал Вова:

– Твои белые, ходи!

Партия длилась около двух часов и закончилась патовой ситуацией, соперники были вынуждены признать ничью. Потом мужчина что-то долго говорил Вова, а тот в ответ молча кивал, в конце беседы они пожали друг другу руки, и незнакомец направился к выходу.

– Деньги забыли забрать! – крикнул Вова, но мужчина уже вышел из бара.

Вечером Вова рассказал друзьям, что в жизни грядут большие перемены. Тридцать первого декабря в два часа дня за ним приедут, а с нового года он будет играть на закрытых турнирах и зарабатывать большие деньги. Новый покровитель обещал достойную жизнь, которую заслуживает хороший шахматист. И все снова пили за Вовину удачу.

Тридцатого декабря резко похолодало. Посетителей в баре не было, все готовились к встрече нового года. Серега сидел за стойкой, пил пиво и думал о Вова. Как иногда несправедливо жизнь закручивает людей. Может, уехав тогда из провинциального театра, стал бы шахматист великим артистом и не прошел бы все испытания, сыпавшиеся на его голову. Хотелось, чтобы в этот раз повезло, если он талант, значит, должен пробиться наверх. «Закрою я сегодня лавочку, – решил Серега. – Народу все равно будет мало, шахматист придет только завтра. Что сидеть без выручки?» Обмотав лицо шарфом, он вышел на улицу, закрыл бар и пошел домой.

У Фаи весь день было радостное предчувствие – может быть, приближающийся праздник давал надежду на перемены.

Сегодня директор устроил укороченный день и повел всех продавцов в ресторан по случаю нового года. Фая попрощалась со сторожем и вышла на улицу, ледяной ветер обжег лицо колючими снежинками. У входа в магазин стоял пьяный Вова.

– Фая! – сказал он. – Пусти в бар переночевать, я с соседями по подвалу поругался, и они меня выгнали.

– У меня нет ключей, и Серега давно ушел, – ответила Фая. – Я сейчас прибегу домой и позвоню ему, что-нибудь придумаем. Ты иди к бару и жди там.

Фая зашла в квартиру и не сразу поняла, что произошло. Квартира блестела чистотой после недавней уборки. Ее муж, абсолютно трезвый, в белой рубашке, встречал у порога. Он помог снять пальто и заботливо поинтересовался:

– Замерзла? По телевизору сказали, что на улице минус тридцать четыре.

– Что с тобой? – с удивлением спросила Фая. – Ты заболел?

– Нет, Фаечка. Я закодировался и больше никогда не буду пить. Он подхватил Фаю на руки, как маленького ребенка.

Московский BAZAR № 1 (23) 2017 г.

– Подожди, – пробормотала она в растерянности. – Мне надо позвонить.

Но муж поцелует закроет ей рот и унес в спальню.

Фая проснулась и посмотрела на часы.

«Пять утра! Ужас! А Вова! Я совсем забыла про него! – мысли кружили голову. – Да ладно, пересидел одну ночь в подъезде, не впервой». И она снова закрыла глаза.

Сергея подходил к бару. «Сколько снега намело за ночь, – подумал он. – Надо алкаша найти, чтобы от входа сугроб убрал и лед со ступенек сбил».

Но, подойдя ближе, он в ужасе замер. «Не может быть! Нет!» – закричал он.

У дверей бара сидел засыпанный снегом замерзший Вова, окоченевшими руками он прижимал к груди шахматную доску.

Сергей наклонился и смахнул замерзшие слезинки с холодного улыбающегося лица.

Неоновая вывеска ярко вспыхнула и погасла навсегда.

*Последний довод:
Ты видел, как танцуют
Сосны на холмах?*

*Мы как деревья:
Случайно вместе вечно,
Пока есть память.*

*Игорь Бурдонов.
Акварель, бумага, 2005 г.*

ПРОЗА

Евгения Дериземля

(Украина, Кременчуг)

МАСЛЕНИЦА-МОКРОХВОСТКА

Близится уж к концу мясное воскресенье. В последний раз перед Масленой люд тешил себя мясными кушаньями. Люди наносили друг другу визиты, чтобы пригласить на Масленицу. Радовалась приближению праздника и Аграфена:

– Во как сегодня всё хорошо сложилось!

Вся семья была в сборе. Все веселились, смеялись, позабыв о постоянной вражде. Даже тесть в этот день, несмотря на все обиды, ездил звать зятя «доедать барана». Казалось, что семейным склокам из-за дележа наследства пришел конец. Но это была только видимость.

А ведь когда-то семья Пекарчуков считалась самой дружной во всей округе. Жили, как говорится, душа в душу: дед Степан со своим сыном Петром, невесткой Аграфеной и внучкой Манефой. В одном доме жили.

Подошла пора Манефу замуж отдавать, так и жених быстро сыскался – кузнец местный Кондратий Гаркуша. А как свадьбу сыграли, тут и разлад среди родни начался. Муженек девке уж больно склочный попался. И то ему не так, и это. Знай только всех поучает. Часто из-за этого он с Петром ссорился. А как дед Степан помер, так и вовсе отношения в семье испортились.

Уж очень жадным Кондрат до чужого добра оказался, хотя делить в семье Пекарчуков было особо нечего. Вот и собачились, что называется, из-за мелочей.

Только сейчас накануне Масленицы всё спокойно было. Мужики сидели за щедро накрытым столом и уплетали стоящие на столе яства за обе щеки. А женщины хлопотали по хозяйству.

Вот уж звезды появились на вечернем небе.

– Пора! – улыбнулась Аграфена и незаметно вышла за порог.

Она встала возле колодца и, глядя на светящийся в темном небе серп молодого месяца, стала просить небесное светило помочь ей. У нее, как и у любой хозяйки, был свой секрет приготовления блинов, который она держала в тайне:

– Месяц ты, месяц, – пробормотала Аграфена, не отводя взгляда от луны, – золотые рожки! Выглянь в окошко, подуй на опару!

С этими словами она проворно вытащила из колодца полное ведро воды и быстро, чтоб никто не увидел, засеменила к дому.

Настал понедельник, или, как его в народе называли, «Встреча». С самого утра деревенские собрались на околице. Галдя и смеясь, люди сооружали из соломы чучело Масленицы. Нарядили его в женскую одежду, повязали цветастым платком и насадили на шест.

– Ох и хороша наша Дуня получилась! – причмокнув толстыми губами, нараспев протянул здоровый рослый детина в заячем тулупе, разглядывая разодетое в яркую одежду чучело и щипля себя за моржовый ус.

– Хороша!

– Хороша! – Подхватили раскрасневшиеся на морозе девчата.

Недолго думая молодежь водрузила Сударыню Масленицу на сани и повезла ее по всей деревне, чтобы каждый смог полюбоваться Авдотьей Изотьевной.

– Дорогая наша Масленица! – разносилась по округе развеселая величальная песня. – Авдотьюшка Изотьевна! Дуня белая, Дуня румяная, – звучал многоголосый хор. – Коса длинная, триаршинная. Лента алая, двуполтинная! – подпевали все, от старого до малого, радуясь приходу Масленой. – Платок беленький, новомодненький, брови черные, наведённые, – веселились гуляющие, провозя Масленицу мимо дома Пекарчуков.

– Ох и ладная в этом году Авдотьюшка получилась! – приближаясь к своей жене и игриво ущипнув ее за пухлый бок, пробасил Петр. – А наш платок в алую розу так славно смотрится! Правильно сделала, что отдала! – провожая взглядом праздничный кортеж, мужик присвистнул.

– Платок? – переспросил Кондрат, встряв в разговор родителей жены, – это тот, что дед Степан перед кончиной купил? – Глаза Гаркуши налились кровью. – Да как же вы могли без моего разрешения такую вещь отдать? – Чуть не с кулаками бросился к Аграфене зять, попрекая тещу в излишней расточительности.

– Да какую вещь? – округлив глаза от неожиданных нападков, пробормотала женщина. – Платок-то ведь уже ношенный, да и протерся он местами, – пыталась оправдаться теща, но Кондрату будто уши заложило. Он не желал ничего слышать.

– Этот платочек Манефа бы носила, а там и дочери нашей по наследству вещица перешла бы! – не на шутку разбушевался Кондратий. – Вот теперь идите, мамаша, и вертайте косынку как хотите!

– Да ты что, зятек, – вмешался в разборку Петр, – с ума, что ли, спятил? Это ж стыд-то какой! Сами отдали, а теперь забирать? – Мужчина встал перед женой, загородив ее своей тучной статурой.

– Стыдно хорошую вещь вот так запросто чужим людям отдать, а свое забрать не зазорно!

С этими словами зять кинулся вслед за скрывшимися за поворотом санями, разукрашенными цветастыми лентами.

Бежал-спотыкался, хватая ртом воздух.

– Эй, стойте! – кричал Гаркуша, пытаясь догнать дровни, запряженные лохматой рыжей лошадкой. – Стойте, окаянные!

Скользя по заледеневшей проселочной дороге, мужчина всё же умудрился догнать кортеж и вцепиться толстыми мозолистыми пальцами в задний борт саней. От неожиданности гуляющие умолкли, застыв с разинутыми ртами. Масленичный поезд остановился.

Тут же, не теряя времени, Кондратий проворно сорвал с головы Масленицы-мокрохвостки цветной платок и на глазах у оторопевших зевак сунул его за пазуху.

– Чего смотрите? – недовольно буркнул он, обращаясь к гуляющим. – Моя это вещица!

С этими словами мужик хотел было уйти прочь, но задержал взгляд на соломенном лице чучела. Приветливая улыбка Дуни Красной искривилась в злобном оскале. Нарисованные вразлет углем черные брови гневно сошлись на переносице.

– Верни, – зло прошипело чучело. – А не то хуже будет!

От происходящего Гаркуша ошалело захлопал ресницами, но, поняв, что кроме него этого больше никто не видел, взял себя в руки. Под людское улюлюканье он быстро удалился прочь, отгоняя от себя странное видение.

Вторник открыл праздничные гуляния катанием на санках, шумными песнями, танцами. На кривых сельских улочках часто попадались большие группы ряженных, маскированных.

Гуляющие ходили по знакомым домам, где экспромтом, на радость хозяевам, устраивали веселые домашние концерты. Недаром второй день Масленной недели называли «Заигрыш».

С самого утра в доме Гаркуши раздался громкий стук в дверь.

– Кого там еще черти спозаранку принесли? – гаркнул Кондратий, недовольно потирая слипшиеся ото сна глаза.

Мужчина ленно зевнул, но всё же слез с печи, чтобы отворить двери. На пороге появилась честная компания. Лица пришедших закрывали разноцветные маски причудливых форм. У кого-то маска была с птичьим клювом, у кого-то с витыми рогами.

– Мороз Красный Нос, – прогудел скороговоркой крепкий широкоплечий парень.

На его голове красовался искусно сделанный красный гребень, а нос был спрятан в самодельный клюв, загнутый книзу.

– Вот тебе хлеб и овес, а теперь убирайся подобра-поздорову! – Маскированный хлопнул в ладоши и стал кричать кочетом.

Так началось театрализованное представление. Тут же со двора в дом забежала стайка деревенской ребятни.

– Жаворонки, прилетите, студену зиму унесите, – запели тонкими голосами вразнобой запыхавшиеся от бега детишки.

– Теплу весну принесите, – подхватили нарядные девицы, окружавшие ряженного в петуха. – Зима нам надоела, весь хлеб у нас поела! – звонкими голосами выводили девчата, пускаясь в безудержный пляс.

Ввалившаяся без спросу в дом компания мигом окружила заспанного хозяина дома. Девки с хлопцами взялись за руки и закружились в неистовом хороводе, срывая с себя маски.

– Что такое? – в ужасе округлил глаза Гаркуша, уставившись на молодежь.

Под красивыми цветными масками диковинных птиц и невиданных зверей оказались рогатые черти со свиными пятаками. Истощенный вопль вырвался из груди Кондрата.

– Нельзя таким жадным быть! – приговаривала, приплясывая и выстукивая по деревянному полу копытами, рогатая компания.

Кондратий взвыл от страха и, набычившись, бросился в дверной проем, пытаясь сбежать от незваных гостей. Прорвав кольцо хороводников, мужчина оказался на улице, где его встретил морозный ветер. Снежинки, кружась на студеном ветру, плавно, словно невесомые, садились на покрытое липкой испариной лицо Гаркуши.

– Что с тобой? – услышал Кондрат за своей спиной испуганный голос Манефы. Он обернулся к жене и застыл с раскрытым ртом. Никаких чертей в доме не было. Только местные хлопцы с девками сбились в перепуганную стайку и с любопытством смотрели на спятившего Кондратия.

Гаркуша размашисто перекрестился:

– Почудится же такое!

Он зачерпнул в ладони побольше снега и обтер вспотевшее лицо.

В среду в доме Гаркуши накрывали стол. Манефа с самого утра пекла блины. Ей так хотелось побаловать дорогих гостей вкусными наедками. «Лакомка» ведь настала.

– Может, хоть семейное застолье родных сплотит?! – надеялась она.

Но ошиблась Манефа. Кондратий только и делал, что в рот родне заглядывал:

– Мамаша твоя, – прошипел жене на ухо Гаркуша, – уже пятый блин за щеку кладет, – недовольно разглядывая тещу, бурчал он. – И как только не лопнет утроба ненасытная? А папаша, – мужчина перевел взгляд на тестя, – всё пьет и пьет, пьет и пьет. Между прочим, второй литр пива уже!

При этих словах Кондратий отставил подальше от Петра сосуд с хмельным напитком и потянулся рукой к блюду с блинами.

– Нельзя таким жадным быть! – услышал Гаркуша непонятный голос и тут же отдернул руку от большого тареля. – Нельзя! – хитро протянул верхний румяный блин и подмигнул Кондрату масляным глазом.

Кондратий испуганно завертел головой, поочередно переводя взгляд с одного родственника на другого. Семья сидела как ни в чем не бывало. А блин тем временем погрозил зажаристым кулаком и тут же был съеден Аграфеной со словами:

– Ох и хороши же блины у тебя, дочка, вышли!

Настал четверг. Пришло время «Разгула». Именно в этот день проходили жаркие масленичные кулачные бои. Собрался и Кондратий с тестем на кулочки позабавиться.

На заледеневшей реке собрались все сельские мужики. Разбившись на два противостоящих лагеря, игроки ожидали сигнала для начала боя.

– А что это у вас, батя? – любопытствовал Гаркуша, с завистью воззрившись на нарядные синие рукавицы тестя.

– Так это мне от моего отца по наследству достались, – одарив собеседника белозубой улыбкой, простодушно ответил Петр.

– А отчего же это вам по наследству? – вспыхнул зять, с жадностью глядя на приглянувшуюся ему вещицу. – Дед Степан и мне их мог оставить.

С этими словами кузнец вцепился в руки Петра, пытаясь сорвать с него варежки. Тесть не выдержал и с размаху ударил Кондрата увесистым кулачищем в нос. На снег упали капли крови.

Так, не дождавсь сигнала, начался масленичный мордобой. Мужики постарше поддерживали Пекарчука, а более молодые хлопцы – Кондратия. С руганью и перебранкой мужики мяли друг другу бока.

В суматохе Гаркуше всё же удалось сорвать одну рукавицу с руки тестя. Но тут же коварная синяя варежка свернулась в могучий кулак и стала щедро отвешивать тумачи Кондрату.

– Ой, больно! – взвыл оторопевший мужчина, пытаясь спрятаться от неожиданного врага, но ему всё никак не удавалось этого сделать. В воздухе разносился залихватистый хохот Сударыни Масленицы, который слышал лишь один Гаркуша. Каждый удар сопровождался новой репликой:

– Это тебе за платок! – удар рукавицы пришелся в затылок. – Это за блины! – тут же последовал тяжелый удар по макушке. – А это за пиво! – рукавица целилась прямо в нос. – Нельзя таким жадным быть!

В пятницу, залечивая ушибы и ссадины, полученные на кулачках, Кондрат собирался к теще на блины. Хоть и не хотелось ему никуда идти, но на то они и «Тёщины вечерки», чтобы в гости наведаться.

– Ну ничего, – пробасил кузнец, трогая ушибленный нос, – вот тут-то я и отыграюсь! – Гаркуша потер руки. – Эй, Манефа, – позвал он жену, – сколько там твоя мамаша блинов съела, когда в гостях у нас была?

Но ответа не последовало. Манефа удивленно подняла черную, изогнутую коромыслищем бровь и неопределенно пожала плечами.

– Так вот, я вдвое больше блинов съем, – хохотнул Кондратий.

Откладывать исполнение задуманного не стал. Оказавшись за тещиным столом, мужчина без разбора поглощал всё, что видел. Вначале он уплетал за обе щеки пирог с квашеной

капустой, затем по очереди испарились оладьи, лежащие горкой на большом блюде. Следом за оладьями скрылись во рту ненасытного Кондрата и вареники с разными начинками.

От переедания лоб мужчины покрылся обильной испариной. К горлу подступила тошнота. Поняв, что больше в него не влезет, кузнец, не стесняясь родственников, начал сгребать со стола в торбу каленые орехи, пряники медовые, сочные кулебяки.

– Ты что делаешь? – в ужасе пискнула Манефа, глядя как муж собирает в большой куль всё, что попадаете ему под руку.

Но на Гаркушу словно затмение нашло.

– Тут всё мое! – судорожно сглотнув слюну, приговаривал он.

Хотел Кондратий еще и бубликов с маком в торбу припрятать, вот только баранки в змей превратились. Зашипели, свились клубком.

– Нельзя таким жадным быть! – послышалось из мешка.

Опустил Гаркуша глаза, глянул на содержимое куля, а там не пряники и не орехи, а змеи извиваются. Отпрянул кузнец от торбы и будто ошпаренный выскочил из дома.

Спозаранку в субботу все местные хлопцы и девки собрались на берегу реки, где была выстроена из льда и снега потешная крепость. Так начиналась игра «Взятие снежного городка». Участвующие в забаве вооружились палками и метлами и разделились на две противостоящие стороны. Одни защищали город, а другие нападали на него.

Вдруг от играющих отделилась небольшая группа парней. Молодые люди, запыхавшись от бега, приблизились к дому Гаркуши, который стоял аккурат возле реки, и стали усердно работать лопатами, сгребая со двора Кондратия снег на тележку.

– Эй, вы, окаянные, вы что делаете? – Видя происходящее, Кондратий выбежал во двор.

– Так нам, Кондратий, снега на укрепление потешного города не хватает! – простодушно ответили хлопцы, кивнув на берег реки.

Действительно, снега в этом году выпало мало, так что весь берег был тщательно очищен. Объяснив ситуацию, играющие продолжили собирать снег.

– А ну, лопаты положь! – злобно прорычал Гаркуша, в гневе приближаясь к непрошеным гостям. – Мой снег, не дам никому! – набычившись, прогудел он.

Хлопцы удивленно уставились на ополоумевшего мужчину.

– Нельзя таким жадным быть! – сказал один из парней и бросил в хозяина дома большим снежком.

– Нельзя! Нельзя! – подхватили остальные.

Тут же налетела туча, почернело небо, и повалил снег.

– Твой снег? – послышался знакомый голос Масленицы. – Так держи!

С этими словами в мгновение ока засыпало дом Гаркуши снежным заносом до самой крыши. Тут же и парни пропали. Только лопата в руках Кондратия осталась.

Вот и подошла к концу Масленая неделя. Настали «Проводы».

Долго думал Гаркуша, всю ночь разгребая снежный занос. Как только в дом попал, так сразу и взял из сундука жены цветастый платок. Тот самый, что у Масленицы отобрал, и пошел, понурив голову, к ледяной горе. Именно туда прибыл праздничный поезд. Там и чучело Сударыни Масленой установили.

Приблизился к Авдотье Изотьевне Кондрат.

– Прости меня, пожалуйста! – пробасил он, повязав на соломенную голову косынку.

– Бог тебя простит! – расплылась в улыбке Масленица-мокрохвостка и под всеобщее улюлюканье вспыхнула ярким огнем и сгорела дотла.

ПРОЗА

Игорь Колесников

(Иркутская обл., Ангарск)

СОЛДАТИКИ

Ах, какие это были замечательные солдатики!

Маленький Джонни, не веря такому счастью, не мог налюбоваться своим подарком прямо там, где его распаковал, под рождественской елкой.

Каждый сделанный то ли из резины, то ли из мягкого пластика солдатик ростом в три дюйма, у каждого свое узнаваемое лицо – нахмуренное или сосредоточенное, с плотно сжатыми челюстями или с открытым в победном крике ртом, у каждого двигаются руки и ноги, поворачивается голова. В общем, мечта любого мальчишки на побережье от Чапмена и до самого Уиллса.

Джонни сразу выстроил их вдоль плинтуса – целый взвод бывалых вояк в одинаковой синей форме, от этого немного похожих на полицейских. Старший – по фуражке сразу было видно, что это командир, – запрокинул голову вверх и, казалось, смотрел прямо в глаза, настойчиво предлагая главнокомандующему Джонни как можно скорее бросить легионеров в какой-нибудь бой. Неважно в какой, главное – побыстрее.

И очень скоро солдатакам представилась великолепная возможность проявить себя. Но сначала было горько...

У коротышки Майкла – сына четы Риччи, живущей во второй половине дома, наутро обнаружили точно такие же игрушечные солдатики, только были они в красной форме. Мальчишки хмуро стояли друг напротив друга, теребя в руках коробки со своими бравыми, готовыми к бою сокровищами. Похвастаться не получилось... Не вышло ощутить где-то под ложечкой сладкое ликование от вида отчаянно завидующего тебе соседа.

Зато теперь появился лишний повод проводить вместе больше времени, и через полчаса наши герои увлеченно расставляли своих легионеров на боевых позициях, совершенно позабыв о только что испытанном разочаровании.

– В атаку! – командовал офицер синих, и тридцать такого же цвета касок яростно бросались на штурм окопов противника, безжалостно поливая того огнем из автоматических винтовок.

– Не пройдешь! – шипел сквозь зубы красный командир, и его бойцы, не дрогнув, забрасывали атакующих гранатами и тут же переходили в контрнаступление.

Побоище было страшным, а когда в дело вмешался танк Джонни и самолет Майкла, дело и вовсе приняло нешуточный оборот. Свистели пули, рвались снаряды, слетали головы, блестели глаза, а оторванные красные и синие конечности в изобилии усеивали поле боя. Раскрасневшийся от азарта Джонни готов был поклясться, что и Майкл тоже как наяву чувствует запах пороховой гари, слышит стоны раненых солдатиков и, забыв даже об обеде, отчаянно стремится к победе ценой любых потерь, ведь даже один оставшийся в строю боец всегда готов сразиться с целой армией противника.

Московский BAZAR № 1 (23) 2017 г.

– Сейчас я тебе задам, Джонни!

– Ну, ты у меня попляшешь, Майкл!

– Сэр! Ополченцы перешли в контрнаступление! – голос адъютанта отвлек генерала от раздумий.

– Как?! – командующий бригадой правительственных войск в гневе стукнул кулаком по разложенной на огромном столе карте. – Откуда у них силы для этого? Мы же держим их за горло второй месяц!

Стоявшая на столе кружка с остывшим кофе от удара подпрыгнула и выплеснула свое содержимое на позиции ополченцев в виде фигуры, похожей на направленный в сторону правительственных войск средний палец.

– Фак! – озвучил генерал Норман свои мысли. – Немедленно вызвать ко мне командира батальона разведки!

– По нашим данным, у противника нет резервных сил для прорыва кольца окружения, – оправдывался полковник разведки спустя десять минут.

– Как нет?! А это что? – бушевал генерал, устремляя палец в сторону кофейного «фака», нагло указывающего на точку прорыва. – Да я всю вашу паршивую разведку сейчас на передовую отправлю, чтобы вы у меня поняли, наконец, почему фунт пороху!

– Сэр, – вяло возражал полковник, – в моем штабе профессионалы высочайшей квалификации...

– В штабе? – перебил багровый от гнева генерал. – Вот именно – в штабе! Кошка в перчатках мышь не поймает. Ладно, с вами разберусь после.

Выли и рвались снаряды, содрогалась от страха земля, небо истратило все слезы и плакало сажей. Нелепое и бесконечное, как мечты дурака, противостояние правительства и ополченцев превратило некогда цветущий мирный край в искореженную пустошь, похожую на преддверие ада. В гражданской войне нет правых и виноватых, не бывает проигравших и победителей.

Измученные долгой осадой «красные» (так их называли по отличительным красным повязкам на головах), голодные и обессиленные, в рваном обмундировании, с перепачканными несмываемой копотью лицами, второй месяц успешно отражали атаки «синих» правительственных войск.

– Запомните! – напутствовал своих солдат командир ополченцев – плотный коренастый мужчина с бритой головой, глаза которого яростно метали молнии из-под нахмуренных кустистых бровей. – Даже один оставшийся в строю боец всегда может сразиться с целой армией противника! Враг не меньше нас измотан долгой осадой, солдаты «синих» не хотят воевать против своих же вчерашних друзей, соседей, родственников. Хватит отсиживаться в окопах! Мы напоили эту землю своей кровью, накормили телами павших товарищей, теперь это наша земля! Вперед! Выбьем «синих» с нашей земли! Ведь дома каждый пес чувствует себя львом. Только стремительная атака даст шанс разгромить врага и навсегда закрепить за нами право на нашу землю! Это говорю вам я – Майкл Риччи!

– Майкл Риччи! – генерал в бессильной ярости скомкал промоченную кофе карту. – Ну, ты у меня попляшешь!

– Джон, Джонни! – пищал из трубки взволнованный голос супруги. – Ты же говорил, что резервный батальон никогда не вступит в бой...

– Мардж! – сурово отвечал генерал. – Не лезь в мои дела! Не твое это, не бабское дело! Сапожник должен держаться за свою колодку.

– Но, Джонни! Ты разве забыл? Там же Стив!..

Стив... На секунду суровые морщины на лбу генерала разгладились. Стивен был единственным ребенком – поздним, долгожданным, вымоленным у Господа, когда, казалось, все сроки родить для Мардж уже вышли. Родители души в нем не чаяли! Словно кадры киноленты, промелькнули перед глазами Джона воспоминания: первые неуверенные шаги сына, первые слова, первые слезы из-за падения с велосипеда. Каким ударом для отца стало решение сына пойти по его стопам! Карьера офицера – штука небезопасная. Но время было мирное, ни о каких ополченцах никто еще и слыхом не слыхивал, и генерал несколько успокоился.

«Чертовы ополченцы! Чертов Майкл Риччи! Он же должен был капитулировать со дня на день, сложить оружие и предстать перед справедливым трибуналом. Он же вот уже где был! – Нортон сжал кулак так, что хрустнули костяшки пальцев. – Эх, если бы авиацию сюда... Или хотя бы одну танковую роту».

– Генерал Нортон! – звучал из трубки прямого телефона властный голос. – Я запрещаю вам использовать танки и авиацию для подавления мятежа! Ни в коем случае! Вы поняли меня?

– Но почему, мистер президент?

– Мировая общественность не должна узнать о серьезности вооруженного конфликта. Для всех это всего лишь небольшая заварушка на Восточном побережье. Представляете, как взбеленится ООН, если пронюхает о применении сложной военной техники?

Кто ж знал, что ополченцы найдут силы прорвать кольцо окружения? В этой ситуации реально остановить солдат Риччи мог только свежий резервный батальон, куда был откомандирован Стив по приказу генерала.

– Мардж... – после долгой паузы произнес Нортон как можно мягче, – не переживай... Ополченцы не сегодня завтра сложат оружие. Я обещаю, что с нашим сыном ничего не случится. Обещаю! Слышишь меня?

– Я тебе не верю... – судорожные всхлипывания сменились короткими гудками.

– Адьютант! – Трубка с треском шмякнулась на рычаг. – Немедленно доложите мне о ситуации на передовой!

– Первая и вторая рота! Закрепиться в торговом центре! – Риччи махнул рукой в сторону железобетонного скелета, оставшегося от некогда сверкающего зеркалами витрин здания. – Третья рота! Окопаться со стороны побережья! Возможно, Нортон высадит морской десант.

Командиры козырнули и побежали исполнять приказания.

– Сэр! – молодой ополченец с перевязанной правой рукой неуклюже козырнул левой. – На нашу сторону перешел минометный взвод, занимавший ранее торговый центр.

Майкл повернул голову и увидел группу военных в синем, с помощью скотча закрепляющих на касках куски красной материи.

– Отлично! Один доброволец стоит двадцати принужденных. – Риччи мельком взглянул на лычки. – Капрал! Примите командование взводом и установите минометы для обстрела парковочного места.

– Есть, сэр! – улыбка блеснула сквозь серую пыль на черном от природы лице, и новоявленный командир, забыв про раненую руку, рванул выполнять приказ.

Глава ополченцев удовлетворенно осмотрел новые позиции. Они были несравненно лучше предыдущих – все подступы широко просматривались, а способный выдержать не один артиллерийский удар торговый центр находился на стратегической высоте.

«Посмотрим, что ты теперь скажешь, Джон Нортон!»

– Как захватили торговый центр?! Как не встретили сопротивления?! – генерал брызгал слюной и бешено вращал глазами. – Почему целая бригада не может справиться с каким-то неполным батальоном кое-как вооруженных бродяг?

– Сэр, – адъютант съежился и будто стал на голову ниже, – наши солдаты не хотят стрелять в соотечественников... Многие переходят на сторону противника.

– С предателями разберется трибунал! Хотя нет! Я сам научу этих молокососов, как воевать! Резервный батальон прибыл на передовую? Отлично! Подать мне бронетранспортер!

– Сынки! Патриоты! Бойцы! – Триста одетых в новую, с иголочки, синюю форму солдат восхищенно провожали глазами легендарного генерала, вот так запросто расхаживающего перед строем в непосредственной близости от расположения противника. – Нация верит в вас! В ваших руках защитить отечество от горстки мятежников, возомнивших себя способными разрушить завоеванную нашими прадедами свободу! Но не все ценят нашу демократию. Леопард не может сменить свои пятна! Там, – все повернули головы в сторону возвышающегося вдали остова здания, – не наши соотечественники. Там наши враги! Родина в опасности! Вы должны выжечь огнем эту язву на теле нашей мирной земли! Никого не жалеть! Оставшийся в живых враг подло выстрелит вам в спину. Я верю в вас! В атаку! И да поможет нам Господь!

Глаза бойцов сверкали, щеки покрылись румянцем. Воодушевленные солдаты готовы были тут же ринуться в бой. Пользуясь этим, командиры отдавали последние распоряжения.

– Лейтенант Нортон!

– Я, сэр!

– Назначаю вас командиром первой роты!

– Есть, сэр!

– Ваша задача атаковать торговый центр, выбить и уничтожить противника!

– Но... сэр... Атаковать укрепленные позиции без артподготовки, без разведки... Осторожность – лучшая часть отваги.

– Лейтенант! Удача любит храбрых! Ваша задача выполнять приказы, а не обсуждать их. Вам всё понятно?

– Так точно, господин полковник! Разрешите выполнять?

– Выполняйте!

– Минометы – к бою! Открыть огонь по противнику, как только он приблизится на триста ярдов!

– Они что, совсем рехнулись? – шепотом сказал один из минометчиков с красной тряпкой на каске. – Мы же их перестреляем, как в тире, пока они добегут.

– Вперед! За мной! – впереди всех с автоматической винтовкой наперевес бежал молодой, видно, прямо из училища, лейтенант в новенькой синей форме.

Бежать в гору было тяжело, пот заливал его раскрасневшееся лицо, только недавно изнедававшее неласковые поглаживания бритвы. До цели оставалось совсем немного – не больше трехсот ярдов по открытому пространству, бывшему когда-то автомобильной стоянкой. В оконных проемах уже видны были краснотряпочные каски ополченцев. Последний рывок!

– За нашу землю! – Командир оглянулся, окинув взглядом свою роту, и в тот же миг эта земля закружилась, вздыбилась и поменялась местами с небом.

В наступившей вдруг тишине он еще успел увидеть, как рвало беззвучными взрывами на части тела его бойцов, как падали и продолжали судорожно дергаться оторванные руки и ноги.

Московский BAZAR № 1 (23) 2017 г.

Остатки первой роты и подросевшая вторая синей волной ринулись на штурм близкой цели. Свистели пули, рвались снаряды, стонали раненые, мертвые мостили своими телами дорогу для живых.

– Не пройдешь! – прошипел сквозь зубы красный командир, и его бойцы не дрогнув тут же перешли в контрнаступление.

– Сейчас я тебе задам, Джонни!

– Ну ты у меня попляшешь, Майкл!

В горле першило от пороховой гари, генерал, опустив непокрытую седую голову и высоко, подобно журавлю, поднимая ноги, вышагивал между растерзанных тел и что-то высматривал среди них.

– Фуражку потерял, Джонни? – Риччи сидел на обломке бетонной стены, устало обнимая свою винтовку с давно опустевшим магазином.

– Добился своего, Майкл? – в глазах командира бригады не было ни капли злости. – Но какой ценой?

– Цена была бы значительно меньше, если бы президент раньше отдал приказ о прекращении огня и о выполнении наших требований, – с этими словами коренастый ополченец встал и подошел ближе.

Генерал вдруг перестал вышагивать и остановился. Прямо под его ногами широко открывала в победном крике забитый землей рот хорошо узнаваемая оторванная голова молодого, по всему видно, прямо из училища, лейтенанта.

– А не слишком ли мы заигрались, Майкл...

– Готов?

– Готов!

– Раз, два... три!

И две коробки почти новеньких, всё еще пахнувших заводской краской солдатиков в красной и синей форме одновременно и практически без всплеска ушли в глубину. Лодка неумело развернулась, потому что коротышка Майкл едва-едва доставал до весла, и медленно двинулась в сторону берега.

Игорь Бурдонов.

Толпа деревьев.

Не меня ли встречают?

Листьями машут.

Акварель, бумага, 2005 г.

ПОЭЗИЯ

Евгений Агуф

(МОССАЛИТ, Москва)

Март

Облака тяжелей и ниже,
Полдень хмурый под ними сжался.
Март, остынь, над снегами сжался,
Дождь и так их в апреле слижет.

Ночь. Твердеет в лощине наледь,
Отражаясь на черном небе.
Зацепился туман за гребень
На снегу, не успевшем стать.

Так и держатся друг за друга,
Не решаясь весну оставить,
Март-красавец, зиме на зависть,
И Зима – февраля супруга.

Брак по любви

Я мечтал о зиме, а машина о зимней резине.
Я бродил по лугам, а она вождедела асфальт;
Утопая в грязи, вспоминала какую-то мать,
Автобанную гладь и немецкую мягкую зиму.

И, кряхтя в колее элементами нежной подвески,
Проклинала меня и беду дурковатых дорог
Дорогая машинка (кредит и квартира в залог)...
Ох! Об камень порог – как серпом по известному месту.

Мне б на лыжи – и в снег, покататься с прикатанной горки,
А она подмигнула: сначала на сервис со мной.
Кем я ей прихожусь... но она мне, всё чаще – женой.
Просыпаюсь и плачу ночами в промасленной койке.

Московский BAZAR № 1 (23) 2017 г.

Когда наступит осень, я умру

Когда наступит осень, я умру...
не сразу, не всерьез и ненадолго...
чтоб не вставать, когда темно и волгло,
и не жалеть березку на юру,
не плакать в заплутавшие рассветы,
не обнимать полуденный закат –
пусть будет хуже, лучше или так,
но без меня; а я умру до лета...

не трогайте, оставьте на диване
оплакивать несчастную судьбу
и ждать, когда в безвременье уйдут
остатки света и воспоминаний,
где солнце веселилось поутру,
взлетая в небо с крыши старой школы...
сочится дождь сквозь облачные шторы,
смеясь до слез, что я опять умру.

Мои останки

Кажется, недавно, сны цветные
Обнимали сонного меня.
Дежавю из солнечного дня
С утонувшей мухой в соке дыни.
Каждый стих просеян через жизнь,
Смолот и обжарен в печке сердца –
Кофеин свободы с едким перцем
Или жмых, как камень, – не угрызть.

Все, что было не со мной, не помню,
И не шепчет Кто-то мне стихи –
Сам ломлюсь в стихи через грехи,
Слезы, смерть, катарсис, роды с кровью.
Если их не выстрадать сейчас,
Жизни им – до днюхи или пьянки.
Сочиняю я... свои останки,
Чтобы внука заслезился глаз.

Буду жить, пока до хруста в деснах
Тискает зубами память друг;
Вместе на второй и третий круг,
Даже после смерти – очень просто.
Помню – это было так давно –
Подарил мне дед свой тонкий юмор.
Он и до сих пор во мне не умер...

Юмор? Дед?
Да это ж все равно!

Я сбит

*В память и от лица летчика,
сбитого над Сирией 24.11.2015*

Когда вы все, состарившись, умрете,
Я буду молод, будто и не жил.
Под каждым пальцем тысяча пружин,
Мной до щелчка взведенные на взлете;
На вираже тугая тяжесть век
Глаза прикрыть пытается навеки,
Мгновенья превращаются в парсеки,
А сбитый Су – в обугленный скелет.

Как нож в спине, ракета «воздух – воздух»
И очередь – без очереди в рай;
За что, понятно, но в такую рань...
Хотя уж лучше так, чем станет поздно.
Мой крик и ваши слезы так свежи,
Мне повезло погибнуть на работе...
За то, что вы, состарившись, умрете,
А я забудусь, будто и не жил.

проснись сегодня

проснись сегодня – завтра не проспи,
чтоб встретить новый день на полпути,
отдай почти забытые долги,
а завтра даже взглядом не солги
ты будешь чище, чем вчера, стократ,
когда зарей омоется закат,
когда из сновидений краткий миг
вспорхнет под кожей, как прощальный
крик

приснится ветра больше, чем вчера,
совьются в шторм вчерашние ветра,
неотделим от воя будет вой,
когда шторма сойдутся меж собой,
непостижимость их сродни горам,
когда они сплетутся в ураган...
но сон навеян любящей рукой,
в нем даже ветру грезится покой

Давай вернем часы в начало

Привет, как долго ты гуляла,
мне часто снился этот вечер.
Садись, нам будет ночи мало,
накинь чего-нибудь на плечи.
Сначала расскажи о главном –
о счастье, что тебя держало,
и за слова не прячься, ладно?..
А я вина налью, пожалуй.
Скажи, а ты по мне скучала?
Я думал, ты меня забыла...
Давай вернем часы в начало,
когда тебе семнадцать было!
Сначала будем целоваться
на пионерском расстоянии,

потом в костре дрожащих пальцев
сжигать заветные желанья.
Я с каждым вздохом буду ближе
и стану безнадежно лучшим...
жить буду где-нибудь на крыше,
гулять с тобой, держась за ручки...
Давай начнем – я стану первым,
к тому ж единственным мужчиной,
который будет сыпать перлы
по случаю и без причины...
Да разве в этом будет дело,
мы просто всюду будем вместе...
Мы поступаем слишком смело...
Тебе удобно будет в кресле?..

Цикл «Чувства»

Благодарность

За то, что счастье даришь, милый друг,
За теплоту и сердце нараспашку,
За то, что я готов свою рубашку
Тебе отдать, тебя благодарю!

Оптимизм

От судьбы не требуя конкретики,
Каждый день живя, как в день последний,
Презирая хвори и болезни,
Я тяну счастливые билетки.

Равнодушие

О чем слезы твоей печаль,
Мне все равно, я счастлив снова.
Ты, может быть, найдешь другого...
Но даже если нет – не жаль!..

Ханжество

Ханжа стыдится слов, но не миазмы,
Опережая циника подчас
Натурализмом образов, экстаз
Нередко заменяя на оргазмы.

Боль

Как же больно-то, милая... Как вдруг
холодно стало...
Мне поглубже зарыться бы от себя в
одеяло.
Твой удар несилен, так, забава пустяшная,
Но болит мое завтра от обид из вчерашнего.

Ревность

Ревность – недоверия дитя –
Бьет под сердце и толкает в спину,
Но лишь духом сильного мужчину
Заставляет заглянуть в себя.

Еще раз о ревности

Ревность ревности рознь:
Что создашь, что разрушишь,
Что убьешь, что спасешь –
Не узнать наперед.
Пусть щекочет мой взгляд,
А не рвет наши души;
Пусть подскажет нам путь,
Не ложась поперек.

Печаль

Склоняясь в предзакатной тишине,
Развесив гроздь ягод над могилой,
Как я, грустит рябинка о судьбе...
А жизнь бежит поодаль торопливо...
Не трогая, но отбивая такт
Хронометром оплаканных утрат...

Признательность

Не принято, чтоб женщины признанья
Ласкали слух мужчины, а не он
Стоял пред ней, коленопреклонен,
Сбивая дрожь прерывистым дыханьем,
Но так приятно, обратившись в слух,
«Люблю» от женщины услышать вдруг.

Зануда

Зудит зануда, как заноза,
Как заусенец по капрону,
Цепляет коготком с изнанки
Поверхность шелковой подкладки
До скрежета в зубах, до стога,
Озноба, судорог, мороза...

Цинизм

Нет друга страшней и самоотверженней, чем циник –
Он выбросит крест и бросится за тобою в ад,
Скажет правду в глаза, из дерьма осторожно вынет,
Хлебнет с отвращением боли, которую не испытал,
Язвительно плюнет в память, где зиждился идеал,
И вышвырнет в рай, осторожно поддав под зад.

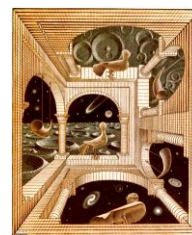

Игорь Бурдонов.

*Умывшись дождем,
Ветром береза кудри
Расчесывает.*

Акварель, бумага, 2005 г.

ПОЭЗИЯ

Людмила Свирская (Чехия, Прага)

Уроки русского

Блестящих пражских полицейских
Учу «великому могучему»,
О пушкинских годах лицейских
Рассказывая им при случае.

То упоительно и рьяно,
Выплескивая нежность тайную,
Читаю им письмо Татьяны
И в Праге жившую Цветаеву,
То отвечаю на вопросы
(Всё как из рога изобилия):
— В Сибири страшные морозы?
— Не страшные, а просто сильные.
— В России много пьют?
— По-разному.

Мне лично дома выпить не с кем.
— Как Новый год в России празднуют?
— Роскошно: с треском, шумом, плеском...

— А вот скажите, вы, наверное,
И пионеркой были?

— Апо¹.

— Какие вы?

— Обыкновенные.

На вас похожи, как ни странно:
Мечтаем, молимся, витийствуем...

...И я опять беру Цветаеву,
Чтобы под солнцем горькой истины
Их недоверчивость растаяла.
А им уже не до политики:
Лишь жадно ловят слово каждое...

Я пражской доблестной полиции
Сказать успею что-то важное.

¹ Да (чешск.).

Серая Шейка

На юг улетела крикливая стая моя,
А мне с перебитым крылом зимовать одиноко.
Всё уже, страшней и тоскливей в пруду полынья,
И старый охотник случайно увидит в бинокль,
Как я, чтоб не дать ей замерзнуть, туда и сюда
Ныряю без усталости, словно в игрушечной луже.

Лиса каждый день прибегает на берег пруда
И чутко топорщит свои треугольные уши.
Всю зиму мне кажется, будто судьба — не моя,
А я проживаю чужую в угоду кому-то.
Всё уже, страшней и тоскливей в пруду полынья.
Глядишь — и затянется намертво через минуту.

Поросенок Ниф-Ниф

* * *

Нас на этом свете только трое.
Старший брат цеплялся, как репей,
Дом кирпичный предлагал построить.
Я, Ниф-Ниф, который всех глупей,
Говорю: быстрее – из соломы,
Потому что рвется прочь душа.
Не могу сказать, что я бездомный,
Просто мне хватает шалаша.
У меня есть стол, кровать и кружка,
И прохлады в летнюю жару.
«Здесь с тобою рай», – моя подружка
Мне шепнула как-то поутру,
Помня волшебство грибного супа,
Котелок забытый на траве.

Я Ниф-Ниф, который самый глупый,
С золотой соломой в голове.

* * *

Среди бесчисленных Итак
Мечусь, как Одиссей, во мраке.
Я что-то делаю не так,
Живу не там, быть может (в Праге),

Стремясь в тот край, куда Макар
Своих телят гонять не вправе.
Среди бемолей я – бекар
В одной-единственной октаве,

Насквозь расстроенной давно.
(Ты так заиграна, Европа!)
Того гляди – пойду на дно,
Как брошенная Пенелопа

Или – та самая княжна,
Что «из-за острова, на стрежень»...
Любовь бывает не страшна
И не должна (но это реже).

Среди бесчисленных Итак
Мечусь, как Одиссей, во мраке,
Чтобы причалить кое-как
К одной-единственной Итаке.

Ты знаешь, что мне вчера приснилось?
Идем как будто вдвоем по Праге,
А осень впала с утра в немилость,
Колышет листьев чужие флаги.

Мне снился ливень и зонт беспечный,
Под ним нам было светло и тесно.
Бродили молча весь день, весь вечер:
На сердце – юность, в ладони – детство.

Крепчает осень: характер вздорный,
И нас по Праге упрямо кружит.
А мне уютно и так просторно,
Что зонт, ей-богу, совсем не нужен!

А нужно только твое дыханье,
И дождь над Прагой, и мост над Влтавой.
Я заброшаю тебя стихами
И буду правой, навеки правой.

* * *

Линз моя нежность не носит:
Ощупью... Робко... Сквозь век...
Счастье с оглядкой на осень
Кончилось в прошлый четверг.

Я ведь почти отогрелась
В пламени кленов-огней.
Осень с оглядкой на зрелость
Стала в два раза длинней.

Истины горькой погрешность
Вычислить нам не дано:
Слово с оглядкой на нежность
Кануло в вечность давно.

М. И. Цветаевой, жившей в Праге в 1922–1925 годах

Устала от боли, потерь и неверия,
А руки дрожат, нервы строк беребя.
Спасибо: сюда Вы приехали первая
И взяли удары судьбы на себя.

Что ж, в жизни случаются черные полосы:
Не скрыться порой от забот и врагов...
Здесь, в воздухе, музыка Вашего голоса,
А улицы помнят звук Ваших шагов.

Я долго петляю маршрутами Вашими,
Молитвы шепчу, прозреваю, ищу.
Мне кажется вдруг, что под пражскими
башнями,
Как Вы, всё и всем непременно прощу.

Вы были здесь, видимо, чуточку счастливы:
Так верили улицам, людям, словам...
Сжимается сердце от светлой причастности –
Священной и гордой причастности к Вам.

Памяти Валерия Золотухина

Нет, не быстрый исток. Лишь глубокое устье:
Дна уже не достать в эти горькие дни.
Небо скрыто вовек черным облаком грусти
От того, что всё дальше уходят они –
Те, кого ощущала я вроде родни.

Завершен первый акт моей жизненной
драмы:
Во втором, и последнем, потери одни...
Он грешил и спешил, строил театры и храмы
В той стране, где когда-то горели огни.

Мне казалось: он рядом, навроде родни.

Кто о нем – свысока, судит, хлещет жестоко,
Я ж – тоскую по-бабьи и вою в тени –
Вдалеке от любви, от тепла, от Истока² –
От всего, к чему вдруг припадают они
В час, когда догорают огни...

² *Быстрый Исток – село у нас на Алтае,
родина Валерия Золотухина.*

* * *

Жить на пятом десятке спокойней и проще:
Не боишься казаться смешным и неловким,
Счастье – если поймать – отличаешь на ощупь,
Начинаешь в дорогах ценить остановки,

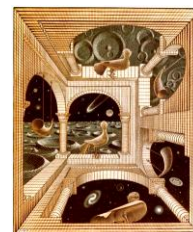
Понимаешь, как мало нам, в сущности, надо,
Ищешь в книгах и улицах отзвуки детства...
А друзья...Что друзья? Если всё еще рядом,
То теперь-то уж точно им некуда деться.

Новых взлетов желать или мягкой посадки?
Не пора ли разбавить и нежность, и ярость?
Ведь любовь бескорыстна на пятом десятке:
Всё уже состоялось. И – не состоялось.

ПОЭЗИЯ

Ольга Уваркина

(МОССАЛИТ, Москва)

Посиделки с классиками Серебряного века

Черный туалет

К ее лицу шел черный туалет...
Игорь Северянин

К ее лицу шел черный туалет,
К венкам и гробу – траурные ленты.
Рыдал оркестр, сияли позументы,
Несли медали, ордена, портрет.

На нем, в величье боевых наград,
Запечатлен был маршал престарелый,
Он много пользы для России сделал
И вот – в последний путь, как на парад...

За гробом – «безутешная» вдова
(На вид лет двадцати пяти, не боле),
Что с маршальским внуком училась в
школе,
Имела «виды», а теперь «права».

Как черный ангел, что упал с небес,
Она была бледна и молчалива.
Платочек кружевной порхал игриво,
Во взгляде томном притаился бес.

Актерские уроки мастерства,
Без сцен и рампы, без зрительских оваций,
Жена прошла. И надо ли стесняться?
Она жива, и драма не нова.

Это было не раз...

Это было не раз, это будет не раз...
Н. Гумилев

Это было не раз, это будет не раз:
Озарит темный грот небосклона
Нарисованный Вечностью лунный анфас,
Чуть насмешливый и удивленный.

Невзирая на возраст во все времена,
Зачарованы магией света,
Будут плакать, молиться и сладко стенать,
Бредя рифмой, земные поэты,

В неподдельно духовный впадая экстаз
В миг слияния мысли и чувства.
И столетья не могут постичь эту связь
Между светом, душой и искусством.

Никогда

*У раздумий беззвучны слова...
Иннокентий Анненский*

У раздумий беззвучны слова...
В отраженье зрачков –
мир за гранью,
И язык прилипает к гортани.
В этот миг:
ни жива
ни мертва.
Память мыслей...
Обратный отсчет...
Берега безнадежности...
Даты...
И звонок полуночный,
проклятый,
Как судьбы
роковой поворот.
Дальше – тьма,
стылых дней череда.
В зазеркалье бессильно аукать.

Мне не спеть нерожденному внуку
Колыбельной...
Не спеть...
Никогда...

* * *

Друг друга отражают зеркала...
На патину холодной амальгамы
Финалом, обусловленным для драмы,
Усмешка горькой вечности легла.

Друг друга отражают зеркала...
Нет между ними образа и тени.

Вина

*Среди миров в мерцании светил...
Иннокентий Анненский*

Среди миров в мерцании светил
На тропах вечной млечности белесой
Дай тайный знак, что уходя – простил,
И я больным не мучилась вопросом.

Сгорает день... И действие старо...
Вращением земли вполоборота
Стирает ночь запекшуюся кровь
Заката в тишине небесных гротов.

Из немоты в тревожный сон – на стык,
Из тайны безвозвратности далекой
Вселенскою виной приходишь ты –
Виденьем состраданья и упрека.

Как во плоти – не тенью из угла.
Смиренно скорбь и муку принимаю.
Прости за то, что не уберегла...
Прости за то, что я еще живая...

Кому могу на это попенять?..
Из памяти калеными клещами
Ты тащишь боль и мучаешь меня,
А я себя до смерти не прощаю...

*Друг друга отражают зеркала...
Георгий Иванов*

Сияние застывшего мгновенья
В пространстве равнодушного стекла.

Друг друга отражают зеркала...
А что еще, когда пустынные залы,
Где друг за другом никого не стало
И смерть дыханье жизни забрала?

На погосте

Немь лукает луком немным...

Велимир Хлебников

Немь лукает луком немным...
На погосте божедом,
Не блаженный, не баженьый,
С-под рожона слышит стон.

Страшно гаркнуть ротовиной –
Враг коварен и сметлив.
А рожон наполовину
Показался из земли.

То сокочет по-сорочьи
(Духом, знамо, не святой).
Шевелится в теи ночи
Кляч, окутанный китой...

Ухватив рукой шабалу,
Страж, оттопком всё круша,
Бил по ней, пока кричала
Ненакщенная душа...

То рыкает по-бирючьи,
Аки злыдень аль ведьмак,
Словно в бок воткнули крючья
И от боли он обмяк.

*Божедом – сторож на кладбище, могильщик, сторож.
Баженьый – любимый, от слова «бажать» – любить.
Рожон – острый кол, укрепленный в наклонном положении.
Сокотать – стрекотать.
Кляч – короткий шест, распорок.
Китина, кита – стебли долгоствольного растения.
Бирюк – зверь, медведь.
Шабала, шебала – баклуша, осиновый чурбан.
Оттопок – стоптанный, изношенный башмак.
Накщать – накрывать людей, детей, накрещать, накрестить.*

Игорь Бурдонов.

**Время в деревне
Ветрено, как погода:
То тишь, то буря.**

Акварель, бумага, 2005 г.

Сон

Вижу сон. Дорога черная.

С. А. Есенин

Вижу сон. Дорога черная.
На распутье – тополя.
На одном из них под кроною
Чуть колыхнется петля.

Для кого висит пеньковая?
Шеи нет и головы...
Захрапел мой конь подкованный
Оглашая ржаньем высь.

То ли совы, то ли вороны,
Сам никак не разберу,
Разлетелись во все стороны.
Я кричу... Сдавило грудь.

Ни души и ни селения.
Бьет копытом вороной.
Три перста сложил к молению.
Видно, смерть пришла за мной...

Онемел, как будто выжатый,
Озираясь, духом сник:
Над веревкою, повыше-то,
На меня глядел двойник...

На охоте

Вешние капли, солнопек и хмара...

Н. А. Клюев

Вешние капли, солнопек и хмара...
Не люблю апрелей, хоть еще не старый.
Но ступенькой к лету и дорогой к маю
Я душой поэта слякоть принимаю.

В месиво распутиц выйдя на охоту,
Постреляю утиц утром по восходу.
В армячке потертом, по лугам шагая,
Я похож на черта, кем детей пугают.

Посижу на взгорке. Надо ль торопиться?
Съем краюхи корку да запью водицей.
Аппетит неважен. Сонно веки смежив,
Я ухой стерляжьей безрассудно брежу.

Эх, начну рыбачить, убегу в путину!
(Уток, хрен собачий, затащило в тину.)
Скоро буду сытым... Рыба – это пища!

Но дано пииту петь о жизни нищим.

И не быть мне золу, суждено родиться
Чистым, аки голубь, божескою птицей...

Игорь Бурдонов.

**На перья и пух
Все облака растерзал
Ветер заката.**

Акварель, бумага, 2005 г.

Душа

Любимое со мной. Минувшего не жаль.
Максимилиан Волошин

«Любимое со мной. Минувшего не жаль», –
Сказала я,
в кровь обжигаясь ложью.
Болит, болит давно,
а рана всё свежа...
Душа нагая мчит по бездорожью
Лошадкой. Грива вбок,
Бубенчики звенят,
Седло в пыли,
и седоки слетели...
Любимых больше нет навеки у меня.
Стихи – родня...
Мели, душа-Емеля!
Шутить ей, песни петь
(Ни дела, ни путя),
Врачуя под луной свои каверны...
А звездные миры
заманчиво блестят.
Знать, в гости ждут,
да не на чай, наверно.
Всему и свой черед.
Мой чуткий микрокосм
Растает там кусочком рафинада,
Целуя рой монад
в далеком далеко
И ставший сам
божественной монадой...

...

Снимаю по ночам свой трикстерский колпак
И слабость слез могу себе позволить,
Покуда спит «без ног» веселая толпа,
Лелея сны без памяти и боли...

Игорь Бурдонов.

**Спасенье близко!
Оскаленные скалы
Внизу остались.**

Акварель, бумага, 2005 г.

Счастье

*Наверное, бурное счастье
С лица и на вид таково...
Б. Пастернак*

Наверное, бурное счастье
С лица и на вид таково,
Как щечки в ореховой пасте
И детских проказ озорство...

Весенние скачки по лужам,
Мурлыча не в лад, невпопад
Мотивчик... А голос простужен,
Но ты даже этому рад.

Где нет и сомнения тени
В цветении каждого дня,
Для мамы и папы ты – гений,
И всем это просто понять.

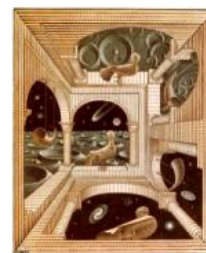
Так просто, как нет выше истин,
Чем лист, на котором семья
Впервые рисована кистью
И – в контур – ладошка твоя.

А что до судьбы... Не украсть ей
Игрушек и книг волшебство.
Наверное, бурное счастье
С лица и на вид таково...

ПОЭЗИЯ

Виктор Плешаков (Ёж)
(Москва)

Ангел Сто Пять

Снова звездные тропы пургой замело.
Снова восемь ветров пьяно пляшут вприсядку.
Режу воздух упругий уставшим крылом.
Эй, внизу! Кто-нибудь! Разрешите посадку!

Я – Сто Пятый! Сто Пятый! Исчерпан лимит
Глупых встреч и никчемных пустых увлечений.
Слышу возгласы вслед: «Чей-то ангел летит!»
Да, я – ангел. Лечу. Но пока что ничейный.

Мне присесть бы! Мне нужен всего пяточок –
Отдохнуть, привести оперенье в порядок.

Кто там бродит с незанятым правым плечом?
Это Ангел Сто Пять! Разрешите посадку!

Не волнуйтесь, я – легок. Почти невесом.
Я не стану вам лишним и тяжелой обузой.
Буду вашим защитником, преданным псом,
Вашей совестью, памятью, другом и музой.

Я не только умею развеять печаль.
Дров могу наколоть и вскопаю все грядки.
Я, поверьте – в кустах белоснежный рояль.
Это Ангел Сто Пять! Разрешите посадку!

Она летала по ночам

*Он любил ее, она любила летать по ночам.
Андрей Макаревич*

Когда блином из серебра
Луна светила,
Она шептала: «Мне пора.
Отпустишь, милый?»
Он отпускал... и, эликсир
Втирая в кожу,
В сто первый раз ей говорил:
«Ты осторожней...»
Хотелось: двери – на замок,
На окна – ставни...
Он удержать ее бы мог,
Но вряд ли станет:
Она останется... смолчит.
Но как жить дальше?!

Уколет музыка в ночи
Оттенком фальши.
И он распахивал окно –
Проем портала.
А там серебряным блином
Луна блистала.
И ей, шагнувшей в пустоту,
Шутил вдогонку:
«Не смей светиться на свету
В сорочке тонкой».
А после шел чертить, кроить
В чуланчик пыльный,
Мечтая втайне смастерить
Однажды крылья.

Просто дождь

Слышишь – дождь шелестит и гуляет над сонными крышами?
Слышишь – снова читает стихи монотонно, размеренно?
Просто мне захотелось сегодня тобой быть услышанным.
Просто дождь согласился любезно моим быть поверенным.

Видишь – листик кленовый сорвался отчаянно с веточки?
Видишь – он пятерней к тебе в стекла стучится оконные?
Просто клен обещал передать при okazji весточку.
Просто вдруг захотелось тобой быть нечаянно вспомненным.

Веришь, я вдруг во сне научился летать, и не страшно мне?
Веришь, я отыскал город твой золотой за высокими тучами?
Просто сны мои снова знакомой улыбкой раскрашены.
Просто тени забытых обид и сомнений не мучают.

Знаешь, тысячу раз я уже говорил это мысленно?
Знаешь, я не привык так открыто бравировать чувствами?
Просто вдруг накатило, смешало, заставило выплеснуть.
Просто сны...
Просто клен...
Просто дождь...
Просто ночь...
Просто грустно мне...

В синем платице в белых горошинах

Помнишь, как мы на мельницу лазали?
Как бежали от ос растревоженных?
До чего же была ты чумазая
В этом платице в белых горошинах.

Помнишь, в омут с обрыва мы прыгали,
Доставали со дна чудо-камушек?
Как же быстро промчались каникулы.
Всем пора разъезжаться от бабушек.

Снова наша деревня ссутулится,
Будет выглядеть снова заброшенной.
И никто не промчится по улице
В синем платице в белых горошинах.

Ты свой адрес, пока нет автобуса,
Напиши, вот обертка бумажная.
Городок твой отмечу на глобусе,
И, быть может, черкну что-то важное.

Что за слезы? Ты разве плаксивая?
Всё! Пока! И всего там хорошего!
Да... Забыл...
А ты очень красивая
В этом платице в белых горошинах.

Не продолжайте

Романс

Горит свеча в ночи бесценной брошью,
Плывут слова, беспомощно тихи.
Не продолжайте... я уже не брошу
Вам посвящать и мысли и стихи.

Бормочет дождь осенний неустанно.
Ему границы города тесны.
Не возражайте... я не перестану
К вам приходить в нечаянные сны.

А тени вас касаются бесстыже,
Ласкают платье, трогают подол...
Не прогоняйте... я же ясно вижу:
Вы не хотите, чтобы я ушел.

Глаза любовью светятся, как прежде,
Наперекор беспомощным словам.
Не отнимайте, ангел мой, надежды
Быть нужным вам... всегда быть нужным
вам.

Горит свеча. Пророчит дождь разлуку.
Плывут слова, дыханье холода.
Не продолжайте... Дайте вашу руку,
Чтоб не сбылось пророчество дождя.

Привет, Непрошенная Грусть!

Привет, Непрошенная Грусть!
Входи, душа открыта.
Как там погода? Ну и пусть,
Что льет как из корыта.

Продрогла? Старый мой халат
Набрось скорей на плечи.
Перед тобой я виноват:
Бежал от этой встречи.

Но от тебя не убежишь,
Ты вечно дышишь в спину.
Да ты, голубушка, дрожишь!
Вот кресло у камина.

А я пока сварганю пунш
Иль водку с перцем чили.
Тебя согрел бы теплый душ,
Но воду отключили.

Ты слышишь? Скрипка – как укус,
И сакс сердечко гложет...
Ведь это мой любимый блюз
И твой, я помню, тоже.

Согрелась? Я подкинул дров.
Пусть тени пляшут споро.
Ну что же, гостя... я готов...
К ночному разговору...

Игорь Бурдонов.

**«Прощайте!» – кричат
Друг другу в разливе вод
Деревья весной.**

Акварель, бумага, 2005 г.

Письмо бабушки Настасьи

Нашим бабушкам

«Здравствуй, рódный! За письмо спасибо!
Принесли сегодня поутру.
Пахнет морем, солнышком и рыбой.
Ты, небось, опять стоишь в порту?
Ты там у себя стал важной птицей.
Жаль, до этого не дожил Дед...
Деревенька вся тобой гордится.
Тебя помнят здесь и шлют привет.
Правда, жителей осталось мало.
Съежилась деревня наша вдруг.
Я ведь жить, внучок, не устала...
Я устала провожать подруг.
Вон погост, всё шире и всё шире...
И несут людишек... и несут...
Стало неуютно в этом мире,
Вот и ищут там себе уют...
Кстати, я вчера ходила к Деду.
Твой поклон ему передала.
Он молчал, а я вела беседу,
Рассказала, как у нас дела.
Что уже посажена картошка,
Что совсем уж спился агроном,
Что издох кобель, а дура-кошка
Всё грустит у будочки о нем.
И совсем уж обтрёпался веник.

Надо новый как-нибудь купить.
Ты, внучок, не шли мне больше денег.
Что ж мне их на старости, солить?
Ты на них купи себе гостинец
(Ведь у нас в сельпо гостинцев нет),
Будто от меня, ведь ты ж – любимец.
И со мной порадует Дед.
По субботам я перебираю
Твои фото, сидя у печи.
Если вдруг оказия какая,
Ты в деревню, милый, заскочи.
Обо мне пока не беспокойся.
Ты же знаешь, мне – износа нет.
Я б могла к тебе приехать в гости,
Только знаю, заскучает Дед.
Если был бы жив, то мы бы вместе...
Ну да ладно... покукую тут.
Почему не пишешь о невесте?
Хороша ли девка? Как зовут?
Вот и всё пока. Желаю счастья,
И здоровья, долгих-долгих лет!
Твоя, рódный, бабушка Настасья...

Да... забыла.... кланяется Дед».

Ворожея

На площади вьется народ-воронье,
Азартом дыша в ожиданьи сожженья...
Сказали: сегодня казнят ворожею...
Пустите меня посмотреть на нее!

А вдруг это та, что седьмого числа
Любовь и разлуку, смеясь, предсказала,
Но только в кого я влюблюсь, не сказала,
Монет не взяла, но мой сон унесла?..

А вдруг у нее чуть с горбинкою нос
И пляшут в глазах разноцветные зори,
Припухлые губы, улыбка во взоре,
А солнце запуталось в прядях волос?..

Пустите меня заглянуть ей в глаза!
Я в них на вопрос свой... ответ угадаю...
Зачем я всё время ее вспоминаю?
Пустите, ведь мне ошибиться нельзя!

Пустите! Ее суждено мне любить!
Я жизнь вам отдам, ни о чем не жалея...
Сожгите МЕНЯ! Пусть ЖИВЕТ ворожея!
Я смертью готов ее грех искупить...

Пустите меня!

Вы одна в полутемной комнате

Вам не нужен никто? Да полноте...
Никуда не сбежать от памяти.
Вы одна в полутемной комнате
Равнодушно роман листаете.

Тишина обнимает омутом.
Мысли вьются воронкой мусора.
И в бокале вино не тронута,
И конфета чуть-чуть надкусана.

Но назло липким серым морокам,
Глубоко пряча сны усталые,
Подсознание ловит шорохи
Там... за дверью... А вдруг?... А мало ли?

Вам одной хорошо? Да полноте...
Никуда не сбежать от памяти.
Как всегда... в полутемной комнате
Вы ведь ждете ЕГО!
Вы – знаете?

Обмануло бабье лето, обмануло

Обмануло бабье лето, обмануло.
На свиданье не пришло, как обещало.
Осень мокрым языком стекло лизнула,
И дождями застучала, заскучала...

– Не пришло! – шепчу озябшими губами.
Но надежда почему-то всё не тает.
Ежедневно под промокшими часами
Ожидаю бабье лето. Ожидаю!

Не поверю непогоде, не поверю.
Буду лета ждать, по-летнему одетый.
Подойдет трамвай, устало скрипнут двери.
И шагнет ко мне с подножки бабье лето...

Нарисуй мне, художник...

Нарисуй мне, художник, заснеженный дом,
Над трубой среди звездочек дымную змейку,
И, покрытую тонким вчерашним снежком,
У калитки под вязом родную скамейку.

Слева яблони старой наметь силуэт,
И такие цвета отыщи в красках, чтобы
Из окошек струящийся ласковый свет
Золотил так забыто-знакомо сугробы.

Нарисуй и тропинку к крыльцу меж кустов
(Слева ветви сирени, а справа – ореха),
И цепочку моих торопливых следов.
Словно я в этот дом наконец-то приехал...

Пусть снежинки застынут, замрут на весу,
Не решаясь затронуть узор этот свежий.
Нарисуй мне заснеженный дом... Нарисуй...
Подари мне, художник, хотя бы надежду...

Чу! Опять какой-то шорох...

Чу! Вздохнула половица...
Тихий ужас душу плавит:
Кто-то ходит по границе
Сна глубокого и яви...
Тихий шелест где-то в зале,
Словно сны мои тасуют
И, в усмешке зубы скаля,
Жадно ждут, когда усну я.
Стоит мне сомкнуть ресницы,
Как взметнутся из под снега
То ли звери – то ли птицы,
Запряженные в телегу.
Обернется мрачный кучер,
Бросив саван мне под ноги,
Кнутовищем тыкнет в тучи
Вдоль змеящейся дороги.
Что-то злобно залепечут
То ли звери – то ли птицы...

Обними меня покрепче!
В сон не дай мне провалиться.
Прошепчи, что тихо в хате,
Что лишь ветер там, за дверью,
Что никто меня не схватит.
Я попробую поверить.

Чу! Опять какой-то шорох...

Эх, барин...

Но-о-о... буцефалочки, дети печали!
Хватит жевать изгородку!
Плохо вам, барин? Опять заблевали
Сельдью и луком пролетку.

Кто б сомневался, что так интересней?
Чистить не вам же придется.
Барин, давайте доедем без песни?
Что же вам нынче неймется?

Нет, я не против. Искусство – в почете.
Голос ваш чистый и гладкий.
Только уж больно вы громко орете,
Морщатся даже лошадки.

Вот... Взбеленились... Вы, барин бы, сели.
Выпасть на кочках несложно.
Снова стреляться со мной на дуэли?
Барин, ну сколько же можно?!

Завтра... Всё завтра... Проспитесь, и пули,
Может, найдутся спросонок.
Как вы там, барин?
В селедке уснули?
Господи, сущий ребенок!

Я вам шептал

За бахромой вишневого заката
Метался сумрак птицей всполошенной.
Я вам шептал: «Любовь моя... отрада...»,
А вы смотрели в небо отрешенно.
Я говорил, что мы – две половинки
Что эта встреча послана судьбою,
А вы в ресницах прятали слезинки
И невпопад кивали головою.
И как-то разом потускнели дали,
А воздух стал на вкус полынно-горьким.

Ну как же так? Я – принц! Меня вы ждали!
Вон... белый конь пасется на пригорке.
Когда на небо осторожно звезды
Луну больную вывели под ручки,
Вы встrepенулись: «Боже мой! Как поздно!
Я ж обещала сказку на ночь внучке!»
Вы уходили, а слова, как рыбы,
Беззвучной тенью на ладошке бились.
Вы уходили, мне шепнув: «Спасибо,
Что вы такой, каким всё время снились...»

Пять ступеней

Глашатай смолк... Ну, значит, всё... Пора...
 Ну почему же так дрожат колени?
 От «верного слуги» до топора
 Всего лишь пять обшарпанных ступеней.

Пройти по ним, не уронивши честь,
 И не споткнуться люду на потребу...
 Скажи мне, Боже (ты ведь где-то здесь),
 Как удержать мне рухнувшее небо?

О, сколько вновь на площади зевак,
 Как хорошо, что лиц друзей не вижу.
 Ты знаешь, Бог? Я сделал первый шаг
 И на ступеньку стал к тебе поближе.

А вот вторая... с трещиной-змеей.
 И нашу речку тоже звали Змейкой.
 Мы в ней купались в детстве. Всей семьей
 На хлеб ловили шуструю уклейку.

Ступенька третья жалобно поет.
 Ослабли гвозди. Раскачались, видно.
 Какой душистый накачали мед!
 Жаль, не успел попробовать. Обидно.

Четвертая. Осталась лишь одна
 Ступенька, как последняя страница...
 Успела ли с дочурками жена
 Погоню сбить и пересечь границу?

Ну вот и всё... Преодолею все пять...
 Горжусь, что сам и что не вылетел от страха.
 Ну что, палач, я не заставил ждать?
 Какой щекой, скажи, прижаться к плахе?

Цирк... не боле...

И замер зал ошеломленно,
 Когда в чернильной мгле арены
 Родился шепот саксофона
 Такой зовуще-откровенный,
 Что было напрочь вдруг забыто,
 Что это – шоу... цирк... не боле...
 Бесцеремонный луч софита
 Искал во тьме источник боли.
 А зов подкрадывался ближе,
 Сердца царапал, бился в стены.
 Софит споткнулся – клоун рыжий
 Стоял на краешке арены.
 Пел саксофон в руках у мима,
 О том, что так и не случилось.
 А к мундштуку по слою грима
 Воды горошинка катилась.
 И было зябко, было зыбко...
 Казалось, эта грусть безбрежна...
 Как вдруг с небес вступила скрипка,
 Вплетая в песню голос нежный.
 Прожектора что было силы
 Рванулись в небо после спячки.
 А там под куполом скользила
 По нитке девочка-скрипачка.
 О том, что не было когда-то,
 О том, что будет непременно,
 Нам пели скрипочка с каната
 И сакс на краешке арены.
 Плыла мелодия, то жала,
 То рассыпаясь нежной лаской.
 А люди в цирке не дышали,
 Боясь спугнуть дыханьем сказку.

Последний вдох над головою...
 Последний выдох саксофона...
 Софиты меркнут... Ну а двое
 Во тьму шагнули без поклона...

У корыта

Свинцом-то небо как налито!
Ох, быть дождю...
Сижу как дура у корыта...
Чего-то жду.

Пойти прибраться, что ли, в хате,
Принести воды.
Портки, заплатка на заплате,
Опять худы.

Да накормить двух кур-несушек.
Хоть толку – нет.
Они такие же старушки,
Смеется дед.

И крыша старенького дома
Худа, нага.
К чему мне царские хоромы
И жемчуга?

Суметь бы эти обиходить
Хотя б чуток.
Года, проклятые, уходят
Водой в песок.

И силы тают, как на солнце
Гречишный мед.
Вон закопченное оконце,
И кто протрет?

Уже не только к непогоде
Мослы болят.
Эх, мне сейчас бы скинуть годы!
Штук пятьдесят.

Огнем сверкала б наша хатка,
Как медный таз.

Уж я б вертелась без устатка,
А после – в пляс.

Ах, я бы вихрем закружила,
Как та юла.
Парням бы головы вспуржила,
Ведь я могла!

Они б ходили вереницей.
– Ты чья, краса?
А я б взлетела синей птицей
Да – в небеса.

Что толку вновь копить победы?
О чем тут речь?
Ведь я опять ушла бы с дедом
Рассвет стеречь.

И где те парни? Все – зарыты.
Тусят в аду.
А я, как прежде, у корыта
Всё счастье жду.

Да, дед мой, Старая Улыба,
Вершок с верстой,
Поперся с неводом за рыбой.
За золотой.

Умчался, дурень, без картуза,
Башку студить.
Притащит гордо три медузы....
РЫБАК!.. етить...

Да пусть уж... Что там... Будем сыты...
Ревень – в саду...
Сижу, как дура, у корыта...
Я – ДЕДА ЖДУ!

Старый генерал

На кухне грохнулся бокал,
Осколки зазвенели.
Проснулся старый генерал
В согревшейся постели.
Ох, этот кот! Как в лавке слон!
Убить паршивца мало!
Разбил такой чудесный сон
Седого генерала.
Во сне он вновь был жизни рад
И молод не по чину.
Спина – струной, горящий взгляд
Бесстрашного мужчины.
Свистели пули у виска,
Палили пушки рьяно,
А он в атаку вел войска
Под грохот барабанов.
Еще чуть-чуть... «Орлы, вперед!
Врага увидим пятки!»
Но вновь украл безмозглый кот
Победы привкус сладкий.
Теперь, конечно, не уснуть,
Валяться в полумраке.
И где-то слева ноет грудь
Бывалого вояки.

Болит спина – ни встать, ни сесть,
А это очень странно,
Ведь он, по сути, был и есть
Солдатик оловянный,
Который шел, врагов круша,
Дорос до генерала.
И были тело и душа,
Как прежде, из металла.
Когда сдавались дураки
(От страха крыша едет),
Он вел бесстрашные полки
К заслуженной победе.
Затихли войны. Вот финал –
Один, рассвет встречая,
Лежит забытый генерал
В коробке из под чая.
Ни звезд, ни денег не нажил
Вояка не «диванный».
Наверно, все-таки, он был
Уж слишком оловянным.
Ах, где его семнадцать лет?!
Исчез юнец невинный,
Оставив крошечный портрет
Бумажной балерины.

Игорь Бурдонов.

*Берег пустынный.
Камни. Сухая трава.
Море уходит.
Люди отсюда ушли
И уже не вернутся.*

Акварель, бумага, 2005 г.

ПОЭЗИЯ

Александр Сухих

(МОССАЛИТ, Москва)

Майский набросок. Ночь перед расставанием

(Вольная стилизация стиха И. Северянина «Июневый набросок»)

Ты слышишь, детка, звуки эти,
раскрытые в полночном свете?
Доразлепляются листочки –
младенца бархатные мочки.

...И соловей – тревожник дамский –
сулит изысканности ласки...

Прижмись, чтоб быть душой единой, –
остаток ночи долгим станет...

Рассвет разящий не обманет –
придет всевластным господином,
покажет разность лет и... страхи
влетят, как утренние птахи.

Я слышу тягость дум избывных,
пространство густо над тобой,
дрожат ресничные изгибы,
пушок над верхнею губой.

Люблю тебя – вздох, некстати.
Играет светом юный лик
от блесков сброшенного платья –
и бесконечен этот миг...

Я чую, жду в слезе покоя,
пусть эго зрелое, мужское
бунтует, просит миг продлить!..

Но по живому режу нить,
схлестнувшую на месяц страсти
двух горемык по разномастью.

И надо уходить быстрее
сквозь чуткий к звукам полумрак,
и холод мне дорогу стелет,
но не дается первый шаг,
так держат чувства и сомненья...

Влюбил в себя седой поэт
девчонку, ей лишь двадцать лет,
презрела возраст, окружение,
со всем щенячьим естеством
ловила каждый вздох и слово.

Я, опьяненный, тратил то,
что в долг давалось, а – не вдоволь.

...Расслаблена в глубоком сне...

Сквозь дачное окно извне
почти не видно силуэта –
роса ль, дыхание?.. – а лето
и осень для меня прошли,
закрыло, застило картинку.

Записывает память дни
по щербинам души-пластинки.

Длительность цвета

*Друг! Неизжитая нежность – душит.
М. Цветаева*

И столько накоплено чувств
душой неизжитой...
Сирени удушливой куст
цветет позабыто.

И ты, словно он, но вовнутрь
встаешь ветвями,
в валежнике собственных пут
садишь лепестками...

Божий набор

*Л. Губанову, И. Елагину и иным...
с болью позднего узнавания...*

ОН забирает вольных, лучших –
в расцвете,
но мы не любим свет несущих;
мы дети,
храним свой личный мир песочный –
зубами.
Бренчит игрушка жизни сочной,
и в игре
нам кажется, что тот, кто вольный –
не рядом;
скользим грунтованным суконным
не взглядом
и служим кальками глазастых
из тени,
и восклицаем в масках плаксы:

«Был гений!..»

Потворствуя влечению

*Покорно обнажив тела,
обряд любви мы сотворили.
М. Волошин*

Всё было в нас обречено:
копилось, зрело и таилось.
Весенний луч пронзил окно –
принес назначенную близость.

Тела покорно обнажив,
творили мы обряд любовный –
живописался плотский миф,
изобретенный в вязке темной.

День иссякал, а новизна
изгибов, запахов, касаний
скреплялась чувственностью дна
и легковесием признаний.

И сладким тлением цветов
струился дух чужой квартиры
и всхлипом стареньких часов
напоминал о внешнем мире
с его размеренным житьем
в полупрозрачном распорядке...

Скрепиться б накрепко вдвоем
и наслаждаться без оглядки,
привольно, длительно, взхлеб,
до одури, до отвращения –

испелить навек озноб
извечного ненасыщенья.

Голос золотого дня

И. Северянину – моему любимцу и Учителю

*...На что мне мыслей ваших холод
И политический раздор?
Весенний день горяч и золот, -
И у меня весенний взор...
<...>
Я – соловей, и, кроме песен,
Нет пользы от меня иной.
Я так бессмысленно чудесен,
Что Смысл склонился предо мной!*

Ваш «взор... весенний», Игорь, близок
Блаженным, дышащим строкой!..
По душам лед реальный призрак
(сам черт) вливает – в упокой.

И «мыслей... холод» стал привычен –
мутировал в кривой расчет,
а чистый голос – архаичен –
не вьется новым кумачом.

И той Эстонии радушной,
что прах хранит Ваш, больше нет –
в Европе девочкой послушной
собой торгует за *respect*...

...А соловьи поют так рано,
и, может, в голос соловья
Душа вместилась Ваша раной,
чтоб уловить начало дня!..

Послесловие

*Стихам своим я знаю цену.
Мне жаль их, только и всего.
Но ощущаю как измену
Иных поэзий торжество.
Г. Адамович*

Мои стихи – сироты времени –
для избранных спасительный приют,
надменное лихое поколение
они не остановят, не примут.

И, слава богу, семя пустоцвета
когда-нибудь не примется землей.
Мне радостно, что понимаю это,
и горестно за путь короткий свой.

Душа саднит: оставить без присмотра
сей тонкий мир, что дал себя изречь,
я не хочу, он так любовно соткан!..
И всё же суждено ему истечь.

Стихи мои, напитанные светом,
мне жаль вас, как покинутых детей.
Я не ловил счастливые билеты
публичных конъюнктурных лотерей.

«Иных поэзий торжество» – не славил
и в свитах министерских не сновал.
Но не кичусь, что действовал вне правил,
и жизнь не ощущаю как провал.

Пусть не добыто светское признание,
но Слово в чутких душах прорастет:
ведь рядом Тот, кто управляет нами –
хранит, воспаляя на полет.

Игорь Бурдонов.

*В печали скалы,
Деревья и облака:
Жизнь скоротечна!*

Акварель, бумага, 2005 г.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЛИКБЕЗ

Ольга Грушевская
(МОССАЛИТ, Москва)

«СЕМЬ ТЕТРАДЕЙ ЖИЗНИ» — СЕМЬ ШАГОВ К НАПИСАНИЮ МИНИАТЮРЫ

Пришло время вновь поговорить о прозаической миниатюре!

На страницах МВ мы уже однажды обращались к теории этого малого жанра², теперь же мы зададимся более дерзкой задачей — не просто понять, что же это за жанр, но и попробовать свои силы в написании мини-работы. Как раз этом и посвящен необычный и первый в своем роде конкурс-семинар «Семь тетрадей жизни».³

Этот образовательный конкурс проходит при участии Московского салона литераторов и посвящен прозаической миниатюре как отдельному малому литературному жанру, который многие авторы, да и просто пишущие люди не воспринимают серьезно и путают с другими «разновидностями» малых прозаических жанров, таких как короткий рассказ, малое эссе, зарисовка, мини-сказка, байка, анекдот, афоризм и, наконец, притча.

Именно по этой причине мы и решили, что было бы интересно и полезно не просто поговорить о теории и порассуждать о признаках этого удивительного и изящного жанра, но и попробовать научиться самим писать миниатюрные тексты и вкусить удовольствие от их совершенства и емкости выражения. Так родилась идея семинара и поэтапного конкурсного процесса, предусматривающего постепенное освоение написания подобных текстов. Понятно, что обучить таланту невозможно, но дать представление об этом малом жанре через обучение вполне реально.

² О. Грушевская. «Литературоведение: малые жанры в прозе. Что такое миниатюра?» (научно-публицистическая статья), Московский BAZAR, № 1, 2011 г.

³ 28 февраля 2017 г. на сайте «Что хочет автор», электронной площадке Международного союза писателей «Новый Современник» (МСП «НС») для проведения литературных конкурсов, стартовал конкурс-семинар «Семь тетрадей жизни», который продлится до 23 апреля 2017 г.

И все-таки, что трудного в том, чтобы написать крошечный текст, который будет иметь, как того требует миниатюра, финал и какой-то конкретный сюжет? Кажется, в этом нет ничего сложного, 15 минут – и все дела!

Но уже в начале работы всё оборачивается иначе. Оказывается, миниатюра требует многого – в ней есть признаки необходимые (финал, сюжет, идея), но не достаточные, чтобы она заиграла. Кроме того, заложенные при передаче авторской идеи слова через пару дней вдруг оказываются неточными или кажутся полным сумбуром. И тогда приходится работать над формой и лексикой.

Миниатюра подобна звездочке на небе: всё равно что на темном листе бумаги поставить кисточкой желтую точку. Что может быть проще?

Однако, по мере приближения к «звездочке», она начинает увеличиваться, играть другими красками, может начать пульсировать и даже изменять форму.

Ниже я привожу своего рода методику в помощь авторам, расшифровывающую почти каждый признак миниатюры, что позволяет ей стать почти инструкцией по написанию миниатюр.

«Семь тетрадей жизни» – семь шагов к написанию миниатюры

Названия тетрадей – аллюзия на тексты Тонино Гуэрры.

ТЕТРАДЬ 1. КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК ИМЕЕТ ВНУТРЕННИЙ СВЕТ

На этом этапе пишем текст, не превышающий 2500 знаков с пробелами.

Определение идеи

Цель этапа: научиться ставить задачу. Определить, О ЧЕМ я, как автор, хочу заявить в своей миниатюре и какую мысль донести до читателя.

Автор должен любыми средствами **сформулировать идею**, ради которой миниатюра написана, и донести эту идею до читателя.

Идеей может выступать как глобальная тема или проблема, так и частный вопрос.

Идея (смысл миниатюры) не должна быть прописана прямолинейно (как делают в притче, например). Учимся преподносить идею косвенно (через сюжет, образы, детали, диалог, иронию, художественные средства).

Следует избегать дидактики, нравоучений, прямолинейности – они вообще не должны присутствовать в тексте.

Примечание. В отличие от байки, анекдота, короткого рассказа текст миниатюры НЕ повествует, НЕ рассказывает о чем-то, НЕ рассуждает (эссе), не вспоминает (короткие мемуары, воспоминания), не подводит итогов и не делает выводов (афоризмы, высказывания), а констатирует значимое состояние или действие, несет в себе конкретный яркий знаковый смысл. Именно наличием знакового смысла миниатюра отличается от художественных зарисовок и описаний – ритмической прозы, стихотворений в прозе и т. д.

При этом авторский замысел может быть любым – от решения вселенских вопросов до изображения частной ситуации, причем последняя обязательно должна нести в себе знаковое явление.

Таким образом, у миниатюры совершенно определенная задача: создать картинку в рамке, изящно выписанную, с конкретным замыслом и с одним сюжетно-семантическим рядом ради задуманного смысла.

Примером здесь могут служить задания, которые иногда дают первокурсникам для разминки в театральных училищах: изобразить несколькими движениями или поворотами головы Ненависть, Зависть, Нежность, Искренность, Душевную боль и т. п., несколькими очень точными и значимыми движениями. Безусловно, при определенной постановке задачи короткий талантливый рассказ может оказаться на стыке с миниатюрой (но только на стыке, т. к. задача рассказа как жанра – иная), а вот миниатюра никак рассказом быть не может.

Пример.

Петер Альтенберг

Книжка

Только что вышла в свет книжка о Бетховене – в издательстве Ульштайн, цена 80 теллеров – или не то одна крона. Собственно говоря, это мелкие «заметки о Бетховене», собранные Паулем Виглером. Найдется ли такая мелочь из жизни Бетховена, которая была бы не интересна? Почему бы мне не интересоваться тем, какие были у него любимые блюда и напитки? Сколько раз за всю свою жизнь мы узнаем подобные вещи про людей, которых никогда бы не стали об этом расспрашивать. Какая походка была у Бетховена, как он принимал приглашения и как отказывал, как он вел себя, когда ему всерьез случалось увлечься какой-нибудь барышней, и тогда, когда другой его обскачет и женится на ней... Каким мылом он мылся, какая трость у него была, какой зонтик? Вам это не интересно? А мне так – очень! Ведь гений – это целостный организм, и мельчайшая шестеренка, крохотный винтик – часть гениальной машины. А вы, именно вы беретесь судить о том, что в ней всего важнее?! Тоненькая книжечка позволяет заглянуть в самые потаенные уголки этой хитроумной гигантской машины, которая создавала музыку для вечности.

Если вы можете решиться и положить эту книжечку на столик в спальне своей подруги, чтобы читала на сон грядущий, – то значит, у вас и впрямь есть подруга.

ТЕТРАДЬ 2. МИР, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЕМ, ПРОСТ

На этом этапе пишем текст, не превышающий 2500 знаков с пробелами.

Определение структуры

Цель этапа: научиться работать со структурой миниатюры. Определить, КАКИМИ структурными средствами я, как автор, могу донести свою идею до читателя.

Автор должен любыми структурными средствами **организовать** свой текст так, чтобы при передаче авторской мысли текст нес в себе:

- пропорциональность,
- самодостаточность,
- неделимость,
- законченность.

Для этого автор может прибегнуть к различным структурным средствам:

- трехактному сюжету (вступление, развитие действия, заключение),
- косвенная или прямая речь,
- противопоставления и неожиданные точки поворота мини-сюжета.

Примечание. Миниатюра по своей структуре всегда пропорциональна, замкнута, завершена и самодостаточна. Ее нельзя продолжить, и она не является продолжением. Если ее вставить в обрамляющий текст, ее границы в нем не размоются, она в нем останется отдельным вставным куском.

Миниатюра неделима и неслиянна с окружением.

Это означает, что она вполне может затронуть глобальную тему, достойную романа, но при этом она не превращается в урезанное произведение – отрывок, ограниченный каким-то отдельным моментом, она как бы сжимается, сохраняя пропорции. Характерным примером может служить и миниатюра «Синяя собака», которая в сжатом виде рассказывает о процессах зарождения и развития в человеческом сердце таких сложных чувств, как любовь, привязанность, сострадание, на примере отношений бедняка и бродячей собаки. Эта миниатюра настолько символична, пропорциональна и законченна, что она легла в основу художественного фильма Дж. Пернаторе (с Филиппом Нуаре в главной роли), и это очень показательно.

Пример.

Тонино Гуэрра

Распахнутые ворота

Неизвестно, кто побудил больных стащить грязные простыни, белые халаты и фартуки и отправиться на ловлю бабочек. Они соорудили садок, натянув на металлический каркас сетку

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

от комаров. Получилась легкая круглая клетка, где ползало в неволе, перебирая ножками по ячейкам сетки, бесчисленное множество чешуекрылых, слетавшихся из лишнего зелени города на цветущие лужайки и клумбы лечебницы для душевнобольных.

В конце концов пациенты потребовали у главного врача направить в центр города монахиню-сиделку и освободить там всех бабочек. Так и было сделано.

На площадь сбежалось много народу, и, когда монахиня распустила шнур, стягивавший сетку, в воздух взмыла целая туча бабочек. Уличное движение остановилось, потому что всех поразило это необыкновенное событие. А когда люди поняли его смысл, то открыли в знак солидарности ворота сумасшедшего дома, чтобы одарить его узников свободой и любовью.

ТЕТРАДЬ 3. НЕ НАДО ВЫДУМЫВАТЬ СЮЖЕТОВ, ПРОСТО ОГЛЯНИТЕСЬ

На этом этапе пишем текст, не превышающий 2000 знаков с пробелами.

Определение сюжета

Цель этапа: научиться использовать сюжет как инструмент для достижения выражения авторской мысли. Определить, на основе КАКОГО сюжета я, как автор, донесу до читателя свою мысль.

Автор должен определить, **какой сюжет** ляжет в основу миниатюры и как сделать так, чтобы сюжет был не каркасом текста, а лишь **инструментом для передачи смысла миниатюры.**

Для этого могут быть использованы такие приемы, как:

- условность сюжета,
- сюжет через детали или, наоборот, крупные штрихи,
- сюжетные акценты на деталях, которые демонстрируют знаковый смысл миниатюры.

Примечание. В прозаической миниатюре должно быть сюжетное начало. Но какую же роль в прозаической миниатюре играет сюжет? Ведь сюжет есть типичный признак рассказа, короткой повести, одноактной пьесы и т. д.

А роль сюжета заключается в том, что в миниатюре не нужно действие само по себе – так, как оно необходимо повести, рассказу и пр., где действие есть способ существования текста. В этом смысле миниатюра такого действия не требует. Действие в миниатюре очень символично и чаще – дается условно, штрихами, детали играют роль не смысловую, а выступают как подпорки для яркости картины. Законченность действия миниатюры это вовсе не сюжетная законченность. Это смысловая законченность символа! В этом – огромная и принципиальная разница. Иными словами, при сохранении действия можно выдернуть смысл символа, и тогда миниатюра исчезнет. Так и в романе: выдерни действие при сохранении символичности – и роман исчезнет.

Примерами таких мини-сюжетов, в рамки которых укладываются целые жизни и которые невольно подводят читателя к самостоятельным выводам, служат миниатюры Тонино Гуэрры (см. ниже). При этом действие в них несет чисто знаковую нагрузку («Распахнутые ворота», «Ожидание»).

Таким образом, сюжет в миниатюре служит исключительно для формирования законченности символа, а никак не для развития действия как такового.

Пример.

Игорь Бурдонов

Светлая тень

Я ухожу на работу, а она усаживается в мое кресло и смотрит в окно: на соседний дом, на верхушку дерева, на низинку неба. Как люди смотрят в экран телевизора.

Иногда поет песню, но это только так говорится «поет песню», просто звуки летают то высоко, то низко, то по кругу кружатся, то стрелой из лука, плачет кто-то за занавеской, смеется в кулачок, ветер глухонемой мычит, снег ли шепчет, дождь ли мурлычет. А то слова говорит – заслушаешься, только разобрать нельзя ни одного слова.

У меня есть светлая тень – не от света тень, а от тьмы. Темная тень, которая от света, приклеена к ступням моим, следом за мной ходит, а светлая гуляет сама по себе, где хочет гуляет.

Я могу увидеть ее: самым краешком глаза, или когда зажмуришься. Она всё время уходит, быстро так. А если не смотреть, она на месте стоит, долго стоять может: и день, и месяц.

Мы с ней всегда во сне разговариваем, и наяву тоже можем. Нужно только сесть правильно, или встать у двери, или ходить по комнате: туда четыре шага и обратно четыре шага, неторопливо, как по тропинке ходят, которая вдоль опушки леса проложена. Тропинка траву раздвигает и под траву ныряет, мимо двух берез проходит, между березами светлая тень стоит, будто она тоже белая, третья береза. Я даже к ней подойти могу и руку протянуть, только просыпаюсь после этого.

У меня есть светлая тень – не от света тень, а от тьмы. Я ее спрашиваю: чай будешь пить? Она отвечает.

Потом из дома уходит, по улице идет, в метро спускается. Там людей много, и теней тоже, обычных теней, темных. Как бы она не потерялась. Куда она едет? Когда вернется?

По времени гуляет, по светлым дням моим: то в одном дне, то в другом. Там солнце светит, воздух светится, люди есть, у них лица светятся. Вода бежит, мимо берегов бежит, мимо деревьев, у которых солнце в волосах запуталось. Вода и по лицам людей бежит, это дождь плачет, а люди смеются, только глаз нет, взгляда нет, ушел взгляд, не остался в прошлом. Светлая тень моя там жить может, а я уже не могу. Она гуляет по светлым дням моим. И в темные заглядывает, не как солнце, как луна заглядывает, но все равно светлее становится, не так страшно.

У меня есть светлая тень – не от света тень, а от тьмы. Я уйду, а она останется.

ТЕТРАДЬ 4. ТРОГАТЬ ГЛУБИНУ ТОГО, ЧТО ВИДИШЬ

На этом этапе пишем текст, не превышающий 2000 знаков с пробелами.

Определение финала

Цель этапа: научиться преподносить финал. Определить, ЧТО именно я, как автор, преподнесу читателю в финале.

Автор должен организовать **финал как завершающий аккорд**, сконцентрировав в нем замысел миниатюры и демонстрируя универсальность знакового смысла всего текста.

При этом финал ни в коем случае не должен «проговаривать» авторскую идею напрямую, а должен явиться либо знаковым событием или знаковой косвенной фразой или оставлен на высокой ноте, чтобы читатель сам сделал вывод.

Примеры.

Тонино Гуэрра Иллюзии

Одна русская балерина, которой было 70 лет, и она вела танец в школах, однажды покорила совсем молодого человека своей высокой и еще стройной фигурой. И он последовал за ней.

Тогда она бросилась к дому, чтобы он не смог догнать ее. И, взволнованная, тяжело дыша, закрылась в квартире. Молодая дочь спросила, что с ней случилось.

«Удивительная история, – ответила старая мать. – За мной следовал юноша. Я не хотела, чтобы он увидел мое лицо и разочаровался бы моим возрастом. Посмотри в окно, стоит ли он там внизу?»

Дочь подошла к окну и увидела старика, который смотрел вверх.

Комната в полоску

Человек этот испытывал страх перед стучавшими в дверь, звонившими по телефону или просто смотревшими на него в окна из дома напротив. Тогда он велел выкрасить в полоску стены своей комнаты.

В синюю и белую полоску, чтобы они походили на его фартук. При звуках подозрительных шагов на лестничной площадке он бросался за фартуком, надевал его и замирал, прижавшись к стене. Иногда жена, вернувшись домой, не могла его найти. Она звала его. Но он настолько сливался со стеной, что комната казалась пустой.

ТЕТРАДЬ 5. ЛОВИМ ДОЖДЬ В ОПРОКИНУТЫЕ ЗОНТЫ

На этом этапе пишем текст, не превышающий 2000 знаков с пробелами.

Определение художественных средств

Цель этапа: научиться использовать различные художественные средства в сжатом тексте. Определить, КАКИМИ художественными средствами я, как автор, хочу передать свою идею.

Автор должен продемонстрировать **изящную сторону и тщательность отделки** своей авторской идеи. Виду того что в миниатюре должно доминировать авторское начало (субъективизм)

в восприятии внешнего мира, желательно использовать всевозможные художественные средства:

- авторская ирония,
 - сравнения и эпитеты,
 - аллегории и метафоры, которые делают текст драматическим,
 - символизм (умение увидеть в малом – значимое, в случайном – закономерность, в детали – весь мир),
 - гротеск,
 - олицетворение,
 - гипербола и литота
- и др.

Желательно при этом сделать упор не более чем на трех средствах, а не на всех сразу, чтобы текст не был перегружен красотами.

Немаловажную роль играет ритм (мелодика) текста и его динамика.

Примечание. В миниатюре всегда присутствует динамика, но динамика эта не сюжетная, а смысловая или эмоциональная. Динамика (действие) в миниатюре должна присутствовать, чтобы увидеть в макросъемке процесс формирования какого-то явления, которое и есть, по сути, и проблема, и вывод одновременно. Если прибегнуть к визуальным примерам, то типичным образцом миниатюры могут служить ускоренные кадры рождения бабочки из кокона в фильмах BBC «Дикая природа». В этом запечатленном процессе рождения нового образа главное не то, как движется сюжет превращения куколки в бабочку, а тот смысл, который выражен символом перехода куколки в бабочку.

Если же сосредоточиться только на внутреннем эмоциональном восприятии и отбросить всякую динамику, неразрывно связанную с внешним миром, то на выходе мы получим эссе или поэтическую зарисовку в форме стихотворения в прозе или верлибра.

Здесь будет уместно добавить, что в наше время – в период постоянно меняющихся социальных контекстов и ускорения ощущения времени – зафиксированный автором в миниатюре момент бытия может оказаться максимально приближенным к истине.

Примеры.

Игорь Бурдонов

Белые трусики

У нее были трусики, белые как свежавыпавший снег.

Другой бы подумал: «Эх, хорошо бы...», но я не подумал.

Потом я долго думал, почему я не подумал, хотя, казалось бы, мог подумать, ведь я же знаю, что надо думать.

В конце концов я надумал, что снег в середине лета просто не в моем вкусе.

Картина

Когда гости проснулись, они стали рассматривать картину.

Те, кто сидел справа, увидели маленькую девочку в белом платье, которая разговаривала с большой мохнатой гусеницей.

Те, кто сидел слева, увидели голую беременную бабу без головы, которая держала в приподнятой руке какую-то грязную тряпку.

Художник сидел на балконе в плетеном кресле и смотрел в безоблачное небо синими мертвыми глазами.

ТЕТРАДЬ 6. ВЕЛИКИЙ ТРУД – БЫТЬ В ОТЛИЧНОЙ ФОРМЕ

На этом этапе пишем текст, не превышающий 1500 знаков с пробелами.

Определение формы

Цель этапа: научиться использовать различные формы изложения. Определить, в КАКОЙ форме я, как автор, хочу передать свою идею.

Автор наилучшим способом должен продемонстрировать авторскую идею, используя все возможные формы подачи текста, при этом сохраняя принципы неделимости, сюжетности и законченности.

Автор может использовать:

- утверждающие формы повествования,
 - вопросительно-повествовательные формы,
 - смешанные тексты,
 - форму беседы с читателем,
 - повествование от 1-го, 2-го, 3-го лица,
 - прямую речь без повествовательного текста,
 - всего одно-два предложения
- и т. д.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Работа с формой также предполагает использование смысловых и интонационных ударений, которые достигаются инверсиями, рефренами, отказом от глагола «быть».

Кроме того, полезно прочесть свой текст вслух и очистить от всего лишнего: личных местоимений, любых неопределенных местоимений, тавтологии, синонимичных рядов описательных прилагательных и повторов мысли разными словами. Сокращаем текст до возможного минимума, делаем предложения короче.

Примеры.

Тонино Гуэрра

Ожидание

Он так любил ее, что заперся дома и принялся ждать у двери, чтобы заключить ее в объятия, как только она позвонит и скажет, что любит его, как прежде.

Но она не позвонила, и он стал стариком. Однажды кто-то легонько постучал в дверь, а он испугался и спрятался за шкаф.

Три тарелки

Один крестьянин, когда заметил, что жена ему изменила, велел накрывать стол тремя приборами.

И они всю жизнь ели, глядя на третью пустую тарелку перед ними.

Приоритеты

Приходит время, когда начинаешь искать себе в партнеры человека, с которым будешь слушать дождь.

О ней

Чтобы поймать смеющееся сердце Лоры, я подарил ей клетку, в которой жили мои письма.

Петер Альтенберг

Канатоходец

Когда я был маленьким, я каждое воскресенье бывал в Хитцинге и там взволнованно смотрел на то, как мсье Блондэн на протянутом на страшной высоте канате устанавливал маленькую железную жаровню, готовил себе яичницу и съедал ее там, на канате, невозмутимо и с аппетитом, – так всем казалось. Конечно, к земле от него тянулись тонкие канаты-страховки, и для опытного акробата опасности, можно сказать, не было никакой. Но для меня-то она все равно – была! Вся Вена говорила о Блондэне. Говорили, впрочем, глупости: «Господи, а вдруг он сорвется!» Дело в том, что он-то стал миллионером и лишь относительно рисковал своей никчемной жизнью – наилучшее из предприятий, возможных на земле. Господи! И тут вдруг сорваться... Нет, вот не сорваться ниоткуда, а именно жить несмотря ни на что – вот вы что сумеете-ка!

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

ТЕТРАДЬ 7. ТЫ НЕ ЗРИТЕЛЬ, НЕ ОБОЖАТЕЛЬ. ТЫ ЧАСТЬ ВСЕЛЕННОЙ

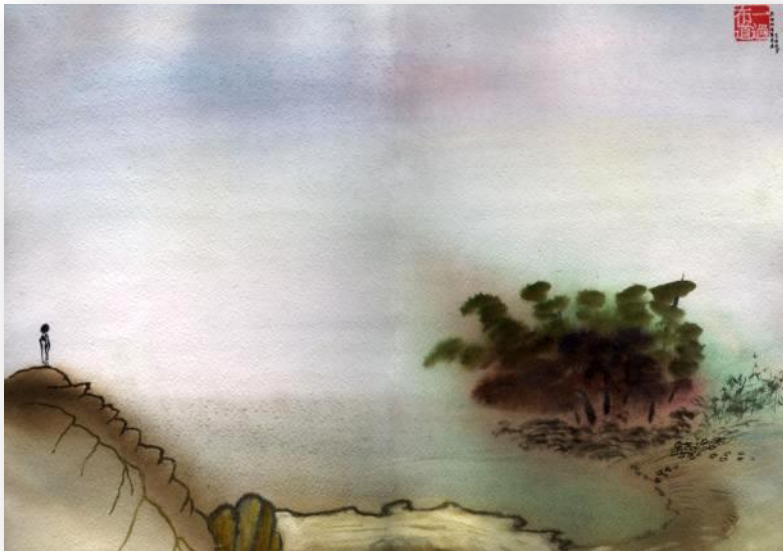
На этом этапе пишем текст, не превышающий 1500 знаков с пробелами.

**Финальная работа,
объединяющая этапы тетрадей
1–6.**

Цель этапа: создать прозаический текст, лаконичный, законченный, изящный, несущий в себе знаковый смысл – текст, из которого нельзя удалить ни одного слова.

Автор создает текст, отвечающий всем признакам прозаической миниатюры, рассмотренным в тетрадях 1–6.

Удачи!

Игорь Бурдонов.

*С вершины скалы
Видит тихую рощу
У кромки воды.
И лишь пустота вдали,
Где с небом слилась вода.*

Акварель, бумага, 2005 г.

ПРОЗАИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

Игорь Бурдонов

(МОССАЛИТ, Москва)

Жизнь

Жизнь-то как быстро прошла подумал/а он/а и стал/а жить дальше.

К вопросу о [не]совершенстве Вселенной

– Господин Бог, не слишком ли Вселенная [не]совершенна?

– Чего?!

Манг и Жанг

На традиционном ежегодном турнире ангов встретились Манг и Жанг.

Они уселись под широколиственным дубом, откупорили бутылочку красного плодового-ягодного и приступили к беседе.

Манг: – Анатомическое строение мужчины и женщины таково, что стрелка направлена от мужчины к женщине. Из-за этого мужчина легковверен и наивен, а женщина подозрительна и коварна.

Жанг: – Все мужики козлы!

Убью на фиг!

– Убью на фиг! – думал Тимьян Кориандрович, имея в виду всех тех, кто был виноват в его несчастьях. Кто это был персонально, о том Тимьян Кориандрович не задумывался, но знал точно: кто-то же виноват, не бывает так, чтобы виноватых не было.

– Убью на фиг! – думал Тимьян Кориандрович, просыпаясь, и сразу становился бодрым и подтянутым и в хорошем настроении проводил день.

– Убью на фиг! – думал Тимьян Кориандрович, укладываясь в постель, и засыпал сладко от этой простой мысли.

Так Тимьян Кориандрович и прожил всю жизнь, но никого не убил, а потом помер.

Товарищ Дачник

Товарищ Дачник жил уединённо: тропинка от калитки до крыльца заросла травой. Борода у товарища росла криво, вбок куда-то, только он всё равно не брился, потому что: зачем? Чай пил из покоцанной кружки, хотя в буфете сверкал новый сервиз, подаренный какими-то по какому-то. Да и то правда, что кружка для чая была удобнее, даром что покоцанная. И всё бы ничего, если бы однажды на земле не случился конец света. Ну случился и случился, подумал товарищ и отмахнулся как от мухи. Но потом стало как-то темновато, да и холодновато. Дрова кончились, топор сломался, пила затупилась. Ну и ладно, подумал товарищ Дачник, чего уж там. И помер.

Дурак под Луной

Один дурак сидел под Луной и ничего не делал.

Это всё.

Больше ничего.

И не будет никакого продолжения.

Что, уже и под луной нельзя посидеть?

Должны ли девки ходить в лес?

В детстве меня очень интересовал вопрос: могут ли девки ходить в лес? По наивности и врождённому любопытству мне казалось, что не только могут, но и должны. В юности я уже не ограничивался теоретическими рассуждениями, а пытался решить этот вопрос с помощью ряда экспериментов. В зрелости рассматриваемая проблема в значительной степени потеряла свою актуальность, поскольку жизнь как-то так протекала вне зависимости от того, ходят девки в лес или не ходят. И вот сейчас, на склоне лет, я вновь вернулся к этому вопросу, но только теперь уже склонен отвечать на него отрицательно. Да и правда: зачем девкам ходить в лес, если меня там уже нет? Или, скажем корректнее, я там не часто появляюсь.

Диалог Конфуция с Лао-цзы

Когда Конфуций встречался с Лао Данем, между ними произошёл любопытный диалог, оставшийся незамеченным историками и комментаторами.

— Что есть истина? — спросил Кун-цзы.

— Понятия не имею, — ответил Лао-цзы. — Истина меня не интересует, главное, чтобы всё было туманно и противоречиво.

— А разве то, что всё туманно и противоречиво, не является истиной?

— Является.

— Ну?

— Баранки гну, — ответил Лао-цзы и отвернулся.

— Какой мудрый человек! — восхищённо подумал Конфуций.

А потом ещё подумал и сказал: — Но я всё же пойду своим путём.

— Какой упрямец! — подумал Лао Дань с завистью.

А потом ещё подумал и сказал: — Скатертью дорога.

На том они и расстались.

Прогулка в парке

Пошёл в парк прогуляться. Без всяких мыслей и попыток. Среди дубов снег поскрипывает. Да так, что кажется, будто кто-то идёт сзади. Оглянешься – а нет никого. Так и в жизни на старости лет (глупо, но верно). Только дубы на снегу, в котором едва заметны лыжни и тропинки. По тропинке дама с собачкой пройдёт. На лыжне школьница спотыкается или старушка выступает, а то мужик пробежит: в тельняшке и с ножовкой за спиной. Спокойная зима, только надоела уже. Меня всегда интересовало, в какое время года я умру, до чего не доживу: до весны? до лета? до осени? до зимы? А как поглядишь на дубы: праздное любопытство. И всегда мучаюсь: как же закончить эту миниатюру. Опять нет никого, только снег лежит, будто навечно. Да не буду заканчивать – как тот советский писатель, которому редактор не позволил закончить рассказ запятой, а в сети-зиме никто не запретит,

Я уснул в метро

Я уснул в метро между станцией Отрадное и станцией Бибирево. А когда проснулся, метро не было. Москвы тоже не было. Земли тоже не было. Вселенной не было. И Бога не было. Я был один на всём белом свете. И тогда я стал чесаться. На нервной почве, наверное. Но блох тоже не было, и я перестал чесаться. Тогда я захотел спеть какую-нибудь песню. Но мне не хватило воздуха, потому что воздуха не было. И я перестал петь песню. Тогда мне захотелось пописать, и я пописал прямо там, где стоял. И никто мне ничего не сказал, потому что никого не было. Тогда я стал думать, чего бы мне ещё захотеть. Я стал думать о смысле бытия. Мне захотелось как-то подвести итоги жизни. Что в ней было правильного, а что неправильного. Я стал вспоминать своё детство, как я получил первую двойку по литературе, как первый раз влюбился. И вообще вспоминал все такие значительные события. Я пытался осмыслить это всё. Чтобы как-то определиться в мире. Но мира не было, и это затрудняло задачу. Ещё мне захотелось понять, что я тут делаю, зачем появился на свет, в чём моё предназначение, и в чём, так сказать, коренная суть моего существования. Эти вот вопросы можно было бы задать Богу, но Бога тоже не было, и я даже не знал, а был ли Он до того, как всё исчезло. Теперь вопрос о существовании Бога потерял смысл. Мне стало как-то неприятно от того, что так много важных вопросов потеряло смысл. Стало не на что опереться, даже присесть некуда было: все стулья исчезли. Но я всё же присел, и от этого проснулся. А может быть, от того, что кто-то очень громко заорал: «Осторожно! Двери закрываются!»

Пишущий

Было трудно: лёд не трогался, ветер не двигался, солнце мерцало, а жизнь заканчивалась.

Хотелось выйти, войти, переставить мебель, продолжить дневник, заварить чай.

Потом вдруг стало легко и спокойно: лёд не трогался, ветер не двигался, солнце мерцало.

Тогда он вышел, вошёл, переставил мебель, открыл дневник и, отхлебнув глоток свежесваренного чая, написал: «Было трудно:».

Дворик

В московском дворике была чёрная котельная, три могучих дерева и красная груда битого кирпича. Дождь падал с крыш на потрескавшийся асфальт, змеился в трещинах, причмокивая травой и мхом, и растекался блестящими лужами между корней трёх деревьев. Дома тяжело дышали влажными, распахнутыми провалами чёрных ходов и страшно глядели высокими, тёмными, без белков занавесок, окнами на что-то в центре двора.

Не на что-то, а на кого-то, и этим кто-то был он сам, и он думал: «Вот вырасту!».

И он вырос и глядел в ответ, но глядеть было не на что: дом сломали, а вокруг удивительно маленькой забетонированной площадки мчались автомобили туда-сюда, туда-сюда, ни на кого не глядя.

«А вот и не страшно», – подумал он и смахнул слезу.

Дядя Петя

Дядя Петя поправил ушанку, прищурился на припекающее солнце и, переложив топор в другую руку, сказал-спросил: «Ну, как там в Москве, что они решили, будет жизнь лучше или как, а то ведь совсем плохая стала».

Я пробормотал что-то невнятное, ковыряя носком ботинка крепко вцепившийся в землю сорняк.

Дяде Пете был безразличен мой ответ и, поудобнее ухвативши тяжёлый топор, он прошуршал дальше, глубокомысленно заметив, что живые не помирают, а мёртвые не живут.

А я потащился с наполненными вёдрами к своему крыльцу, думая – не думая, что вот ведь так всегда: намаешься в городе, приедешь на пару дней, а тут сорняки, забор покосился, печка дымит, ну какой отдых.

Дождь

С утра шёл дождь, и за грибами не пошли, водку тоже не стали пить – надоело.

Он вышел на крыльцо, поставил кружку с чаем на стол и медленно, оттягивая удовольствие, закурил.

Крыша прохудилась, и сверху с расстановкой, на три удара сердца, капли падали в середину влажного свежего пятна на широкой половице.

«Придётся чинить», – подумал он и, скользя взглядом по мокрым ступеням, тощим ручейкам на тропинке, отяжелевшей и потемневшей от воды траве, ещё свежим берёзовым колям нового плетня, раздавшимся и разукрашенным дождевыми брильянтами берёзам у соседского дома, невнятного в дымке лугу, тёмно-сизой полоске леса и разбегающимся, бестолково толкающимся облакам, ещё подумал: «Счастье», – и почему-то запечалился.

Верхние Чулки

Женщины деревни Верхние Чулки никогда не носят чулок, а в холода обматывают ноги бинтом.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Этот обычай зародился в незапамятные времена, когда мимо деревни, возвращаясь в Поднебесную, проезжали посланники китайского императора, а дочь генерала Ван Чу, уснувши, вывалилась из колесницы в придорожную канаву.

Сердобольные жители девушку подобрали, обогрели, накормили и выдали замуж, а она в благодарность научила их бинтовать ноги.

Со временем иноземное имя Ван Чу превратилось в более привычное русскому слуху название Верхние Чулки, но обычай сохранился и дожил до наших дней.

Макар

В деревне Макарово живёт Макар и гоняет телят.

Люди говорят: – Макар, не гоняй телят, иди вон лучше груши околачивать.

А Макар отвечает: – Что ж вы такое говорите, ведь я девушка, – и краснеет.

Вот ведь какие странные имена встречаются в старинных русских деревнях.

Человек, у которого есть жена

Пока по огородам и улицам деревни плывёт белый утренний туман, человек, у которого есть жена, сидит за печкой и не выходит во двор.

Но стоит только солнышку выглянуть из-за берёзовой рощи и своими лучами рассеять пары воды, человек появляется на крыльце, а потом и у калитки, и начинает ждать, когда вернётся его жена.

Но она никогда не возвращается.

И вот наверху зажигаются звёзды, в низинах зреет серый ночной туман, а человек, у которого есть жена, уходит в избу и ложится в кровать спать.

Прикосновение

Даже во сне её мучили воспоминания: нет, не столько о самом мужчине, сколько о прикосновении к её левому предплечью холодного и влажного кусочка его кожи.

Даже когда она с головой погружалась в переделку рекламных проспектов, пытаясь закончить работу в срок, её левое предплечье нет-нет, да подрагивало.

Она пыталась найти противоядие в прикосновении к своей правой щиколотке горячего и сухого кусочка кожи другого мужчины, старого друга, всегда готового прийти на помощь.

Но всё тщетно, и её подсознание уже понимало это, а она ещё не понимала и только тихо скулила, сжимая в руках холодную и влажную ручку душа.

Человек в форменной одежде

Человек в форменной одежде остановил меня и попросил прикурить.

Я потом долго думал, почему он меня остановил?

Наверное, что-то в моей жизни было неправильно, и где-то я совершил ошибку.

Человек в форменной одежде, если ты слышишь меня, отзовись!

Фотограф Эраст и селфистка Розалинда Ромуальдовна

1.

Фотограф Эраст полюбил селфистку Розалинду Ромуальдовну и сказал:

– Дорогая Розалинда Ромуальдовна, Вам нужно перестать делать селфи, ведь селфи – это не настоящее искусство фотографии. Я научу Вас настоящему. Хотите?

– Не-а, – ответила Розалинда Ромуальдовна, сделала селфи и убежала вдаль.

Тут-то фотограф Эраст и разлюбил Розалинду Ромуальдовну.

2.

Фотограф Эраст ещё раз полюбил селфистку Розалинду Ромуальдовну и сказал:

– Дорогая Розалинда Ромуальдовна, не согласитесь ли Вы на небольшую художественную фотосессию?

– А это чего такое? – спросила селфистка Розалинда Ромуальдовна.

– Вы будете стоять в разных позах, сидеть в разных позах и лежать в разных позах. А я буду фотографировать.

– На позы я согласна, – ответила Розалинда Ромуальдовна, – только лучше я сама буду щёлкать, а Вы чего-нибудь другое делаете художественное.

– Не хотите, как хотите, – обиделся фотограф Эраст и второй раз разлюбил Розалинду Ромуальдовну.

3.

Фотограф Эраст в третий раз полюбил селфистку Розалинду Ромуальдовну и сказал:

– Дорогая Розалинда Ромуальдовна, не хотите ли Вы со мною отужинать?

– С удовольствием, – ответила селфистка Розалинда Ромуальдовна, – а то жрать охота.

И они пошли в ресторан, где Розалинда Ромуальдовна нажралась в хлам и потому забыла сделать селфи.

А фотограф Эраст тоже нажрался в хлам и потому забыл разлюбить Розалинду Ромуальдовну.

И жили они долго и счастливо.

Художник Семён Семёнович, искусствоведша Фефёлкина и фотограф Эраст

1.

– Будь моя воля, я бы рисовал одни гениталии, – сказал художник Семён Семёнович.

– Что же вам мешает? – спросила искусствоведша Фефёлкина.

Семён Семёнович посмотрел на Фефёлкину долгим внимательным взглядом.

Фефёлкина вздохнула и расплылась.

Семён Семёнович вытер лужу половой тряпкой и стал думать об искусстве.

Фотограф Эраст запечатлел это и пошёл дальше.

2.

– Больше всего мне хочется выпить хорошего шотландского виски, – заявил художник Семён Семёнович и скрестил на груди руки.

– Неисповедимы пути в искусстве, – прошептала искусствоведша Фефёлкина, выдохнула в левую сторону и опрокинула стакан водки.

Семён Семёнович посмотрел на Фефёлкину долгим внимательным взглядом.

Фефёлкина ответила Семёну Семёновичу тем же.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Фотограф Эраст запечатлел это и пошёл дальше.

3.

Художник Семён Семёнович взял и ничего не написал.

– Шедеврально! – закричала искусствоведша Фефёлкина и упала в кресло вверх ногами.

Семён Семёнович посмотрел на Фефёлкину долгим внимательным взглядом и поставил в правом нижнем углу дату и подпись.

Фефёлкина, продолжая сидеть в кресле вверх ногами, заснула и начала похрапывать.

Семён Семёнович вздохнул и стёр подпись, потом выдохнул, взял кисть и замазал дату.

Фотограф Эраст запечатлел это и пошёл дальше.

4.

– Меня очень беспокоит иранская ядерная программа, – сказал художник Семён Семёнович задумчиво.

– Вы должны отразить это в своём творчестве, – воскликнула искусствоведша Фефёлкина, набравшись мужества.

Семён Семёнович посмотрел на Фефёлкину долгим внимательным взглядом.

Фефёлкина вспыхнула.

Семён Семёнович пошёл в соседнюю комнату за огнетушителем, споткнулся на пороге, упал и разбил Фефёлкиной нос.

Фотограф Эраст запечатлел это и пошёл дальше.

5.

– Где мои трусы? – спросил художник Семён Семёнович, озираясь вокруг.

– Они на вас, – подсказала ему искусствоведша Фефёлкина, – но под брюками их не видно.

Семён Семёнович посмотрел на Фефёлкину долгим внимательным взглядом.

Но Фефёлкина этого взгляда не заметила.

Фотограф Эраст на этот раз остался дома и никуда не пошёл.

Игорь Бурдонов.

*О чем шепталась
В ожидании дождя
Трава на лугу?*

Акварель, бумага, 2005 г.

ПРОЗАИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

Ольга Грушевская

(МОССАЛИТ, Москва)

Муха

Жаль, что есть ограничения во времени.
Жаль, что нельзя быть хозяином своему настоящему.
Жаль, что нет ответов на мои «Как ты? Где ты? Как ты? Где ты?».
Жаль, что мы другдружка и иллюзия.

«Жаль-жаль-жаль», – вот я и зажужжала. Как муха!
Лучше бы ты сразу меня прихлопнул.

Вам нужны радости?

Ты говоришь мне: «Впереди летний день. Пусть он принесет тебе радости – маленькие и не очень».

Радости маленькие и не очень – это серьезно.

Я привыкла дарить их тебе, а меня радости сами находят. Прибегают запыхавшиеся, вечно растрепанные и плюхаются на диван со словами: «Ах вот ты где спряталась? Ну наконец-то! Ищем тебя уже целых лет десять. За время пути, посмотри, как мы обветшали».

Молчу – не знаю, что и сказать, от неожиданности: какие-то они – сомнительные.

Но радости обижаются: «Мы что, уже не нужны тебе? – И предлагают: – Может быть, мы останемся, если ты непридирчивая?»

Я непридирчивая, они остаются.

Бабочка-лето

Легкомысленной яркой бабочкой лето влетело в твоё окно и раскинуло веером незамысловатый пасьянс из трех красных карт: июнь-июль-август – выбирай любую, загадывай желание, вдруг исполнится? Нет, не отмахивайся, пряча улыбку в глубине серо-серьезных глаз твоих, – счастье и любовь кратковременны, как летнее многоцветие звонкоголосое, – наслались ими полностью.

Только лето поможет снять многослойные одежды-маски – коконы одиночества. Только летом ты вдруг почувствуешь себя по-детски открытым-искренним, без сомнения – станешь самым собой.

Видишь?

Юная дева Июнь несет предвкушение чуда, ожидание росистой нежности.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Проказник Июль, восторженный, покажет тебе все прелести бытия и уголки чувственности, наполнив сердце волнующим новизной ветром с морей и солнцем – пылающим до бесцветности.

Задумчивый Август, спешащий к шкатулке с багряными драгоценностями, научит ценить минуты, украшая их памятью, прислушиваться к дождливому шепоту и не задавать вопросов: ответы сами придут потом, осенью.

От всех не уйти

Целеустремленный мужчина решил ото всех уйти. Ему было важно уйти ото всех, а от некоторых – в особенности. Сначала он поменял квартиру. Потом страну. Потом снова квартиру в уже поменянной стране. Еще он поменял всех мужчин и всех женщин. Но уйти не удалось. Тогда он просто открыл дверь и быстро вышел.

Мужчина был высок, крепок, у него были длинные ноги. Он зашагал ими через поля, леса и реки; зашагал, не оборачиваясь и без сожаления. Шел он свободно, широко, вдыхал полной грудью; шел по тротуарам, автобанам, подъездным и проселочным дорогам, а еще по горным тропам.

Но потом над плечом у него кто-то каркнул, громко и резко, и он остановился – решил, это знак: пришел. И лег в зеленую траву, заложил руки за голову, вытянул ноги и устремил взгляд в голубое небо. От неба уйти было нельзя, да и не хотелось, а хотелось в него улыбаться и погружаться – всё глубже и глубже – в рваные смайлики облаков.

«Получилось», – решил ушедший мужчина.

Но тут за головой зашуршало, прошлепало мелкими шажками, засопело и затихло. Затихло накоротко, а потом возмутилось: «Мужчина, вам чего?!»

Мир субъективен

Мороженщик Сутуйлов, недовидев недоглазом, принял пробежавшую мимо кошку за злобную крысу и протянул руку к банке с ядом, недавно купленным для уничтожения вредителей. Банки на месте не оказалось и он ругнулся: «Проклятье!»

Гимназистка Грушкина, сидя летним утром за столом с белой скатертью, приняла пробежавшую по саду кошку, за голодного ежика и протянула руку к блюду с булочками, привезенными только что от пекаря. Булочка была теплой и мягкой, и она прошептала: «Завтракать!»

Фотограф Перчиков, нацеливаясь объективом на кокетливую тетку на лавочке, принял пробежавшую мимо кошку за ласточку и испуганно потянулся за зонтиком. Зонтик был давно утерян и он вздохнул: «А ведь к дождю».

Кошка быстро проскользнула мимо суетящихся людей и уселась греться на солнышке, подставляя прищуренную мордочку встречному ветерку: «Мир прекрасен», – предположила она.

Мир субъективен.

ПРОЗАИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

*Микаел Абаджянц
(МОССАЛИТ, Москва)*

ПОЮЩАЯ ВАЗА

Вид вазы поражал. На деревянной полке музейного запасника стоял бесформенный флакон из мутного слабо просвечивающего стекла со множеством каких-то включений. И почему профессор называл этот флакон вазой, я никак не мог себе уяснить. Он говорил, что это, пожалуй, величайшее открытие в археологии, потому что нигде в мире, кроме Армении, больше не было найдено предметов из стекла такой древности. Состав стекла также говорил о том, что ваза не была привезена откуда-то, а древний мастер выдул ее из песка, взятого с берегов Севана. Господи, неужели технологии были тогда так несовершенны! Но в самой бесформенности вазы, в неправильности ее пропорций мне виделась ясная человеческая мысль, гениальное озарение человеческого разума. Я всё пристальнее вглядывался в сосуд, пытаюсь рассмотреть, что же в стекле не растворилось. В стекле что-то мерцало и поблескивало то серебром, то золотом, были видны беловатые осколки маленьких спиральных раковин и какие-то еще черные включения.

Профессор сказал, что вазе около 5000 лет. Потом он стал говорить о христианстве. О том, что, дабы очистить от скверны человеческую душу, людьми была создана целая религия, строились громоздкие сооружения-церкви, придумывались обряды. Но древний мастер решил вопрос гениально просто. Да и человеком ли он был в нашем понимании? Может, он был древним пророком или мессией. Ведь и сейчас непонятно, как ваза воздействует на человеческую душу. Эффект ее воздействия совершенно неясен. Можно еще объяснить с помощью науки, почему ваза издает прекрасные звуки... Но почему для каждого человека они разные, неповторимые, воздействующие только на него одного? Возможно ли такое вообще сотворить человеческими руками? Почему вазу не разбило на грубые осколки время, не обратило в песок, из которого она была создана? И почему она была найдена только теперь? Ответов не было, однако ваза жила своей жизнью, манила и притягивала. Я не мог оторвать от нее взгляда, точно в ней было спасение моей души, ее очищение.

Профессор взял бережно вазу в руки, подумал немного, а потом протянул ее мне. Стекланная ваза была кое-где шероховатой, а где-то неровной, словно гладь озера, с берегов которого был отобран для нее золотистый песок. И, по совету ученого, я дохнул на горлышко вазы... совсем чуть-чуть, едва-едва. И ваза отозвалась... Отозвалась мелодией самой прекрасной, какую я только слышал. Мелодия была простой, но поражающей воображение. Это было неожиданно прекрасно. Она затихла не сразу, всколыхнув недра моей души. В моей памяти воскресли самые затаенные детские обиды, которые я уже и не помнил. Мелодия прощала, как прощает тебе всё в конце концов мать...

Я увидел родительский дом, живых и здоровых родителей, которые были веселы и жизнерадостны. Промчались школьные годы, пронеслись в душе воспоминания о страшных муках юношеской неразделенной любви. Прошла вся моя жизнь со всеми ее ошибками, в

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

которой всё теперь наполнилось раскаянием, а следовательно, и неизбежным прощением... И я чуть было не заплакал, словно маленький мальчик, настолько прекрасными были звуки этой мелодии. Зачем-то я старался запомнить эту мелодию навсегда, навеки, на всю жизнь, чтобы в схватке со смертью, в самой агонии ее снова услышать. Но она затихла в глубине сосуда, и я уже ее не мог вспомнить. Снова подышать на горлышко мне уже не хватало сил. Такое сызнава было невозможно услышать и пережить. Это означало бы предать само воспоминание об этой мелодии... Да и делать это было незачем, ведь мне уже всё простилося...

*Не ветер шумит –
То деревья бранятся
С весенней водой.*

Игорь Бурдонов.
Акварель, бумага, 2005 г.

*Бредут по воде:
От весеннего сока
Деревья пьяны.*

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

11 декабря в библиотеке им. А. Платонова, Москва, состоялось открытие выставки Микаела Абаджянца «Черно-белые грезы»⁴. Выставка вызвала большой интерес, никого не оставив равнодушным. Сегодня мы предлагаем мини-интервью с автором фоторабот Микаелом Абаджянцем, талантливым писателем, переводчиком, членом Союза СП Армении, чьи литературные произведения публикуются как в России, так и за рубежом.

МИКАЕЛ АБАДЖЯНЦ: «ФОТОГРАФИЮ Я ОТКРЫЛ ДЛЯ СЕБЯ КАК НОВЫЙ ВИД МЫШЛЕНИЯ»

Московский BAZAR (МВ): Микаел, в роли фотохудожника вы выступаете впервые. Это неожиданно, потому что нам, как и читателям МВ, привычнее воспринимать вас как писателя со своим очень насыщенным миром, автором рассказов, словно вышедших из подсознания. Судя по вашим новым работам – фотографиям – можно с уверенностью сказать, что и здесь вы применяете тот же подход, где главный акцент делается на создание особого состояния души и выстраивание особой сюжетной картины с подтекстом. Ваши фотоработы подкупают интересом к деталям, к цвету, если это цветная работа, и к определенному контрастному сосредоточению на объекте, если это черно-белая фотография. Что для вас вообще фотография? Что в ней для вас как для писателя интересного?

Микаел Абаджянц (МА): Фотографию я открыл для себя как новый вид мышления. Как писателю, поразительным показалось мне мышление образами. Взаимосвязь между явлениями, процессы в окружающей среде, человеческие портреты и отношения даются только как картинки, не обязывая облекать видимое в слова. Это отчасти роднит фотографию с живописью. Задействовав интуицию и мастерство, фотохудожник вылавливает в хаосе мира сюжет и композицию, и уже только от его таланта будет зависеть сила влияния на зрителя выхваченного им изображения.

⁴ См. «Московский BAZAR», № 4, 2016 г.

Пробежать между пешек, 2013 г.

МА: Часто отсутствие хаотической мозаики цвета значительно усиливает глубину восприятия художественного образа. Обесцвечивание, изменение резкости и контрастности может привести к желаемому или хотя бы приемлемому результату. Обесцвечивание, при умелом использовании, – один из наиболее мощных приемов воздействия в арсенале художника на зрительское восприятие, усиливающее концентрацию сознания на предложенном им к рассмотрению образе.

МВ: И всё же на вашей выставке «Черно-белые грезы», где доминирует черно-белая фотография, присутствуют и цветные работы: это жизнерадостная «Городская мозаика», чудесная «Кошки-мышки», очень насыщенная «Философия заката». Что, на ваш взгляд, дает цвет в фотографии; иными словами, когда вы используете цвет?

Философия заката, 2014 г.

Фактура осени, 2014 г.

МА: Ха, теперь мне нужно с точностью до наоборот обосновать присутствие цвета в некоторых своих работах. Сделать это достаточно трудно, потому как чаще всего руководствуешься пресловутым «нравится или не нравится». И всё же я руководствуюсь принципом, что в статичных картинках – пейзаж, натюрморт – лучше оставлять цвет, тогда как на картинках, где есть динамика – это репортажная фотография, например – его, может быть, и стоит убрать.

Всё зависит от того, на чем вам нужно акцентировать внимание зрителя и что показать ему в первую очередь. Каких-то универсальных правил, сами понимаете, не существует...

Яркое впечатление, 2015 г.

Внезапная тишина, 2014 г.

МВ: Одна из цветных серий, завораживающе интересная, — «Стулья». Один, два... с женской фигурой, без. На выставке эта серия тоже была представлена. С одной стороны, кажется, что это чисто декоративная история. С другой, чем дольше вглядываешься в эти фотографии, тем больше понимаешь, что в них скрыт определенный смысл. Стулья — о чем это?

Ферзь, 2015 г.

МА: Стулья — это о любви! О любви к жене. О совместном творчестве. Она в образе модели, я в образе творца-художника.

В ожидании, 2015 г.

Созерцание, 2015 г.

МВ: Ну вот, мы и подобрались к женскому образу как таковому. Женщина у вас не формальная модель для того, чтобы радовать или лелеять глаз, всё значительно глубже. Она у вас часть сопереживания. Вот возьмем «В тиши дождливых переулков» — так и хочется узнать: от дождя ли закрылась эта женщина? Или «Она» — здесь, на наш взгляд, даже не миниатюра, а новелла. Или почти декоративный «Ферзь»... И ведь не понятно, почему эта

Улочки Эшторила, 2013 г.

Она, 2015 г.

фигура ферзь, но это именно ферзь. А «Созерцание»? Продолжение темы «Стульев» об одиночестве? А поспешный шаг незнакомки «В дождливых переулках» – и здесь драматургия. И совсем фантасмагорическая работа «Дорога в Эшторил» не случайно имеет пометку в названии – «на тему сюжетов Дэвида Линча». Женский образ у вас лишь необходимая и дополняющая деталь к картинке, удачно подобранная или случайно подвернувшаяся и вписанная в интерьер? Или все-таки ваш женский образ несет в себе предысторию, какое-то глубокое совместное, модель – художник, сопереживание момента?

МА: Да, конечно, личную историю любви к женщине. Мы вместе с женой рождали эти образы, размышляли и создавали, полагаясь на свои интуицию и любовь. Всякий раз я удивлялся во время наших фотосессий находчивости жены как художника, созданным ею образами, нестандартному ходу ее мыслей, неожиданным действиям.

В тиши дождливых переулков, 2014 г.

Выход, 2016 г.

Осколки прежней жизни, 2015 г.

МВ: У вас есть очень загадочные работы, это «Выход», «Осколки прежней жизни», представленные на выставке заволаживающие «Связь», «Знак», сюжет-натюрморт «Свет в окне», где на фоне расплывчатого окна по тонкой паутинке спускается паук. Что важнее для вас, объект или сюжет?

МА: Желательно, конечно, чтобы запечатленный на фото объект был с какой-то историей. Не просто болтался в безвоздушном пространстве, а был связан с окружающей его действительностью. И чем больше и глубже художник этих связей покажет на своей фотографии, тем ее будет интереснее зрителю рассматривать.

Под конвоем, 2015 г.

Москва, пешеходы, 2016 г.

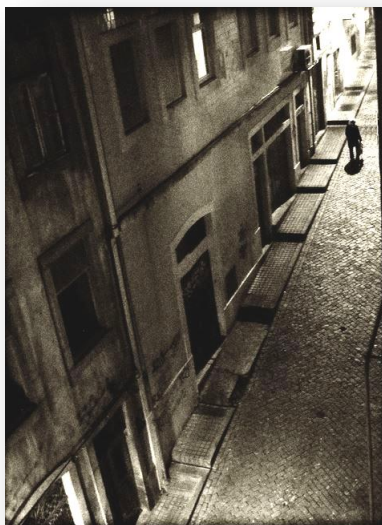
МВ: Город представлен у вас большой серией ночной Москвы из окна машины. Огни, автомобили, трассы, скорости, дождь, зонты, пешеходы, высотки – несмотря на темные кадры, все они очень динамичные, городские. Чем эта тема вас постоянно держит?

МА: Меня очень привлекает ночная Москва. Жена за рулем, неспешный разговор, огни, пробки и скорость, значительные расстояния. Снимать через лобовое стекло достаточно сложно. Тебя трясет в неподходящий момент, и картинка быстро за стеклом перестраивается, здания быстро вырастают, жена строго требует не загроживать зеркало заднего обзора, машины заходят и справа, и слева... И вот ты следишь, чтобы не выскочило за кадр, чтобы не обрезалось, чтобы сфокусировалось на чем надо и так далее. Иногда бываешь вознагражден за все усилия хорошим кадром!

Сквозь небеса, 2016 г.

МВ: Тема города вообще очень благодатна, город – разноплановый герой, характерный, порой драматический. Как вы переживаете многослойность и многоликость большого города?

Редкий прохожий, 2014 г.

Улочки сбегаются, 2014 г.

Просто был дождь, 2014 г.

МА: Снимать в городе достаточно сложно и интересно. Ты передвигаешься по улице – самому дну большого города. Если снимаешь общим планом, то приходится держать фотоаппарат под особым углом, чтобы не исказить перспективу, не рушить вертикали и стены. Приходится следить, чтобы не обрезались руки и ноги, чтобы в кадре не было кусков автомобилей. Город подвижен и изменчив, приходится быстро ловить удачу и сюжет, ощущая на себе подчас недобрые взгляды, но оставаясь при этом в рамках дозволенного, приличий. Со временем развивается чутье и проявляется талант, и, вероятно, когда-нибудь ты станешь мастером...

МВ: Спасибо вам за интересное интервью. От имени редакции МВ разрешите пожелать вам успехов, рождения новых работ, новых выставок!

Городские пешеходы, 2015 г.

ПИЛИГРИМЫ

Галина Стеценко
(Москва)

СОГРЕТЫЙ РОСТОК

В воскресенье город пробуждается только к обеду, и потому на улице было безлюдно. Не сновали машины, не скрипели двери подъездов, провожая и встречая жильцов. И только пожухлые листья катились по тротуару, обгоняя Светлану.

– Тетенька! – донесся умоляющий детский голос.

Невдалеке, у подъезда пятиэтажки, стояла девочка лет десяти, бережно прижимая к себе какой-то черный комочек. Светлана посмотрела по сторонам: тетей ее, недавнюю студентку, еще никто не называл.

– Возьмите себе котенка... – прошептала девочка. – Он плакал, звал свою маму...

Котенок свесил с детской ладошки тощий хвостик и обернул к Светлане печальную мордочку. Нетрудно догадаться: никому не нужный бродяжка.

– Я бы взяла его, – посочувствовала Светлана, – да я целый день на работе. Ты сама возьми, будешь о нем заботиться.

– Мне мамка не разрешает, – тонкие губы девочки скривились от обиды.

– Катька! – Послышался хриплый крик с высоты. На балконе второго этажа стояла женщина. Красное лицо, будто вышла из парилки на свежий воздух. Женщина наклонилась через перила балкона. Махала руками, словно пыталась заглянуть под балкон. – Ты что там прячешься?

Светлана поняла, что женщина изрядно пьяна.

– Я не прячусь. – Девочка посадила котенка под скамейку и заслонила сапогами.

– Самим жрать нечего, а она котенка тащит. Брось его, тебе говорю! А то без ужина оставлю!

Катя схватила подопечного и шмыгнула с ним за угол дома.

А Света побрела прочь. Воспоминание о детстве кольнуло сердце. Как она сейчас понимала Катю! Ей нужно научиться выживать в трудностях, как ростку среди камней. Пробиваться и тянуться к свету!

Проходя мимо школы, остановилась: «Школа похожа на ту, где я училась».

...Урок музыки близился к концу, но Светка находилась в собственном мире. Белые буквы на черной доске казались ей стайками белоснежных голубей на асфальте.

– Воробьева, ты кому улыбаешься? – гроыхнуло в тишине.

Светка вздрогнула.

– Скоро 8 Марта. Пригласим в класс ваших мам. Сначала покажем концерт, а затем устроим чаепитие. Поднимите руки, кто хочет петь в хоре.

Петь в хоре Светке не хотелось. Но она представила среди зрителей свою маму и первой подняла руку:

– Я хочу!

– Хорошо! Лес рук!.. Напоминаю, одежда на празднике – белые рубашки, блузки, – учительница задержала взгляд на Светке. – Поняла, Воробьева? В школу нужно приходить в форме. А ты опять в синем свитере! Я тебе в дневнике писала. Мама читала?

Девочка опустила голову и промолчала. Ее мама не читала учительские записи в дневнике и в школе давно не появлялась. Но на этот праздник придет, дочь упросит ее. Светка решила выучить песни и нарядиться не хуже Вики, соседки по парте, от которой не раз слышала обидное слово: «Нищенка!»

Вечерело. Светка шлепала старенькими сапожками по подтаявшему снегу. Дверь подъезда оказалась закрытой на кодовый замок. Светка не знала код. Запрокинула голову – окна тетиной квартиры смотрели на нее темными квадратами. Оставалось ждать. Света коротала время, переступая с ноги на ногу и подпрыгивая на крыльце дома. То и дело вытаскивала из кармана куртки носовой платочек и вытирала нос. Чтобы было теплее, натянула до бровей серую вязаную шапочку, нахлобучила поверх шапки капюшон куртки, отогнула завернутые рукава, пряча в них руки. Каждая следующая минута ожидания казалась еще холоднее и темнее.

Наконец к подъезду подошла женщина. Девочка шагнула ей навстречу:

– Тетя, – впустите меня в подъезд...

– А ты к кому?

– К тете Тане. Ее пока нет дома... Впустите... погреться...

– Твоя тетя из какой квартиры?

– На восьмом этаже...

– А, к Татьяне? Это соседка моя, – голос женщины стал приветливым. – Заходи! А знаешь что? Пойдем ко мне. Вместе подождем твою тетю. Меня зовут Надеждой Андреевной, а можно просто – тетя Надя. А тебя как зовут?

– Светкой! – довольная, девочка побежала к лифту.

Подошли к двери, обитой коричневым дерматином.

– Проходи, Света. Сейчас тапочки дам.

Замерзшие детские руки и щеки сразу почувствовали приятное тепло. Светка сняла куртку и осталась в тонкой водолазке.

– Ты легко одета. Без шарфа, – покачала головой Надежда Андреевна. – А ведь зима еще не попрощалась с нами.

Гостья стащила сапоги, стянула надетые на носки полиэтиленовые пакеты. Прошла.

– Да у тебя ноги мокрые! – ахнула хозяйка.

Девочка виновато смотрела на оставленные следы:

– Пакеты порвались – вот ноги и промокли.

– Где ж ты их промочила?

– Возле теплотрассы. Везде еще снег да лед, а там – каша с водой.

– А что ты там делала?

– Играла. Думала, что там теплее. Мы там играем в продавцов. Из магазина ящики выбросили, а мы сделали прилавки из них...

Надежда Андреевна притянула девочку к себе, погладила ее по голове:

– Давай-ка иди в ванную, помой ноги в горячей воде, чтоб не заболеть. А лучше – вся помойся, – и принесла белое махровое полотенце, синий халат и шерстяные носки своей дочки.

В ванной девочка разглядывала и нюхала разноцветные шампуни и гели. Улыбалась себе в зеркале. Радовалась теплему дождю, стекавшему по телу.

А когда вышла, на журнальном столике появились чашки с блюдцами, вазочки с печеньем и карамельками. Девочка села в кресло с мягкими подлокотниками.

– Мама говорила, что нам тоже хотели дать квартиру с удобствами.

– А где ты живешь? – хозяйка осторожно разливала чай.

– На Привокзальной.

– Знаю... Пей чай. Печенье, конфетки бери.

Этот район, с покосившимися, вросшими в землю деревянными домами-бараками, построенными сразу после революции, знали многие: он недалеко от вокзала.

Надежда Андреевна села напротив девочки:

– Наверное, ты к тете Тане по важному делу?

– По очень важному. Хочу у нее на праздник белую блузку попросить.

– Представляю тебя, худышку, в огромной блузке тети! В ее блузку три такие девчонки влезут! – улыбнулась Надежда Андреевна. – Слушай-ка, я собрала вещи своей дочки, чтобы кому-нибудь отдать: они ей уже малы. Ты посиди, я сейчас.

И она скрылась за дверью.

Светка, увидев на полке бордовую шкатулку, соскочила с кресла. Подошла и тихонько приоткрыла ее. Заиграла музыка. От неожиданности тут же захлопнула крышку. Но успела заметить в ней цепочку и перстень.

Вскоре хозяйка вернулась с пакетом и вытряхнула из него вещи на диван:

– Вот. Бери что понравится.

– Это всё мне? – Глаза девочки заматались по пестрой куче вещей, руки сразу потянулись к голубой блузке. – Идет?.. – Приложила блузку к себе.

– Идет. К твоим глазкам-незабудкам.

– А эта идет? – девочка поочередно подносила к себе каждую вещь. Вытащила красный треугольник. – А это что? Пионерский галстук?! – примерила его. – Красиво! Только нам сказали больше не носить... Вот белая блузка! Ух ты! – обрадовалась она и закружилась по комнате!

Надежда Андреевна радовалась, что так легко смогла осчастливить девочку, и наслаждалась ее настроением.

– А мама где работает?

– На рынке. Раньше она книжки выдавала. Но библиотеку закрыли. Мама говорит, что это перестройка ее к холодному прилавку выгнала... Мама согревалась на морозе водкой и чуть печенку себе не посадила... А теперь она рынок убирает.

– А отец чем занимается?

– Не знаю. Он уехал от нас куда-то. – Девочка погрузилась.

Надежда Андреевна решила проверить, вернулась ли домой Татьяна. Как только за ней захлопнулась дверь, Светка подскочила к шкатулке, схватила перстень с большим, сверкающим гранями камнем и сунула в карман брюк. Надежда Андреевна, убедившись, что тетя Таня уже дома, проводила к ней Свету.

...В классе пахло мимозами. Разноцветные воздушные шары прикрепили к шкафам, доске, пианино. Светка в шелковой блузке, подаренной тетей Надей, чувствовала себя красивее всех.

В класс входили родители и рассаживались. Светка поглядывала на дверь: «А где же моя мама?»

Вика объявила о начале концерта. Учительница села за пианино, и ее пальцы помчались по клавишам. Она кивнула, и все запели: «Если с другом вышел в путь...»

Светкина голова то и дело поворачивалась в сторону двери. А дверь как заколоченная! Наконец открылась! Мама! Дочь уверенно запела, подняв повыше подбородок. Щеки мамы были пунцовыми. Света поняла: мама опять «согревалась» на морозе. Сердце сжалось от стыда: это могли заметить и другие.

Девочка растерянным взглядом искала свободный стул: «Куда маме сесть?» Выскочила из хора, схватила маму за руку и потащила, показывая на свободные стулья. Мама села, и Светка быстро встала в хор: «Хорошо, что еще не закончили песню. Я еще спою для мамы!»

Всю дорогу домой она щебетала. Ей хотелось крикнуть: «Посмотрите же, я вместе с мамой!» Слушает мама ее рассказ или нет – ей было не важно: главное, что мама увидела, как дочка для нее старалась.

После ужина девочка уснула с улыбкой. Она не видела, как мама выпила рюмку и побрела в комнату. Швырнула халат на спинку стула поверх детских брюк. Вещи сползли на пол. Что-то звякнуло. «Мелочь?» – мать подняла блеснувший кругляшок и, выйдя в коридор, включила свет. Золотой перстень с камнем! Кажется, рубин... Кровь бросилась ей в голову: «Откуда он у Светки?»

Утром мать нервно ходила по комнате.

– Мама, ты дома! – открыв глаза, дочь протянула руки к матери.

Мать присела на край кровати:

– Откуда он у тебя?

– Мама, ты о чем? – Светка не сразу поняла вопрос.

– Где перстень взяла? Признавайся!

– Мамочка, я хотела продать его и к 8 Марта цветов тебе купить. Тебе же никто никогда цветов не дарил... И конфет хотелось...

– Обещай мне, что ты никогда не потянешься за чужим! В нашем роду воров не было. Я и крошки с пола не подняла!.. А перстень – верни!

Несколько дней девочка придумывала способы, как вернуть перстень. Не надеялась, что Надежда Андреевна откроет воровке дверь. Наконец позвонила:

– Тетя Надя, можно к вам? – Сердце девочки замирало в ожидании ответа.

– Приходи, я пирог испекла, – голос Надежды Андреевны лился, как обычно, ровно.

Всю дорогу Светка подбирала нужные слова. С опущенной головой переступила порог:

– Простите меня...

– Ничего страшного, вытру, – хозяйка глянула на следы в прихожей.

– Я не про это... про вечер...

– Ты меня не обидела. Проходи. Чай ждет.

Гостя прошла и сразу заметила: шкатулка на прежнем месте. Пока Надежда Андреевна ставила чайник, быстро сунула перстень обратно.

С этого дня тетя Надя стала для Светки собеседником, советчиком и помощником.

...В актовом зале празднично. В ярких завитушках надпись «Прощай школа!». Под «Школьный вальс» на сцену поднимаются выпускники. Света в бежевом платье с заколкой-цветком в черных завитых волосах. В руках долгожданный аттестат. Жаль, что мама не видит дочь. Света не сомневается: если б не прихватило печень, мама обязательно пришла бы... Взглядом обводит зрительный зал. Тетя Надя и тетя Таня машут ей рукой! Тетя Надя сшила Свете выпускное платье. И сделала подарок:

– Хочу тебе, Светочка, подарить на память о нашей дружбе... – вложила в Светину ладонь золотой перстень с рубином. – Тебе он нравится, правда же?

Узнав перстень, девушка обомлела. Сконфужено кивнула и тихо произнесла:

– Да, нравится. Спасибо вам, тетя Надя!

...«Если бы мама была жива, я бы заботилась о ней. И лекарства бы ей покупала. И лечила бы сколько потребуется. В детстве хотелось поскорее повзрослеть, чтобы стать маме опорой. Но не успела. Мамы нет...» – Светлана чуть не проехала нужную остановку.

– Жду-жду! – Надежда Андреевна широко открыла дверь.

Света поцеловала ее в щеку:

– Добрый день! Держите тирольский пирог к чаю.

– Проходи, Светочка! Стол накрыт... Рассказывай, что у тебя нового?

– Я замуж выхожу, заявление уже подали. – Света, сев на диван, с интересом наблюдала за реакцией хозяйки.

– О?! Поздравляю! На свадьбу пригласишь?

– А как же, тетя Надя! Вы для меня и старшая сестра, и подруга, и мать...

– Я душой почувствовала, что девчонка ты неплохая. И боялась тебя оттолкнуть... Спасибо, что не забываешь....

Весь вечер Светлана думала о Кате и о своем детстве: «Как сложилась бы моя жизнь, если б я не повстречала тетю Надю? А если б она оттолкнула меня?»

Тетя Таня тоже заботилась о Свете как могла. И, зная отзывчивое сердце Надежды Андреевны, одобряла походы своей племянницы к ней.

Ночью Света всё ворочалась – совесть мучительно не давала покоя. «Меня добром и участием обогрели, а я? Так бездумно отвернулась от девочки! Растоптала в ее душе росток добра... Скорей бы рассвет!»

Воскресное утро. Во дворе никого. Светлана направилась к дому Кати. Обошла его. «Может, подняться на этаж, в квартиру, где живет Катя, позвонить в дверь? Но как объяснить ее маме свой визит? Попросить у Кати котенка? Нет-нет. Это может повредить девочке. Да и котенка она уже могла отдать кому-то...»

Пока Светлана бродила между домами, на детской площадке появились две девочки, на вид Катины ровесницы. «Они, наверное, знают Катю и помогут ее найти?»

– Девочки, вы знаете Катю из этого дома? – Светлана показала ладонью на подъезд, где жила Катя. Раскачиваясь на качелях, девочки переглянулись, пренебрежительно скривив лица.

– Кого-кого? – иронично спросила одна девочка.

– Катю. Она на втором этаже живет.

– А, чумурдную? Фу! Не знаем и знать не хотим!

Другая девочка рассмеялась:

– Да она ненормальная! Мы с ней не дружим!

Сердце Светланы еще сильнее сжалось от того, что девочки так относятся к Кате, вполне нормальной и доброй: «Кате трудно быть как все. Расти среди этих “подруг”. И я еще не протянула ей руку...»

Продрогнув, Света потуже затянула шарф и еще раз обошла двор. Не найдя девочку, вернулась домой. Обняла подушку и выплакалась. А потом нашла кольцо, пришедшее к ней из рук тети Нади: «Я подарю его Кате, когда она повзрослеет. Пусть оно ее согревает...»

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Снова отправилась на поиски девочки. У подъезда Кати не было. Светлана повернула за дом. И вдруг за ее спиной раздалось:

– Кис-кис, кис-кис... – Катя сидела у качелей на корточках, протягивая котенку кусочек хлеба.

– Здравствуй, Катя!

Катя встрепелась, поднялась:

– Здравсьте.

– Катюша, я решила котенка себе взять.

– Правда?!

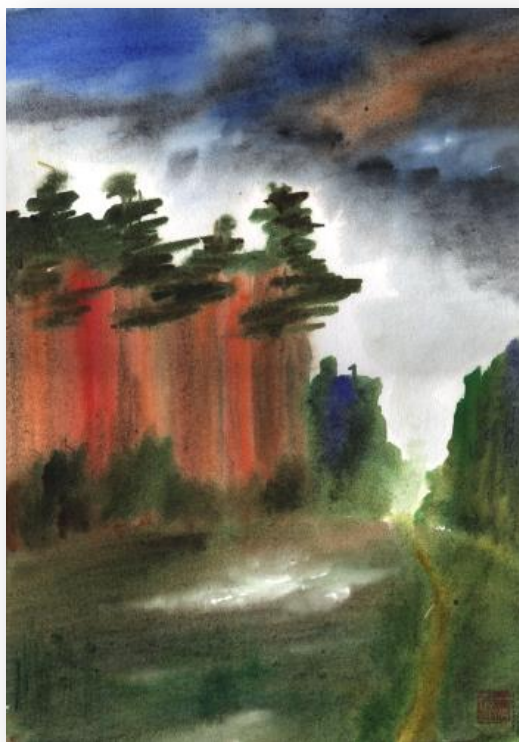
– Только мне одной с ним не справиться. Будешь мне помогать? Приходить ко мне, кормить и играть с ним?

Катя неуверенно кивнула:

– Буду, если мамка разрешит.

– Разрешит. Я с ней постараюсь договориться. А я буду тебе помогать уроки делать. – Светлана вырвала листок из блокнота и быстро записала. – Вот мой адрес и телефон. Держи... Иди ко мне, малыш, – погладив, она осторожно взяла на руки и прижала к себе котенка.

А на другой день Светлана вела к себе Катю...

Игорь Бурдонов.

*Красные сосны
Замерли будто во сне
Того, кто в пути.*

Акварель, бумага, 2005 г.

ПИЛИГРИМЫ

Олег Бунтарев

(Волгоградская обл., Камышин)

САНИТАРКА

Часть первая

Анонс этой истории, которая еще не была написана, но вот-вот должна была появиться, я дал в интервью для журнала «Арт-габарит». Честно говоря, тогда это был только костяк, всего лишь основа для рассказа. Несколько разговоров со старушкой, вид котенка у ее ног. Вроде бы обыденная картина. Из разрозненных воспоминаний, из личных наблюдений получилось то, что я и представляю вашему вниманию.

...Мне всего лишь тринадцать. Но я не могу сидеть дома, когда под Сталинградом идут бои, когда постоянно бомбят нашу нефтебазу и зарево пожарищ видно на много километров. Я не могу сидеть дома. Я должна что-то делать, как-то бороться, чем-то помочь. Вот еще один госпиталь появился в Камышине. Пойду ухаживать за ранеными. Возьмут, не откажут. Я ведь сильная, не по годам рослая. Нас с сестрой всегда считали одноклассницами, хотя она старше меня на пять лет.

Хмурый, серьезный врач, начальник госпиталя, сидит за столом и что-то пишет. Вид суровый, напряженный. Только приблизившись к столу, я поняла, что он заполняет похоронки. Еще на подходе к госпиталю я заметила несколько десятков тел, завернутых в простыни. «Это, наверное, на них», – мелькает у меня в голове. Сейчас он оформит все бумаги, и умерших увезут в братские могилы. Не в отдельные, где каждый может поговорить со своим родственником, а братские, где на всех – одна общая плита со списком фамилий. Жутко от этого становится.

Вот я стою напротив него. Он заполняет формуляры, бланки, похоронки. Лицо серьезное, хмурое. А я стою и молчу, жду, когда он обратит на меня внимание. В это время он отрывает взгляд от бумаг и пристально смотрит на меня:

– Тебе чего?

– Дяденька военврач! Можно я здесь у вас буду? Хоть санитаркой, хоть нянечкой.

– А сколько тебе лет? – хмуро спрашивает он.

– Шестнадцать, – ни на секунду не задумываясь, отвечаю я.

– Сейчас придет старшая медсестра и скажет, что тебе делать, – и он снова уткнулся в бумаги, как будто меня и не существовало.

Дверь за моей спиной скрипнула, и, обернувшись, я увидела на пороге молодую красивую женщину в белом халате. «Наверное, это она и есть», – подумала я. Она подошла к начальнику госпиталя, и он протянул ей бумаги, которые только что заполнял.

– А, да, – вспомнив про меня и взглянув в мою сторону, он сказал, – вот новая нянечка, прими, оформи и расскажи, что делать.

Не месяц и не два прошло с тех пор, как я появилась в этом госпитале. Я всегда краснела и убегала, когда красноармейцы пытались говорить мне комплименты. Меня очень смущало, что они относились ко мне как к взрослой и иногда отвешивали такие шуточки... Но я старалась не обращать на них внимания, хотя не всегда это получалось. Если они хотели поговорить и у меня было время, я всегда выслушивала всё, что они хотели сказать. Те, которые поправлялись и возвращались на фронт, оставляли мне адреса и номера полевой почты с огромной просьбой, чтобы я им обязательно написала.

Однажды к нам в госпиталь привезли сильно искалеченного летчика. Его сбили под Сталинградом. Если бы я знала тогда, что такое мумия, я бы его так и описала. Он был абсолютно весь забинтован, и единственное, что можно было увидеть из-под бинтов, это его ярко-голубые глаза, кончик розового носа и пересохшие опухшие губы. Какие грустные были у него глаза! Но, взглянув в них, я видела его целиком – красивым, молодым, здоровым парнем. Каждую свободную минуту меня тянуло к нему. Я подходила, садилась на краешек его кровати, гладила по забинтованным рукам и разговаривала, хотя он не отвечал. Скоро это уже перестало быть тайной. Все заметили мою благосклонность к раненому летчику и старались отойти, чтобы не мешать, когда я с ним разговаривала.

Как-то, придя на дежурство, я почувствовала... даже не почувствовала, а резануло что-то внутри. Все как-то странно на меня смотрели. Койка летчика была пуста...

– Товарищ военврач! Во сколько, когда его похоронили? Почему мне ничего не сказали?

– Дочка, он скончался сегодня под утро. Его похоронили вместе со всеми.

Я выбежала из ординаторской. Потом по крутой лестнице на улицу. И, забившись в самый дальний угол за деревьями, где меня никто не видел, зарыдала от жуткой потери этих ясных голубых глаз, смотрящих на меня с забинтованного лица.

Закончилась война. Прошли годы. Девушка выросла, где только она не работала, куда только не бросала ее жизнь. А на братской могиле, как только начиналась весна, рядом с плитой, на которой было высечено имя летчика, всегда появлялись свежие цветы.

Идут годы. Уже нет страны, за которую сражался тот летчик. И от тех братских могил остался только монумент, окруженный со всех сторон домами.

– Домами на костях, – с болью сказала мне старушка. Бабушка, та бабушка, которая во время войны была военной медсестричкой, работающей в камышинском госпитале. Она не видела того человека, которого любила всю жизнь. Всё, что ей запомнилось, это ярко-голубые глаза, которые заворожили ее.

До этой встречи она никогда не верила в Бога, но после смерти летчика ей так захотелось, чтобы он оказался в раю. Сначала пришло желание, а потом и вера. Она ставила свечки, она молилась. Когда становилось трудно, когда мизерной пенсии не хватало даже на еду, она по выходным приходила к Никольскому собору, где такие же верующие помогали ей чем могли... На собранные деньги она покупала себе что-нибудь поесть, подкармливала бездомных котов. А если получалось, приносила цветы на братские могилы...

Часть вторая

«Ой-ой! Чмок-чмок! Куда вы меня забираете? Мама, мама! Мяу-р! Мяу-р!.. Ой, что это? Пчихи! Пчихи! Пыль какая-то едкая и запахи незнакомые. А где же мама? Мяу-р! Мяу-р!.. Мама, где же ты? Я еще не наелся. Мои глазки не привыкли видеть, но вдруг что-то темное, огромное заслонило свет. Я как будто стал невесомым. Меня подбросило вверх. Потом

кувыркнуло и прижало к чему-то теплему. Да, когда меня кувыркнуло, я от страха закрыл глаза. А когда открыл их рядом с этим чем-то теплым... Ой, какие они огромные! И какие яркосиние, как небо! У мамы глаза зеленые были и не такие большие...»

– Что, глупыш? Выбросили?

Глупыш – это я? Мне даже захотелось ударить того, кто это сказал. Но почувствовал, как меня нежно чешут за ушком, и это желание отпало. Голод не проходил, и поэтому я жалобно сказал «мя», как будто меня кто-то стиснул.

– Что же мне с тобой делать? – сказал голос со вздохом. Голос был хоть и немного скрипучий, но ласковый.

«Мур-р», – отозвался я.

– Ах, маленький мяурка! Ну что мне с тобой делать? Оставить здесь? Погибнешь. Ну, пойдем, куда деваться.

Старушка прижала котенка к груди и пошла к ближайшему магазину.

– Мне бы маленькую баночку сметаны «Любимый город», ту, что за 16 рублей.

– За 16? – продавщица удивилась.

– За сколько есть, – ответила бабушка.

Продавщица недовольно подала сметану. Старушка рассчиталась и, выйдя на улицу, попыталась накормить котенка. Он совсем не умел есть. Бабулька не растерялась. Окуная палец в баночку, она совала его ему в рот. И котенок начинал слизывать сметану.

– Ешь, дурашка, ешь, – хрипло ворковала бабушка.

– Что это вы здесь устроили? Подкармливаете котов? – заверещала продавщица, вышедшая из дверей магазина. – Только этой заразы нам не хватало, – продолжала она.

– Всё-всё, ухажу, не ругайтесь.

Одной рукой прижимая к себе котенка, а в другой руке держа баночку со сметаной, бабушка тяжелым шагом удалилась.

Старый, обветшалый дом. Покосившаяся изгородь. Зато ухоженный палисадник с яркими цветами и несколько яблонь.

«Куда это меня принесли? Я еще не наелся. А тут еще пятеро сбежались, здоровые такие. Мне от них явно ничего не достанется. Еще и наподдать могут».

Цепляюсь за платок доброй женщины так, чтобы не оторваться. Страшно мне! А она ласково сажает меня на порожек и ставит передо мной огромную банку со сметаной. Это для меня она огромная, а для тех, кто стоит поодаль и зыркает на меня, она показалась маленькой. Но бабуся никого не подпускает. Если осилю, всё достанется мне.

Прошло несколько месяцев. Я уже самостоятельно ловлю крыс, мышей. Иногда приношу их бабуся на подушку, чтобы отчитаться в работе. Не зря кормлюсь. Не то что эти обленившиеся старожилы. И по утрам на работу с ней хожу к Никольскому собору. Она там сидит, нам на еду зарабатывает. И я рядышком. И ей не скучно, и на двоих, может быть, больше дадут. Так вместе и работаем...

Сначала прохладно стало по вечерам. А сейчас уже и днем лужи покрыты коркой льда. Бабуся приболела. Ее ясные до этого глаза стали мутными. Двигается с трудом. И мы уже начинаем голодать. Избаловались, мышей не едим. Нам бы что-нибудь вкусненькое...

– Ох, детишки вы мои. Сейчас, сейчас, только встану. Здесь до Никольского рукой подать. Обязательно что-нибудь вам принесу. Я, как всегда, рядом буду, чтобы защитить. Вроде бы и близко. Я бы раз и уже там, а так долго идем. Она садится у ворот собора. Кладет перед собой картонку, а я прижимаюсь к ее ногам, чтобы согреть. Старые войлочные сапоги уже давно изношены и дырявы, а на улице так холодно.

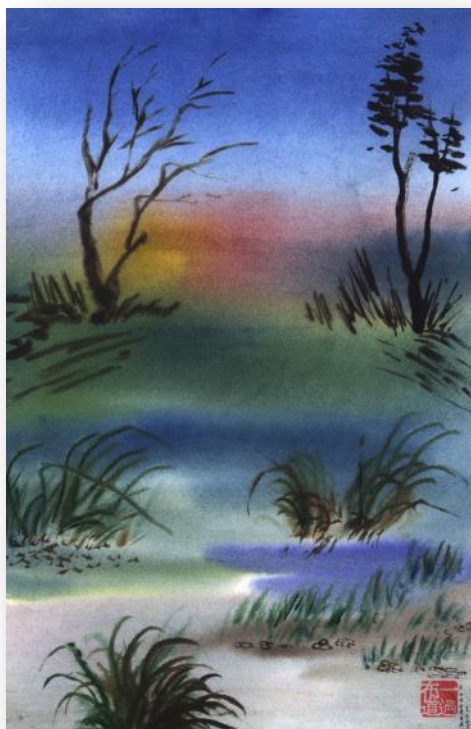
Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

«Бабусь! Бабуся! Ну что молчишь? – заглядываю в ее глаза. Они синие, как небо, мутнеют и сереют. – Бабусь, а как же мы? А как же я?»

Но она молчит. Взгляд ее устремлен в небо цвета ее глаз. Наверное, их глаза встретились. Вот только больше никто не будет приносить живые цветы к плите с именем летчика... Цветы приносят. Общие для всех. Дома на костях стоят. И новые строить собираются. Бездомных котов и кошек прибавилось. Кому они нужны после смерти их хозяйки? А на ее могилу под номером никто не придет. К девочке, женщине, старушке. Кто ее будет помнить, кроме кучки бездомных котов, которых она кормила. Она в своей жизни любила всего одного человека с ярко-голубыми глазами. И поддерживала немых страдалцев, ходящих на четырех лапах и скрашивающих ее жизнь.

Номер, неухоженная могила. А на ней сверху лежит большой пушистый кот. У него даже имени не было. Он нашел ее. Посетители кладбища знают его, подкармливают. Голод не тетка, и он ест, не покидая своего поста на могиле девочки-санитарки. Может быть, когда и его не станет, он окажется в семье голубоглазого летчика и молоденькой санитарки.

Преданный им обоим кот.

*То не ветра шум
На заре в лугах трава
Разговорчива.*

*Музыка лета:
Дрожь басовых струн и дробь
Мажорных клавиш.*

Игорь Бурдонов.
Акварель, бумага, 2005 г.

ПИЛИГРИМЫ

Елена Игнатова
(Хакасия, Абакан)

Неожиданное чудо

Когда, мой друг, в мельканьи дней,
Среди примет печальных прочих,
Поймешь, что зимы всё длинней,
А лета месяцы – короче.

Когда старинные друзья
Уйдут, прощаясь виновато,
И станут краски бытия
Намного глуше, чем когда-то.

Я знаю – именно тогда
Сверкнет надежды робкой пламя,
Как предрассветная звезда
Сквозь темноту в оконной раме,
Что, может быть, еще весна
Придет, как первое причастье,
И стану я пьяным-пьяна
Воспоминаниями счастья.

Что, может быть, издалека,
Ко мне слетит, жива покуда,
Неосторожная строка,
Как неожиданное чудо.

Одно зимнее утро

Что за утро! Я его запомню
В час, когда больная память спит,
В час, когда собою всё заполнит
Детства не покинувший пиит.

Нет ему и дела никакого
До моих потерь и прошлых бед,
И ему неведомы оковы
Полных поражений и побед.

На окне сверкающую пудру
И небес сияющий простор
Он готов воспеть в такое утро,
С миром разделяя свой восторг!

Радостный ребенок не уймется
До тех пор, пока, от сна кряхтя,
Раненая память не проснется
И прогонит милое дитя...

Когда-нибудь

Когда-нибудь...
Когда-нибудь потом
Войдут стихи России в дивный том,
Неведомый, невидимый, просторный,
В блаженстве ли написаны, в чаду ль,
Они туда по выбору войдут
Судьи, чье мнение точно и бесспорно.

И скажем: «Не дано предугадать!»,
Когда мы сможем том тот увидеть,
Забыв страницы, авторов и даты,
Но кажется – прочтя тот самый том,
Уже не сомневаться будет в том,
Что мир не зря был создан Им когда-то.

Тебе

Пусть мир, где живу я – темный, дремучий лес,
 И тьма ужасна, когда поднимает веки,
 Но ты, проявивший к моим стихам интерес, –
 Благословен вовеки!

Из тех, кто родился редкий судьбой, – Фарес,
 И судьбы везунчиков Леты уносят реки,
 Но ты, проявивший к стихам друзей интерес, –
 Благословен вовеки!

Пусть век недолог, и времени пусть в обрез,
 Но ты, читающий Новый завет и Ветхий,
 К стихам божественным питающий интерес, –
 Благословен вовеки!

Последний сугроб

Последний сугроб доживает последние дни,
 И голуби дружно воркуют ему отходную,
 И солнце смеется, и песня синичек звенит,
 Убогому
 жизнь обещая под солнцем иную.

Он болен и хмур, он грязной коростой покрыт,
 А злые лучи, как собаки, его обгрызают,
 Он всё замечает – и то, как пустеют дворы,
 И то, как собратья его во дворах
 навсегда исчезают.

Он птицам не верит, а солнце считает врагом,
 Он плачет ночами, зимы рафинад вспоминая,
 А утренний ветер, жестокой весны эпигон,
 Его обнимает, смертельным теплом пеленая.

Пока он не знает, о чем ему день возвестит,
 Что с будущей ночью он встретится талой водою,
 Что, двор забывая, над утренним миром взлетит,
 И облако ввысь над землей поплывет молодое...

Теперь мы знаем –
 где-то есть планеты,
 Где льют дожди и серебрится лед,
 Но там и отголоска жизни нету.
 А почему? – Да кто их разберет.

Ну почему в космическом пространстве
 Разведанного Млечного кольца
 Не встретишь симпатягу-иностранца,
 Верней – инопланетного лица?

И в космосе, рассыпаны, как просо,
 Мерцают звезд далекие огни,
 И задают ученые вопросы:
 Неужто в целом мире мы одни?

Похоже, это так,
 и на примете –
 Где б жизнь текла – планет уютных нет,
 Лишь мы одни на маленькой планете
 В раздорах, войнах, гнев и огне...

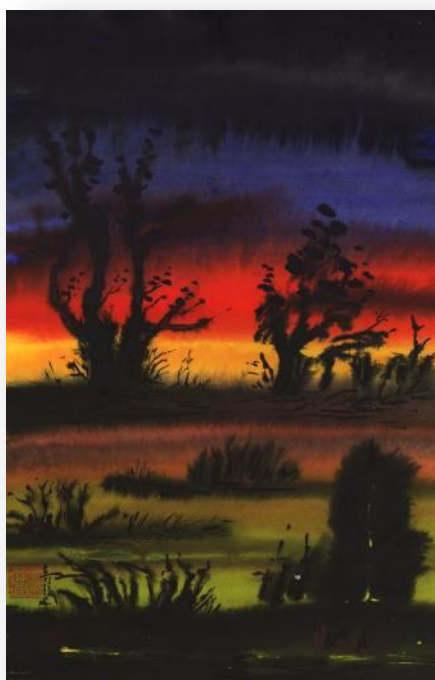
Осенняя антивалютная

Что мне золото Флинта, Кортеса вдовы,
Что мне кладов тоска золотая,
Если всех самородков, что в жилах листвы,
В сентябре даже скрягам хватает...

Что мне банков швейцарских замки-тайники,
Золотого запаса прелаты,
Если в тихом осиннике, что у реки,
Под ногами немерено злата...

Обещаются пусть пересуды молвы
О цене мировой драгметаллов,
Если в луж серебро позолоту листвы
Поутру от щедрот наметало...

Лист качнется чуть-чуть и в суму сентябрю
Поплывет золотистой рыбкой,
Я его подхвачу,
Я его подарю –
Золотой, просто так – за улыбку...

Игорь Бурдонов.

**В духе Шекспира
Поставил трагедию
Театр заката.**

Акварель, бумага, 2005 г.

ПИЛИГРИМЫ

Эдуард Филь
(Самара)

Руководитель и организатор Международного Грушинского интернет-конкурса

День как день

День как день – тоска да слякоть, снег пожухлый за окном,
начинает вечер плакать малахольным ноябрем,
зажигает город свечи риторических огней,
время, милая, не лечит и не делает умней,
ни стройнее, ни добрее, ни красивее, чем был,
мир становится темнее, вот и черный чай остыл,
как и я, он был горячий, говорливый и парил,
а теперь, все чувства пряча, сам себе стал вдруг немил,
просто город, просто осень, просто слякоть и тоска,
просто сердце лета просит и любовного глотка
да медовый пряник солнца на небесной простыне,
и чтоб в качестве анонса – ты приснилась ночью мне...

Новогодний мороз

*Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои
Н. А. Некрасов*

Мелкий снег пеленой занавесил измученный
город.
Новогодний мороз раздает в нем здоровье и стыд,
обручившись с метелью игриво-матерой,
что по окнам-гирляндам рыдает навзрыд.

Закрываю глаза, я явился из прошлого века,
с потаенною грустью стою и дышу тишиной,
будто есть полоса запасного разбега
и не тронуты мысли-мечты сединой.

А снежинки щекочут, к лицу моему прикасаясь,
погибают, сменив красоту на чужое тепло,
где душа, как подранок, зажалась, босая,
среди торговых кварталов не встав на крыло.

Воевода Мороз, инспектируя праздничный город,
возле елки большой городской повстречавшись
со мной,
обошел стороной, игнорируя повод,
дав возможность мне встретиться с новой Весной.

И тобой дорогая, и с тобой, и с тобой...

Святая Ра⁵

Шельмец июль и благостен, и бос, поющий сладко о любви и счастье,
вкатился, загорелый, с томной страстью, Луку Самарскую расцеловав взасос.
Сгустился вечер, радостями тих, и простынь неба в праздничном убранстве,
мигая пляской звездной хулиганской, являла мне фотонаборно дивный стих.

В нем спали Жигули, укрыв леса пурпурным оперением заката,
пристала к берегу усталая регата, и у костров утихли голоса.
Расселись звезды в кронах тополей, как птицы райские, устав с дороги,
где, открывая млечности чертоги, я звонких комаров поил родных полей

и брел по склону к лону мироздания навстречу нежности и вечности без слов,
ища приют для стаи вещих снов, а для бессонниц лживых оправдания.
В эскизе этом вечная река, играя лунною дорожкой пугливой,
царицею текла неторопливой, волнами раздвигая берега.

О, Волга-мать! Вся жизнь моя с тобой: любовь и боль, победы-беды, песнопенья.
Все наши встречи помню, все мгновенья, и наслаждаюсь выпавшей судьбой,

когда июльской упоительной порой в тебя вновь погружаюсь с головой...

А в сентябре

Открыв задумчивую дверь
в хитросплетенья сентября,
лучу лимонному доверь
с улыбкой строчку тропаря⁶:
спасибо, Господи, тебе
за этот день, за белый свет,
за глубину твоих небес,
надеждой правящих сюжет...

за эту женщину в окне,
за куст рябины под окном,
за клин, скользящий в вышине,
и чай с усталым сухарем,
за всё, что видеть довелось,
за всех, кто встретился в судьбе,
за то, что даже не сбылось,
спасибо, Господи, тебе!

⁵ Ра, Вльга, Волга, Итиль, Иел, Ил, Идел, Юл. В письменных древнеримских источниках II–IV веков Волга географически идентифицирована как река Ра – «щедрая», в арабских источниках IX века именуется Ателью – «рекой рек, великой рекой».

⁶ Тропарь (греч.) – в православной церкви краткое молитвенное песнопение, в котором раскрывается сущность праздника или прославляется священное лицо.

Запоздалое письмо

Все мы родом из детства.

Антуан де Сент-Экзюпери

В сапогах и подпоясан,
стрижка ноль,
душа вразлет,
я шагать ушел по плацам, строевым летя вперед.
Доказать хотел, что лучший, что меня ты бросил зря,
и лишь к лету выпал случай: никого не костеря,

завернул судьбу в Саратов, где мужицкою стезей
пел, служил, махал лопатой, с теми был, кто стал семьей.
Офицерские погоны получил тебе назло,
а потом по гарнизонам душу детскую скребло.

Дал зарок, что будут дети жить со мной мои всегда
и отцовские советы получать не иногда.
Ты рыдал у гроба мамы, пережив лишь на чуть-чуть,
и с твоими сыновьями проводил тебя я в путь.

Было три, когда ты бросил, в двадцать семь ушел совсем,
не ответив на вопросы, не решив и треть проблем.
А я ждал и ненавидел больше, чем тебя, себя,
в той мальчишечьей обиде, миру целому грубя.

Нет тебя, а я всё спорю и стихами говорю,
потому что, время шпоря, до сих пор тебя люблю...
Сам давно даю советы, запеклись мои года,
только внуки, как и дети, будут жить со мной всегда.

В сапогах и подпоясан,
стрижка ноль,
душа вразлет...

Вясна⁷

Одиночество чифирит с безработицей,
ни единого за целый день звонка,
лишь луна на небе ликом Богородицы,
то ль зовет, то ли пугает дурака.
Кошка Муся батарейно раскумарилась,
аж завидно, как, зараза, сладко спит.
Мот-февраль, явив весенние проталины,
обнажил в душе заблудшей дефицит:
на удачу, на успех, на песни летние,
на друзей, которых в кризис след простыл.
Сердце ноет с каждым годом всё конкретнее.
Где ты ждешь меня, усталый Серафим?
Появись да защити-ка землю русскую
и овец своих заблудших остуди,
а кто оных к безобразиям науськивал,
Христа ради, за болота уведи.
Запиши меня на службу свою ратную,
забери в полет над матушкой-Землей.
Не за власть я, за сторонку нашу ратую
с ее чуждою и рыдной колеей.
Одиночество коньячит с безнадегою,
на пороге замаячила Вясна,
ну а я пойду в постельку снов надергаю,
а проснусь, она мне скажет: «Сладкий, на...»

А обиды я все замолю

На пригорочке
павой белою,
пока листья в тревоге своей
бахромою дрожащей несмелою
облетают под крик журавлей,

На заре меня встретить
– возвращаюсь я
из далеких загулов души,
от ошибок,
укусов отчаянья,
с перекрестков заморской глуши.

На пригорочке
у березоньки,
в платье русском с платком на плечах,
где сирени кусточки низехоньки
укрывали меня с тобой в снах,

Встреть меня на заре,
моя милая,
как солдата с далекой войны,
обезумевшего от насилия
и всеилия знаков иных.
Распахни мне объятия
нежные
и прости мне гордыню мою, вспомним
радости дни наши прежние,
а обиды я все замолю...

⁷ Вясна – весна по-белорусски.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Любовь Гаркуша
(Сербия)

ВЕДА И ЗАЙЧОНОК

На опушке большого леса, в корнях великого дуба, стоит маленький аккуратный домик под соломенной крышей, в нем живет маленькая фея Веда. Она еще только учится своему ремеслу феи, но уже сейчас может творить настоящие чудеса, совсем не маленькие. Чудеса – всегда огромные, чтобы то ни было. Пока Веда не обладает такими возможностями и способностями, как ее мама Геа (Дух Матери Земли). Она учится. И Геа всегда готова прийти ей на помощь, как только она позовет.

Солнышко только-только покинуло свою кровать и, сладко потягиваясь и протирая глазки, выкатилось на небо. Давайте заглянем в окошко Веды и посмотрим, что она делает. Еще очень рано, скорее всего, она сладко спит и видит сладкие сны. Никого нет. Где-то рядом слышно журчание ручейка и чей-то смех. Это Веда. Она проснулась на рассвете и теперь плещется в небольшом ручейке рядом с домом.

После водных процедур и сытного завтрака пора отправляться на прогулку...

Весело щебечут птички, ярко светит солнышко. Как здорово в такую погоду прогуляться в тени деревьев! Но что это? Как будто кто-то жалобно плачет... Зайчик. Его лапка застряла в корнях дерева. Как это могло случиться?

– Как это случилось? – спросила Веда.

– Это всё оно... я просто шел... а оно... как... – начал причитать, всхлипывая, зайчонок, размазывая слезы и сопли по мордочке.

– Ты хочешь сказать, что дерево подставило тебе подножку и схватило твою лапку в тиски?! – удивилась Веда.

– Да, почти так, – подтвердил зайчик, перестав всхлипывать и почему-то хитро улыбаясь.

– А может, мне спросить об том у старого вяза, который крепко держит тебя за лапку?

– Не стоит тратить время на ерунду, лучше помоги мне... – Зайчик густо покраснел.

Это казалось не простой задачей. На несколько секунд Веда задумалась. Самое правильное обратиться к Духу Земли Геа за советом, мама ей никогда не отказывала.

– Дорогая Геа! Помоги мне советом, как помочь зайчику?

– Вяз подскажет, спроси у него!

Веда подошла к вязу, прижалась к нему всем телом, закрыла глаза, глубоко вдохнула и обратилась к могучему дереву:

– Дорогой вяз, прошу тебя,пусти зайчонка, ему очень больно!

– Нет! Этот негодник обидел меня! Сначала он скакал возле меня как сумасшедший. Споткнулся о мой корень и начал обзывать, оскорблять меня и лупить лапами. В результате угодил в расщелину. Это наказание ему за неуважение к старшим!

Веда отошла от дерева и сурово посмотрела на зайчонка:

– Ты ничего мне не хочешь сказать?

Зайчонок насупился, опустил глаза и начал бормотать что-то нечленораздельное. Из его глаз потекли слезы.

– Ты поможешь мне? – взмолился он, глядя на Веду.

– Сначала ты должен помочь себе сам! Попросить прощения у вяза за свое поведение!

– Это же просто дерево! – возмутился зайчонок

– А ты просто невоспитанный зайчонок, и у тебя болит лапа! Будешь просить прощения? Или я уйду!

Веда начинала терять терпение. Она несколько раз глубоко вдохнула, выдыхая через рот, чтобы успокоиться. Зайчонка надо было спасать, но и научить его быть почтительным к старшим тоже важно.

– Буду! Дорогой, многоуважаемый Вяз! Прости, пожалуйста, что обидел тебя! Я больше не буду оскорблять старших и относиться к ним без должного уважения! Прости и отпусти меня!

После этих слов с дерева к ногам Веды упала ветка. Веда вставила ветку в расщелину рядом с лапкой зайчонка и нажала на нее, как на рычаг. Зайчонок вытащил лапку и собрался быстренько ускакать подальше. Но это ему не удалось. На лапу невозможно было наступить, она стала раздуваться на глазах. Зайчонок смотрел на нее и горько плакал...

– Ты опять кое-что забыл! – Веде было очень жалко зайчонка, она видела, что ему очень больно и он страдает, но это не значит, что можно забыть поблагодарить за помощь.

– Ой! Прости, Веда! Я забыл поблагодарить тебя! Мне так больно! Можешь мне помочь? – застонал зайчонок.

Веда подошла к зайчонку, положила руки на больную лапку и обратилась к Духу Матери Земли:

– Дорогая Геа, помоги исцелить лапку зайчонка!

– Дух Воды поможет тебе!

Веда помогла зайчонку подняться. Он оперся о ее плечо и вместе они заковыляли к роднику, который протекал недалеко. Без всяких церемоний Веда запихнула больную лапу в холодную воду.

– Ой! Ой! Ой! Что ты делаешь? – заголосил зайчонок, но Веда крепко держала лапку в холодной воде.

– Прекрати кричать! – строго сказала она. – Сядь! Давай попросим Духа Воды помочь тебе!

Зайчонок замолчал. И они вместе с Ведой обратились к Духу Воды, чтобы он снял отек и уменьшил боль в лапке.

Через несколько минут боль начала стихать, а отек стал постепенно уменьшаться. Веда вытерла лапку листом и осмотрела ее внимательно. Огромная заноза застряла в пятке. Надо ее срочно вытащить, иначе зайчонок не сможет ходить! Веда попыталась вытащить занозу

руками, но ничего не получалось: она крепко засела в лапке... Отличное средство в этом случае – лист капусты или алоэ, но ни того ни другого под рукой не было.

– Что ж, нам может помочь лист лопуха или подорожник, – вспомнила Веда наставления Геа и отправилась искать. Лист подорожника, промытый в роднике, привязали травинкой к лапке зайчонка и очень медленно отправились домой.

Мама зайчиха очень беспокоилась и сердилась. Прошло уже почти полдня, как зайчонок убежал из дома, ничего ей не сказав. В голове крутились мрачные мысли о том, что с ним что-то случилось. И зрели планы наказания любимого сыночка. Сердце ее заколотилось еще сильнее, когда она увидела зайчонка, ковыляющего при помощи Веды. Все планы наказания улетучились из ее головы.

На следующее утро Веда решила навестить зайчонка и осмотреть его ногу. Она взяла с собой всё самое необходимое: йод, пинцет, алоэ, бинт.

Зайчонок сидел на скамейке возле дома и грыз морковку. Мама зайчиха привязала его за здоровую лапку к забору, чтобы он не убежал. Веда сняла повязку и осмотрела ранку. Аккуратно пинцетом потянула за кончик занозы и с небольшим усилием вытащила ее из ранки, подорожник размягчил кожу вокруг занозы и вытянул гной. Обработав рану йодом, она наложила свежую повязку, чтобы не попала грязь.

– Ну вот и всё! Через пару дней и не вспомнишь о своем приключении! Только не забывай, что ко всем надо относиться так, как ты хочешь, чтобы относились к тебе! Запомнил? – сказала Веда, собирая медикаменты.

– Конечно, запомнил! Огромное спасибо, Веда, за помощь! Приходи к нам в гости!

ВЕДА И ЗЕМЛЯНИКА

Солнышко выскочило из своей колыбели и отправилось посмотреть, чем занимается ее маленькая приятельница Веда. А Веда сладко спит в своей кровати. Не удержалось ясно солнышко, протянуло лучик и стало щекотать Веду.

– Ой-ой-ой! Щекотно! Что ты делаешь!? Еще так рано, дай поспать! – взмолилась Веда.

– Поднимайся, соня! Ты же собиралась за ягодами! Кто хотел сварить варенье из земляники на зиму? А утром по холодку – самое удачное время для сбора ягод.

Веда ощутила во рту вкус сладкого земляничного варенья и быстренько выскочила из постели. Умылась, причесалась, позавтракала, взяла корзинку и отправилась за ягодами. Несколько дней назад она присмотрела замечательную полянку, на которой росло огромное количество земляники. Туда она и направилась, весело напевая. Веда уже почти пришла на полянку, как вдруг услышала какие-то странные звуки. Она остановилась и прислушалась. Кто-то шумел и ругался. Осторожно, чтобы не привлечь внимания, Веда подошла к полянке и выглянула из-за дерева. Маленький мальчик сердился, топтал траву и ягоды, расшвыривал ногами ветки, землю и всё что попадалось на пути. Он был очень зол!

– Привет! – дружелюбно улыбнулась Веда. – Могу я тебе чем-нибудь помочь?

Мальчуган остановился как вкопанный, глаза его удивленно округлились и уставились на Веду.

– Ты кто? – испугано спросил он

– Я Веда, фея и хранительница этого леса. А ты кто? Как тебя зовут?

– Меня зовут Ваня, я приехал в гости к своей бабушке на лето. Мы с моей сестрой Машей пришли за ягодами. Она вон там, на другой полянке, собирает ягоды, а меня послала сюда, чтобы я ей не мешал. Она сказала, что здесь очень много ягод, а я не вижу ни одной. Она меня обманула!

– Да! Ягод на этой поляне было очень много, только ты здорово тут потоптался, надо еще посмотреть, осталось ли здесь что-нибудь.

– Ничего тут не осталось, наверное, кто-то уже всё собрал. Я уже смотрел и ничего не нашел. Пойдем на другую полянку, – Ваня направился в сторону Веды.

– Стой на месте, – строго сказала Веда, – ты уже тут столько ягод раздавил, лучше не двигайся, я сама посмотрю.

Веда наклонилась и заглянула под листочек: красная сладкая земляничка смотрела на нее. Приглядевшись, Веда увидела, что поляна просто усыпана земляникой, хватит и для Вани, и для Веды.

– Всё очень хорошо! Ты совсем немного растоптал ягод, их хватит нам с тобой и даже еще останется!

Ваня не мог спокойно стоять на месте, он скакал и вертелся, очень ему хотелось бегом бежать к Веде и увидеть, наконец, ягоды, про которые она говорит.

– Ну и где твои ягоды?

– А ты наклонись и загляни под листик, видишь?

Ваня наклонился:

– Ничего нет! Я иду к тебе!

– Только аккуратно, смотри под ноги! Вон сколько ягод! – Веда опустила на корточки и начала собирать землянику.

Ваня подбежал к Веде, заглянул в ее корзинку.

– Где ты их находишь? – удивился он. Тут что-то привлекло его внимание, он побежал к лесу, радостно крича: – Вон там ягоды, я тоже вижу!

– Стой! Стой! – закричала Веда, еле успевая за Ваней.

Догнала она его уже в лесу, когда он пытался затолкать себе в рот пригоршню красных ягод. Веда ударила его по руке, ягоды разлетелись в разные стороны.

– Что ты делаешь?

– Спасая тебе жизнь! Ты знаешь, что такое понос? Так вот, это наименьшее из зол, которое могло с тобой случиться, после того как ты попробуешь паслен! Сомневаюсь, что твоя сестра послала тебя за пасленом! Ну-ка, расскажи мне, что она тебе сказала, какие ягоды собирать.

– Она сказала, что на поляне растет много небольших красных ягод, очень сладких, вот их и надо собрать полную корзинку. Эти ягоды подходят!

– Очень подходят! Только растут они не на поляне, а в лесу, и на вкус они горькие! Пошли, покажу тебе вкусные ягоды!

Веда с Ваней вернулись на полянку.

– Делай как я! – сказала Веда, опустила на колени и наклонилась к самой земле.

Очень неохотно Ваня последовал ее примеру. Наклонился и удивился. То, что он увидел, поразило его: целое море красных ягод, которые прятались под листиками, сверху их было совсем не видно.

– Попробуй! – сказала Веда и протянула несколько ягодок.

Очень осторожно, с опаской, он положил их в рот.

– Вкуснотища! – закричал Ваня, и начал набивать рот сладкой зрелой земляникой.

– Эй! Не так быстро! И не забывай про корзинку! Одну ягодку в рот, три в корзинку, а то варенье не из чего будет варить!

За полчаса Веда и Ваня набрали полные корзины земляники и улеглись в тенечке на травке, наслаждаясь вкусом и ароматом ягод, смотрели на облака, которые пробегают у них над головой.

– А где ты живешь? – спросил Ваня

– Здесь, недалеко, под большим дубом. Приходи ко мне в гости! – пригласила Веда.

– Мне не разрешают одному в лес ходить, я могу заблудиться!

– А ты с сестрой приходи!

– Ваня! Ваня! Где ты? Пора домой! – услышали они крики

– Это Маша, она меня ищет. – Ваня поднялся на ноги и замахал сестре рукой. – Маша, иди скорее сюда! Посмотри, сколько мы ягод набрали!

– «Мы»?! Кто это мы? С кем ты тут? Тебе бабушка сколько раз говорила, чтобы ты не разговаривал с посторонними! – рассердилась Маша, подходя ближе.

– Она не посторонняя! Она фея этого леса, Веда! Она спасла мне жизнь, когда я попытался съесть ядовитые ягоды!

– Опять придумываешь? – всё еще продолжала сердиться Маша. – Ну и где твоя фея?

Веда осторожно выглянула из-за спины Вани.

– Привет! Я Веда, фея того леса! А ты Маша, сестра Вани, он мне про тебя рассказал! Давай дружить! – Веда протянула Маше ладошку.

Несколько минут Маша изучала маленькую странную девочку, но тепло и свет, которые излучала Веда, смягчили Машин гнев, и она протянула руку.

– Она живет тут, недалеко. Под большим дубом. Она охраняет лес и знает всё про ягоды и растения. А еще она приглашала нас в гости... – тараторил Ваня, пока девочки изучали друг друга. – Давай пойдем к ней в гости, посмотрим, где она живет!

– Пойдемте! – подтвердила Веда свое приглашение. – Здесь недалеко!

– Уже поздно, – сказала Маша, – бабушка ждет нас с ягодами, чтобы варить варенье.

Они расстались на опушке, договорившись встретиться в другой день.

УМКА И ФАЗАНЫ

Веда ухаживала за своими розами в саду, когда что-то толкнуло ее в спину. Она повернулась и увидела огромного – так ей показалось – пса, он радостно вилял хвостом, подпрыгивал и радовался встрече, как будто они с Ведой были старыми знакомыми. Веда услышала голоса со стороны леса, и вскоре на тропинке появились ее старые знакомые, Ваня и Маша. Ваня что-то нес в подоле своей майки.

– Ты уже познакомилась с нашим щенком? Его зовут Умка, ему всего полгодика, он очень умный, – приветствовал ее Ваня.

Веда с осторожностью покосилась на щенка, который устроился в тенечке и переводил взгляд с детей на Веду.

– Да! Для своего возраста он очень крупный!

– Посмотри, что мы нашли, – радостно воскликнул Ваня и выложил на стол яйца.

– Это же яйца фазана, зачем вы их принесли? Где вы их взяли? Надо немедленно вернуть их место. Фазаниха будет очень беспокоиться, – встревожилась Веда.

– Она улетела и больше не вернется, мы ждали ее полдня, – попыталась успокоить ее Маша. Маша очень рассудительная девочка, она уже перешла в третий класс и многому научилась.

Веда немного успокоилась, и дети рассказали ей, что произошло.

Рано утром, пока прохладно, они пошли в сад собирать сливу. Умка отправился вместе с ними. Когда они набрали полное ведро и уже собирались возвращаться, Умка случайно спугнул с гнезда фазаниху. Она улетела. Щенок схватил одно яйцо, он подумал, что это мячик, и умчался играть с ним. Ваня и Маша отнесли собранную сливу домой, позавтракали и решили проверить, вернулась ли фазаниха на гнездо. Умку оставили дома, а сами потихоньку вернулись в сад. Фазанихи не было на гнезде.

Они решили подождать еще немного. Наступило время обеда – пусто. Ребята начали беспокоиться. Без фазанихи птенцы не смогут вылупиться, так как за ночь яйца могут остынуть или какой-нибудь зверь съест. Они приняли решение отнести яйца Веде, так как она фея леса и знает, что с ними делать...

Веда задумалась. Самый лучший вариант, когда птица сама высиживает своих птенцов. Можно подложить яйца под курицу-несушку, но тут есть риск, что цыплята вылупятся раньше и курица сойдет с гнезда или расклевает яйца. Третий вариант — инкубатор. Все эти варианты не подходили.

– Мы сделаем гнездо из небольшого пластмассового тазика и сена. Положим в него яйца, а сверху установил лампу для обогрева. Еще нам понадобится термометр, чтобы поддерживать температуру около 37 – 38 градусов.

Так они и сделали...

Каждый день Ваня, Маша и Умка приходили к Веде, чтобы узнать, как обстоят дела. Пока дети осторожно переворачивали яйца, Умка клал морду на стол и внимательно наблюдал за процессом.

Помните, как говорилось в старых сказках: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается...» Прошло уже больше двадцати дней, а фазанята еще не вылупились. Ваню и Умку процесс переворачивания яиц уже утомил. Они всё меньше и меньше внимания уделяли яйцам, а больше игре и забавам на свежем воздухе.

И вот в один прекрасный день, когда Веда в очередной раз переворачивала яйца, она обнаружила, что у одного из них отвалился небольшой кусочек. Через несколько часов дырочка на яйце стала еще больше и появились дырочки на других яйцах. Фазанята

стремились выбраться на свежий воздух. Это не очень быстрый процесс... Только на следующий день фазанята стали появляться на свет.

После появления очередного малыша Веда перекладывала его в другой тазик, выстланный газетой, и ставила под настольную лампу, чтобы обсох. Вылупилось восемь фазанят, они сидели в тазике и жалобно пищали. Веда налила им воды и насыпала корма. Пока они еще не умеют клевать, поэтому Веда аккуратно, по одному, поила и кормила малышей: сначала опускала головку в плоскую посуду с водой, а потом в корм. На другой день малыши уже освоились и пили воду и клевали корм самостоятельно.

Пока птенцы еще маленькие, им необходимы тепло и забота. В природе этим занимается мама. Она согревает птенцов, когда холодно, кормит, учит самостоятельно искать корм. Маму фазанят заменила Веда... Первый месяц необходимо поддерживать температуру воздуха около тридцати градусов, днем и ночью горит лампа, чтобы птенцы не переохлаждались. Через месяц – переселение. Теперь малыши живут в вольере, затянутом со всех сторон сеткой, чтобы лиса или кошка не могли их съесть. Сверху нужна сетка, чтобы защитить их от орлов, ястребов и прочих хищных птиц.

Любимое лакомство фазанят – кузнечики и колорадские жуки. Ловля кузнечиков и собирание колорадских жуков – любимое занятие для Вани, а Умка пытается ему помочь.

ЗООКОМУНАЛКА

А у нас появилась еще одна рубрика! Как-то сама по себе. Мы и не думали о ней, она как будто сама о себе подумала, и вышло вполне логично. А то что же получается: взрослые есть, дети тоже представлены, а животных – нет! Ведь мы все жители одной большой коммуналки, которая называется планета Земля. И мы все здесь равны. Хотя человек и обозначил себя царем Природы, но кто здесь на самом деле царь – вопрос открытый. А мы считаем, что в этом мире нет царей и холопов. И не стоит преданность наших, как принято говорить, братьев меньших воспринимать как служение человеку. Нет, это просто любовь. Искренняя и бескорыстная! А мы, как всегда, всё понимаем по-своему.

Антуан де Сент-Экзюпери написал знаменитую фразу: «Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил». К сожалению, человек не всегда следует этому правилу. Чего не скажешь о животных. Они ведь тоже нас приручают. А потом, прирученных, берегут и любят, охраняют, позволяют ласково почесать за ушком – они же знают, как нам это нравится, – выгуливают по утрам, греют коленки, свернувшись клубочком, временами поют песенки, да что там песенки – серенады исполняют! Некоторые поговорить любят: сядут на плечо, крылья расправят и разговаривают.

А еще есть те, кто живет сам по себе. И не нужно им никаких приручений. А нужно лишь уважение и признание права на жизнь. Никому не хочется быть куском мяса. В отличие от людей, животные никого не убивают просто так, ради забавы. И красные флажки для охоты на людей не расставляют, и ради скальпа не уничтожают себе подобных.

А чем, собственно, люди отличаются от животных? Точно так же ради выживания убивают себе подобных. Иногда и не ради выживания, а просто так. Войны ведут за территорию, вожаков выбирают, в стаи сбиваются. Так в чем же отличие? Наверное, только в жестокости и изощренности методов уничтожения друг друга. Столько сил и средств тратится на то, чтобы придумать способ убить разом не одного, а миллион! Так кто из нас животное?

Почему-то, когда хотят отметить хорошие, благородные качества, то говорят: «Он настоящий человек», а если речь идет о жестокой и безжалостной личности: «Он просто животное». А нам кажется, что всё наоборот, и в пору о хорошем человеке говорить: «Он настоящее животное», а о жестоком: «Да он просто человек»!

Вот так, друзья!

Пишите в нашу рубрику рассказы о ваших питомцах и любимцах, пишите о тех, кому не повезло с хозяевами, и о тех, кто обитает в дикой природе, не нуждаясь ни в чьей опеке. В нашей «ЗооКоммуналке» для всех найдется местечко!

ЗООКОМУНАЛКА

Евгений Агуф

(МОССАЛИТ, Москва)

Хозяину в день рождения

Рано, чуть свет.
Ну зачем ты проснулся?
Там мерзопакостно – лужи и грязь.
Пес, что водил на прогулки бабусю,
Плакался мне, что приходится в пять

Каждое утро в любую погоду
Хоть ненадолго переться во двор,
«Чтобы вдыхать ароматы природы!»,
Не представляя, чем пахнет забор.

Ты бы сходил, если хочешь, в санузел,
Что перед носом трясешь поводком?
Часик еще поваляйся на пузе,
Я без тебя погуляю потом.

Что?
Извини, я забыл.
День рожденья...
Ладно, пойдем, погуляю с тобой.
Слушай, меня одолели сомненья:
Ты только с виду не старый такой?

Мне б этих лет на три жизни хватило,
Так и подохну, тебя не поняв;
Быть человеком, наверно, красиво...
Ладно, гуляй!
С днем рождения!
Гав!

ЗООКОМУНАЛКА

Ольга Грушевская

(МОССАЛИТ, Москва)

ПОЛЕТ

Мне казалось – я бегу
Полею
На не чующих травы
Лапах.
Я не помню никакой
Боли,
Смерть была – один большой
Запах.

А потом запахло медом и мятой,
Я в траву влетел по самые уши
И решил, что в новой жизни (девятой)
Буду тем же, кем и был, только лучше.

Е. Агафонова

Он посмотрел на меня и грустно улыбнулся:

– Ты уверена?

Я растерялась: уверенность, в которой я пребывала еще секунду назад, мгновенно испарилась и уступила место сомнению. Я пожала плечами и тут же отвела взгляд – он не должен видеть мои сомнения! Ну как я могла быть уверена? Конечно же нет. Я хотела схватить и прижать его к груди, наполнив вновь жизненной силой и энергией. Нет, я не была уверена! И вместе с тем я знала, что ему пора уходить. Мы оба это знали. Всё уже решено и всё уже сделано... Эх, всё ли?

Часы пробили восемь вечера, требуя поторапливаться.

– Пора, – выдавила я и поправила на его худенькой лопатке узкую лямку.

Он отвернулся и долго смотрел в открытое окно, словно хотел всё получше запомнить. Он жмурился от небесного света, отчего глаза превратились в щелочки, а зрачок – в черный штрих тонкой кисти. Потом все-таки посмотрел вниз – примерился: вдруг не получится и он начнет падать, затем еще раз вверх – оценил высоту и бескрайность неба. Я не мешала ему – оба тянули время. Сотни раз мы проигрывали этот момент в своем воображении: движения, необходимые слова, чтобы не забыть, чтобы успеть... И вот момент настал, и мы растерялись – «вокзальная немота»: поезд вот-вот должен тронуться, и нам обязательно надо успеть сказать что-то важное, хотя бы пару слов на память, но слов нет – исчезли, обесценены, а все движения – неловкие.

Он сидел на подоконнике – тонкий, как струна, слабый, как обещания взрослых, лопатки – два острых бугорка – и вдыхал свежий вечерний воздух. Май. Так много новых запахов – липковато-влажных, новорожденных.

Год назад он также сидел на этом месте – большой, тяжелый, глянцевый, иссиня-черный, плавные линии грациозного тела – неоспоримое свидетельство совершенства природы, легкий росчерк гармонии. Он с интересом наблюдал за колыханием молоденьких листьев, смешно

выгибал шею, бесконечно вытягивая ее вперед и, округляя бледно-зеленые глаза-блюдца, полные любопытства, отслеживал траекторию движения проснувшихся мушек. Год назад. Давно.

– Ты будешь скучать? – тихо спросил он, не глядя на меня, подставив нос и прищуренные глаза весеннему ветру. А может, мне это только показалось?

Но нет, железные пальцы сдавили горло, стало трудно дышать. Я пробормотала что-то похожее на «да» и тихонько провела пальцем по родному затылку – там была маленькая шишка, – я задержалась на ней и спустилась чуть ниже, вдоль гряды болезненно торчащих позвонков.

– Нет смысла тянуть, – вздохнул он и вернулся в реальность. – Не поможешь? – он наклонил голову и деловито принялся затягивать на груди тесемки – потуже. Я проверила узел, еще раз повыше натянула всё время съезжающие лямки, расправила два слипшихся перышка и, в довершение всего, поправила на спине белые крылья.

– Всё, – тихо сказала я.

– Всё, – эхом отозвался он. – Ну... я полетел.

Он встал, чуть пошатнулся и снова сел, но только на секунду, потому что тут же всё тело его напряглось и подалось вперед, задние лапы мягко оттолкнулись от подоконника, крылья вздрогнули, и он внезапно оказался в воздухе – прямо за окном, завис в стоп-кадре на долю мгновения. Интуитивно я тоже дернулась вперед, подставляя ладони, как маленькому ребенку, чтоб не упал...

Но белые крылья взмахнули – сначала чуть-чуть, неловко, а потом сильнее и увереннее, и он вдруг полетел! Выше, выше, выше!

Он полетел вверх, быстро набирая высоту и не оглядываясь. А я так и застыла с открытыми ладонями, страхуя его.

– Лети, мой родной, не бойся, ты не упадешь, – шептала я, мечтая только об одном: чтобы он не оглянулся и не вернулся, пожалев меня и навсегда застряв между небом и землей: ничто не должно было мешать его движению. Я смотрела на его худую черную фигурку, с каждой минутой удаляющуюся всё быстрее и быстрее, и восхищалась гармонией полета.

Симба поднимался всё выше и выше, и люди вскоре превратились в крохотных муравьев, деревья и дома – в разноцветные бусины, а родное окно безвозвратно затерялось далеко внизу, как и все мы, кто стоял и смотрел на него, задрав головы. Всё ушло в прошлое.

А наверху его встретили белые облака, солнце – золотая рыбка на блюде – и синьковое небо. Навстречу стремительно лились потоки свежего воздуха и мягкий золотисто-молочный свет, пахло цветами. Махая маленькими белыми крыльями и щурясь от ветра, мой черный кот летел к Мосту Радуги – мосту в тот мир, где не было боли.

– Мама, мама, смотри, – задрал голову, воскликнул маленький мальчик. – Кот с белыми крыльями!

– Где? – не поняла женщина, сосредоточенно глядя себе под ноги.

– Ты что, не видишь?! Да вон, в небе, смотри! Он летит!

– Не придумывай, это птица, – ответила женщина, не поднимая головы.

– Да нет же, смотри, он низко летит – видно!

– Низко летит – значит, к дождю, – уверено сказала женщина и деловито зашагала вперед.

ЗООКОМУНАЛКА

Ольга Дёмина

(МОССАЛИТ, Москва)

ТРЕХЦВЕТНОЕ СЧАСТЬЕ

С нами живет кошка Фроська. Она маленькая, трехцветная, беспородная и уже старенькая. Раньше у нее была тяжелая жизнь, а теперь всё наладилось: сейчас она счастлива. Три цвета шерстинок – белый, коричневый и рыжий – перемешаны у Фроськи без всякого порядка.

Белый цвет

У мамы-кошки их родилось двое: Фроська, которую тогда, конечно, не звали никак, и ее брат. Окрасом дочка пошла в маму – та тоже была трехцветной. Сынок же получился благородным красавцем: весь черный, а нос, манишка и носочки на каждой лапе белоснежные. Красавца-сыночка оставили в семье хозяев, а пеструю девочку долго пристраивали – лишь бы куда-нибудь. Наконец, нашли какого-то дальнего родственника, который согласился взять котенка. Родственник был стареньким, после смерти жены жил один, тосковал и был рад хоть какой-то живой душе в доме. Он-то и назвал котенка Фроськой.

Жили старик и Фроська хорошо. Они дружили. Старик иногда играл с кошкой, дразня конфетным фантиком на нитке. Когда зимой в квартире было особенно холодно, они спали вместе, чтобы согреться. Летом они вместе гуляли на балконе: старик сидел на табурете и наблюдал за жизнью двора, а Фроська устраивалась на картонной коробке, в которой хранился старый телевизор, и следила за воробьями. Воробьи прилетали на соседний балкон, где для них была устроена кормушка. Они истошно чирикали, дрались за пшено и очень смущали Фроську. Ей хотелось поближе посмотреть, что это за крикуны такие.

Потом старик умер. Как оказалось, у старика был сын. И квартира сына вполне устраивала. А вот Фроська ему была не нужна.

Коричневый цвет

Кошку передавали из рук в руки как эстафетную палочку – скорее бы избавиться. Нет, иногда люди, у которых Фроська оказывалась, были добры с ней. И даже любили. Но так получалось, что те, кто любил, были старенькими. Не успевала Фроська привыкнуть к новому хозяину, как он умирал. Так получалось. И снова родственники искали, кто согласится взять беспородную трехцветку.

Один из вынужденных хозяев невзлюбил Фроську: он морил ее голодом и частенько бил снятой с ноги тапочкой на резиновой подошве. Кошка пряталась целый день под диваном и только по ночам тенью скользила на кухню, чтобы проверить миску – вдруг там что-то лежит.

Вряд ли Фроська прожила бы долго у такого садиста. Умерла бы от истощения или от побоев. Спас случай. К садисту зашла по делу дальняя родственница. Она любила животных и

пришла в ужас от вида жмущегося в углу, трясущегося, заросшего колтунами существа. Родственница забрала Фроську с собой.

Рыжий цвет

Круг замкнулся. Родственница оказалась той самой хозяйкой, которая одиннадцать лет назад оставила у себя брата-красавца, а Фроську отдала в люди. Теперь они снова были вместе. Братец стал настоящим франтом: шелковая шерстка, гордо поднятая голова, благородная осанка. И звали его подобающе – Маркиз. Любимчик и баловень судьбы. Хозяин дома.

Фроську Маркиз не жаловал: гонял по всей квартире при любой возможности. Притаившись за углом, прыгал ей на спину и кусал. Но делал это не слишком часто – так, для порядка и собственной разминки.

В целом жизнь у Фроськи наладилась. У нее появились своя миска и подстилка, крыша над головой и доброжелательное отношение со стороны хозяйки. Конечно, любила хозяйка Маркиза, но сестру его не обижала и даже ругала своего красавца, когда тот был настроен особенно воинственно по отношению к трехцветной родственнице.

Не прошло и года Фроськиной спокойной жизни на новом месте, как хозяйка дома умерла. Брат и сестра остались одни в пустой квартире, и дальнейшая их судьба была никому не ясна. Родственники решили квартиру сдавать и искали жильцов, которые согласились бы взять на себя заботу о двух уже немолодых животных. Такие люди нашлись: женщина и ее сын.

Новые и старые обитатели квартиры поначалу осторожно приглядывались друг к другу, потом освоились и привыкли. А еще через какое-то время у людей и кошек случилась полная и взаимная любовь. Конечно, были свои тонкости: Маркиз назначил себе любимым человеком сына, а Фроське осталось любить взрослую женщину. Такой получился расклад: мальчики и девочки. Но это всех устраивало.

Поскольку Фроська теперь была под защитой женщины, она осмелела и иногда позволяла себе при случае вспомнить былые обиды и набрасывалась на Маркиза из-за угла, стараясь прихватить зубами заднюю лапу или хвост. Маркиз не обижался, но и случая зашипеть и шугануть сестрицу не упускал. А вот работающего пылесоса они боялись вместе: прятались под столом и сидели там бок о бок, пока уборка не заканчивалась.

Прошло три года. Однажды женщина, глядя Маркиза, почувствовала под рукой какое-то уплотнение на спине у кота. Результаты анализа и приговор ветеринара были однозначны. Операцию четырнадцатилетний Маркиз не перенес: отказало сердечко.

Фроська осталась одна. Та любовь, которая раньше распределялась на двоих животных, теперь доставалось ей одной. И она купалась в этой любви: позволяла себе капризничать; выбирала, с кем она будет сегодня спать; сердито мявкала, если с ней не сразу делились вкусеньким. Она могла лежать где захочется: и на диване, и на кресле, которое прежде принадлежало Маркизу. Могла сколько хочет греться у батареи на специально положенной там диванной подушке. Вот только бояться работающего пылесоса под столом ей приходилось теперь одной. И от этого было вдвойне страшно.

Трехцветная шерсть все-таки принесла Фроське удачу. И пусть счастливых лет в кошачьей жизни получается меньше, чем тяжелых, она все равно рада. Она благодарна судьбе.

СТОЛИК У ОКНА

*Рубрику ведет Анна Народицкая
(МОССАЛИТ, Москва)*

КАК АУКНЕТСЯ, или ПРИВЕТ ЭЙНШТЕЙНУ

Вчера волею судеб занесло меня в центр нашей столицы, в один из гламурных переулков. Покончив с делами, решила выпить кофе в модном столичном кафе. Поскольку я не бывала прежде в этом заведении, первым делом стала изучать меню. Оно меня весьма удивило и даже слегка поставило в тупик. Список столь любимого мною горького, но ароматного напитка тянулся на всю страницу, поражая сложными названиями и комбинациями вкуса. Кофе с имбирем, с ароматом ванили, с добавлением разнообразных сиропов, моккачино, фраппучино (тоже во множестве), капучино и латте! Всевозможные эспresso, с кофеином и без! Холодные айс-кофе со льдом, мороженым, печеньем и сливками! Что же заказать? Окончательно запутавшись, я подозвала официанта. Молодой и вполне довольный собой, хотя, впрочем, весьма приветливый юноша подошел к моему столику и улыбнулся:

– Вы готовы сделать заказ?

– Не совсем, я просто растерялась от такого большого выбора, – слегка смутилась я, – помогите определиться, пожалуйста. Обычно я пью американо, но сегодня хочется чего-то необычного. А какой кофе рекомендовали бы вы? Только чтобы крепкий, но не очень.

Официант снова улыбнулся и не задумываясь ответил:

– Возьмите мокко. Вкусный, необычный и относительно крепкий.

– Относительно чего? – не удержалась я и улыбнулась.

Теперь явно смутился официант, он не ожидал такого вопроса.

– Относительно других... другого, ну, в общем, остального кофе. Ну вы же понимаете!

– Я не понимаю, но несите! Попробую!

Когда юноша удалился за заказом, я внутренне похихикала. А ведь и правда, относительно чего крепкий этот самый мокко? Других сортов? Столешницы моего столика? Относительно крепкого мужчины за соседним столиком? А если бы я спросила про салат, то, вероятно, услышала бы, что он относительно вкусный? Относительно других салатов в этом кафе или похожего, но в соседней забегаловке? Любопытно! Придя в тихий восторг от собственной глубокомысленности, я продолжила размышлять на странную тему об относительности всего и вся.

Эта бредовая чехарда заполнила всю голову, и я не заметила, как принесли заказ. Глотнув густого сладкого горячего напитка, я расслабилась и продолжила свои изыскания в неизведанном, но так увлекшем меня вопросе. Сдобренные шоколадным вкусом мокко и от этого немного успокоившиеся, мои мысли потекли неспешно.

Лениво и безуспешно пытаюсь вспомнить сложные формулы и определения основной и специальной теории относительности, я с пристрастием допросила гугл и, окончательно разочаровавшись в своих научных способностях, решила применить теорию к повседневной жизни. Вот как умею, так и применю! Ну в глобальные понятия даже не стоит и залезать.

Итак, ясно, что планета относительно солнца движется, а мы этого не ощущаем, потому что мы на ней, собственно, и находимся. То есть относительно людей земля стоит на месте. Это прописные истины, и сейчас мне неинтересны. Меня интересует нечто другое. Вот например: я сейчас сижу в кафе и относительно бегущих мимо прохожих – отдыхаю. Но относительно себя – работаю! Я же думаю, размышляю, а значит, творю – соответственно что-то производю. Так, идем дальше. Относительно моего столика – я одна. Но относительно всего помещения – я в большой компании.

Ага, копнем глубже: относительно мелькающих официантов – я серьезная и задумчивая тетка, смакующая кофе. Относительно себя утренней – я в радостном настроении, почти хохочу, и вообще не тетка, а задорная девчонка! О! Становится интереснее и интереснее! А что, если применить мою новую теорию к эмоциям? Когда я чувствую себя счастливой, то это относительно чего или кого? Меня вчерашней или завтрашней? Может, я счастлива относительно соседки? Или я несчастна относительно дворника? Мы все восхищаемся красотой некоторых персон, а вот они красивы относительно кого? Других? Природы? Шаблонов красоты прошлого века? Или всё это вообще относительно в принципе, и мы все счастливы, красивы, богаты и бедны только относительно своего понятия о красоте, счастье, богатстве и бедности?

Или вот еще одно наблюдение. Я заметила, что окружающие меня люди не всегда ориентируются в пространстве, попадая в помещения, отличающиеся расположением от привычных. Например, придя в мой дом, подруга показывает рукой совершенно в противоположном направлении, говоря о каком-то конкретном месте. Сначала я не понимала почему, а потом сообразила. Она показывает так, как делала бы это у себя дома. Но моя квартира повернута в другую сторону и окна выходят не туда, куда у нее. А подруга рассуждает о местоположении относительно себя в своей же квартире, не пытаясь взглянуть на пространство относительно моих стен! Забавно, правда?

Совершенно обезумев от своих рассуждений, я опустила глаза, и мне померещилось, что на поверхности кофе в моей чашке появился портрет Эйнштейна, тот самый, с высунутым языком. Он издевается! Конечно, понять все его научные выкладки мне не под силу, но я же стараюсь. На всякий случай я в ответ показала чашке язык. Кто знает, может, мне не показалось, и я странная только относительно других, а относительно себя вполне нормальная личность, и почему бы это Альберту Эйнштейну не появиться в моей чашке?

И тут мне вспомнилось известная поговорка: «Как аукнется, так и откликнется».

– Ха! Да это же про теорию относительности! – внутренне воскликнула я. Только смысл этой фразы мы понимаем весьма однобоко, имея ввиду человеческие отношения, поступки, рефлексy. Мол, делай добро и добро получишь. Ну и соответственно наоборот. А ведь эта

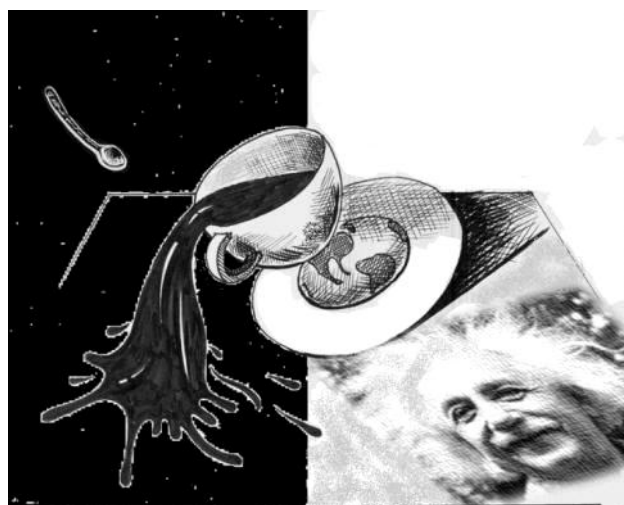

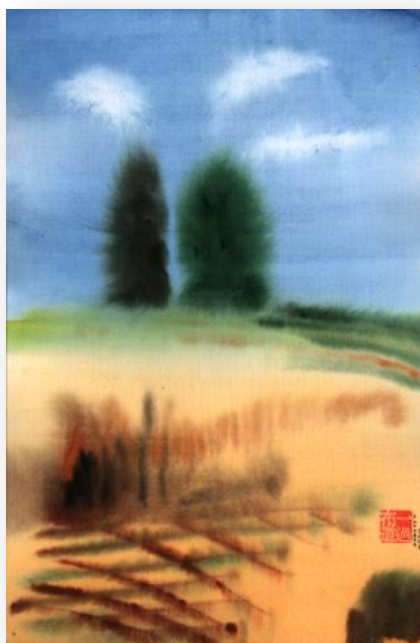
Рис. Анны Народицкой

мысль полностью включает в себя теорию относительности всего – ко всему! Сейчас поясню... (Понимаю, что мои мысли скачут и даже напрыгивают, но это только относительно вас!)

Итак, если следовать «Как аукнется...», то мой мир становится таким, каким я его представляю. То есть люди вокруг хорошие или плохие – относительно моих представлений о добре и зле. Погода приятная – относительно моего восприятия климата или того, насколько одежда подходит к данной погоде. Я могу стать счастливой в один миг только оттого, что подумала о приятном. Как думаем, так живем. Как представляем, так исполняется. Как относимся, так получаем. Как аукнется, так и откликнется! Вот и выходит, что мир вокруг нас, вся наша жизнь, становятся хуже или лучше, длиннее или короче, скуднее или насыщеннее, в зависимости от нашего представления о ней. То есть относительно нас и нашего понятия о самой жизни.

Хаос в моей голове сменился порядком и логическим завершением размышлений. Данная мне жизнь всегда такая, какой я вижу ее относительно собственного мнения о счастье, любви, удаче, богатстве и благополучии. И какая бы она ни была, она никогда не будет правильной относительно других людей, социума и чужих правил. А это значит, что прав был Эйнштейн, абсолютно всё в этом мире относительно! Я взглянула в пустую чашку и зачем-то подмигнула ей. Где-то там, в пространстве и времени, старина Альберт подмигнул мне в ответ.

Ну что ж, я относительно сыта, и кофе действительно был относительно крепким, хотя очень вкусным. Я расплатилась по счету (относительно небольшому), вышла улицу и двинулась в направлении метро. А потом передумала. Что такое какие-то полчаса относительно вечности? Погода прекрасная. Пойду-ка я пешком! Гуляя по городу, я представляла себе, как где-то высоко и далеко во Вселенной плывут загадочные планеты, двигаясь, относительно друг друга. А одна из них, голубая, наполнена миллиардами крошечных небесных тел, живущих бок о бок друг с другом. Ведь каждый из нас – это маленькая планета с индивидуальным, уникальным миром, летящая с особой скоростью относительно других планет и всей огромной и бесконечной в своих возможностях Вселенной.

Игорь Бурдонов.

*Приплыли тучки
Поглядеть, как деревья
Дождь вызывают.*

Акварель, бумага, 2005 г

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

*Алексей Казарновский
(МОССАЛИТ, Москва)*

Фото автора

ХРОНИКИ ШКИПЕРА

Родосский канал

Пищит будильник моих наручных часов. Сознание лениво всплывает из зыбкой глубины сна. Половина пятого утра. Тихо, чтобы не будить непричастных к управлению лодкой товарищей, я выползаю из каюты и поднимаюсь в кокпит. Вслед за мной появляется Александр. Оцениваем ситуацию – еще совсем темно, и маневрировать в узкой бухте среди стоящих на якорях судов будет неудобно. Надо ждать, когда день начнет накрывать нас уютным голубым куполом цвета наивной мечты и надежды. Пока же настужь распахнута тайная дверь, и ночь, подобно байроновскому Люциферу, показывает нам бездну мироздания.

До чего же торжественно и нечеловечески грандиозно, почти чудовищно, это зрелище пустоты физического вакуума с редкими вкраплениями термоядерных факелов звезд и абсолютных бездн невидимых черных дыр! Жутко становится при мысли о том, какой там диапазон расстояний, температур, давлений и плотностей. И дух захватывает от осознания экстремальности нашего существования в этой Вселенной. Мы, способные жить только при определенной температуре, гравитации, давлении и химическом составе окружающей среды, ухитряемся выживать в тонкой газовой пленке, покрывающей небольшую планету, чудом оказавшуюся на идеальном расстоянии от ближайшей звезды...

Над темной полосой безлюдного дикого берега за кормой лодки величественно сверкает Орион, перехваченный по узкой талии пояском из трех звезд. Левее и чуть ниже – ослепительный голубой огонь Сириуса. Это Большой Пес, сопровождающий Ориона на охоте. Выше – тоже яркий, но красноватый Процион в Малом Псе. Скоро вся эта компания померкнет и растворится в бездне светлеющего неба, но пока еще слабо мерцает Млечный Путь над головой, а справа по носу неподвижно замерла неяркая путеводная Полярная звезда, на которую направлен внутренний зигзаг небесного «W» Кассиопеи.

В закрытой бухте совсем тихо, лодка неподвижна на идеально гладкой воде. На соседних яхтах, отмеченных во мраке белыми стояночными огнями на топах мачт, все сладко спят – ни звука. Минут пятнадцать мы разглядываем звезды и тихо беседуем о практической астрономии. Но вот за далекими горами за заливом появляется голубоватое свечение. Земля медленно поворачивается, подставляя наш бок своей звезде. Еще несколько минут, и предрассветные сумерки начнут гасить далекие звезды, проявляя взамен реалии нашего ближнего окружения. Уже угадываются в полумраке очертания стоящих на якорях яхт и недалекого противоположного берега.

На палубе появляется Дима. Он – официально капитан нашей лодки, хотя на борту царит нехарактерная для флота демократия. Мы трое уже много лет ходим в одном экипаже, прекрасно знаем друг друга и понимаем без слов. Мериться регалиями в этих условиях было бы смешно. «Пошли?» – все кивают. Снизу поднимается слегка заспанный Леша. Он самый молодой на борту и новичок в нашей компании, но спокоен, уверен, умел и надежен, как старый член команды. Его зона ответственности – брашпиль, пульт управления которым он уже вытащил на

палубу через открытый верхний люк носовой каюты. Я ныряю в нутро лодки и на щитке возле штурманского стола включаю ходовые огни и питание приборов. Над столом загораются экран чарт-плоттера, на котором через несколько секунд после синхронизации со спутниками системы GPS появляется карта. На ней маленьким черным силуэтом показана позиция нашей лодки. Вверху появляются цифры – координаты и скорость, а на карте от силуэта лодки прочерчивается прямая линия – курс. В наши дни штурманская работа сведена к минимуму.

Дима, встав к штурвалу, запускает дизель. *Volvo Penta* начинает негромко гудеть в недрах лодки на холостом ходу. Чуть слышно плещет вода, вытекающая за борт из вторичного контура охлаждения двигателя. Звуки эти такие уютные и надежные. Кажется, лодка наша проснулась и урчит от удовольствия, предвкушая приятную прогулку по морю.

Теперь мы с Александром отдаем кормовые. Ему для этого пришлось перебраться на сушу, где веревки заданы за камни. Благо лодка стоит всего в пяти метрах от берега, который уходит в воду круто и позволяет килевой яхте подойти почти вплотную. Я принимаю концы и укладываю их в бухты, тем временем Александр возвращается на борт.

Теперь работа для Леша. Брашпиль начинает выбирать цепь, и освободившаяся от привязи лодка медленно ползет от берега к месту, где был брошен якорь. Еще несколько секунд, и Леша сообщает: «Якорь чистый!», после чего слышен характерный лязг – якорь лег на штатное место. Дима включает ход, и лодка начинает набирать скорость, уходя дальше от берега и поворачивая вправо к выходу из бухты. Через пару минут мы уже миновали узкие «ворота» и вышли в горло большого залива.

Сам залив остается по левому борту, а нам направо – в море. В ранних сумерках видны ходовые огни нескольких судов. Когда нельзя разглядеть силуэты и нет бортового радара, по огням легко определить потенциально опасное пересечение курсов. Каждое судно несет два разноцветных огня, светящих вперед, красный с левого и зеленый с правого борта. Если видишь оба – берегись, судно идет прямо на тебя! Сейчас нам виден белый огонь впереди чуть правее. Это судно уходит от нас. Оно идет в море, как и мы. А вот слева сзади – красный и зеленый огни другого судна, которое нас догоняет.

Я снова спускаюсь к штурманскому столу и определяю по чарт-плоттеру, когда и как надо корректировать курс, чтобы идти по кратчайшему и безопасному маршруту, избегая беспокойной близости незнакомого берега, островов и одновременно лишних маневров. Включаю УКВ-радиостанцию и сразу же слышу длинное сообщение на 16-м вызывном канале. Турецкий военный корабль оповещает всех о закрытии части акватории для навигации – ВМФ вышел на учения. По карте вижу, что закрытые квадраты лежат южнее нашего маршрута.

Похоже, можно сохранять намеченный курс, оставляя островок на выходе из залива по правому борту.

Вернувшись в кокпит вижу, что судно, которое нас догоняет, уже рядом. Это гулета (*gulet*). Так здесь называют традиционные парусно-моторные прогулочные суда. Название, по-видимому, сродни всем знакомому «галера». Эти суда заметно больше яхт. Длина их метров 40, а внешний вид – как у небольших парусников 19-го века. Большинство гулет двухмачтовые с бушпритами и косыми парусами, впрочем, в брюхе у каждой из них мощный дизель, и паруса они ставят редко. Бизнес не располагает к компромиссу с причудами воздушной стихии. Когда катаешь экскурсии, время – деньги. Вот и теперь гулета идет под дизелем, легко обгоняя нас совсем близко с правого борта, а потом вдруг резко сбрасывает ход. «Он мне что-то кричал», – сообщает Дима, указывая на гулету. И тут же снова ожила УКВ-радиостанция: «Парусная лодка, я с правого борта от вас! Ответьте!». Несмотря на неопределенность вызова, понятно, что это гулета вызывает нас. Я возвращаюсь к штурманскому столу и беру микрофон: «Здесь парусная лодка, прием!» – «Военные корабли вышли на учения и просят всех держаться ближе к берегу!» – «Мы уже приняли предупреждение и меняем курс! Спасибо!» – «Не за что!»

Я слышу, как гулета газует под нашим бортом и сквозь стекло иллюминатора вижу, как она в сиреновом предрабассветном свете, набирая скорость, уходит вперед. На 16-м канале опять шумно. Упорно повторяется одно и то же: «Парусная лодка! Парусная лодка! Это турецкий военный корабль! Ответьте!». Ну, на этот раз это не нам, поблизости никаких военных кораблей не видно. Военные, похоже, пытаются прогнать каких-то бестолковых яхтсменов из района своих учений. Затем опять следует подробное оповещение о закрытии части акватории для навигации.

Курс мы все-таки меняем, прижимаемся к побережью. Для нас это лишние мили пути вдоль вогнутости берега, но лучше держаться подальше от военных игр. «На горизонте восемь миноносцев!» – сообщает Дима. Я выглядываю наружу и вижу вдаль с левого борта, где и должен быть район учений, силуэты больших военных кораблей.

Лодку уже заметно качает на зыби, которая осталась в открытом море от недавнего шторма. Мы глушим дизель и ставим паруса. Пока мотор работал, казалось, что его не слышно, но как только он замолчал, звуковая картина резко меняется. Будто невидимый звукорежиссер добавил уровень и «дал крупным планом» естественный природный шумовой фон – шелест ветра и плеск волны, разбивающейся о борт лодки. Кажется, и сама лодка почувствовала себя увереннее. Характер качки изменился. Паруса уже не дают ей вздрагивать в такт мелкой волне. Прекратились дрожь и болтание.

Теперь она не спеша, вальяжно и плавно, раскачивается крупной составляющей волнения. В трех милях справа суровый гористый, пока еще затененный берег, из-за которого справа сзади от нас уже выскочило солнце. Оно быстро полезет вверх и скоро осветит склоны, поднявшись над морем, зальет своим сиянием ландшафт древней Ликии, и вместе с испарениями горячей земли, кажется, задрожат в воздухе туманные образы – не то миражи, не то грезы... И будет всё как в еще не написанном мной стихотворении.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Это Ликия, Ликия, Ликия,
И сквозь древних преданий вуаль
Не увижу ль туманные лики я
В облаках, уплывающих вдаль?

Взгляд скользит через сосен прозрачные кроны
До далекой изломанной линии гор,
Что, темнея за морем лазурно-зеленым,
Прочертила бездонный небесный простор.

Там в объятьях Тэнгри дремлет томная Гея
В нежном запахе хвои горячей сосны.
Их блаженный покой потревожить не смея,
Ветер с моря приносит прозрачные сны.

В этих снах караваны, идущие с юга,
В этих снах корабли из далекой земли,
И неведомой Скифии зимняя выюга,
И загадочной Нубии знойные дни.

Эти сны про античность мне видятся тоже,
И видения в мареве знойном дрожат,
И раскинуло море гигантское ложе.
Тюрк и эллинка в неге на нем возлежат.

Это Ликия, Ликия, Ликия,
И сквозь древних преданий вуаль
Не увижу ль туманные лики я
В облаках, уплывающих вдаль?

Ветер, как и положено по закону Мерфи, почти встречный. Значит, придется лавировать. Сначала мы движемся к берегу, подставляя левый борт ветру под острым углом, затем, когда до берега остается мили полторы, меняем галс, выполняя поворот, и идем от берега снова под острым углом к ветру, но уже подставив ему правый борт. Так мы уходим мили на три в море и опять делаем поворот. В конечном итоге это позволяет нам медленно продвигаться в нужном направлении, обманывая ветер, который мстит тем, что кажется сильнее, чем есть на самом деле, поскольку для нас к его скорости отчасти прибавляется скорость лодки.

Яхта кренится под напором воздушной струи, сталкивающейся с парусами и стекающей с их задних кромок. Упираясь длинным плоским килем в толщу воды, она скользит будто по невидимой плоскости, обнажив с наветренной стороны белый борт с синей ватерлинией. Как это выглядит со стороны, нам демонстрируют несколько яхт и катамаранов, бороздящих море в обозримом пространстве. Впрочем, катамараны практически не кренятся, тут я хватил...

При каждом повороте лодка переваливается с одного бока на другой. Не дай бог, внутри что-то не убрано, не закреплено, не привязано. В лучшем случае потом будешь искать по всему судну, в худшем – разобьется, прольется, рассыплется. Море учит порядку в мелочах.

Тем временем солнце давно поднялось и уже жарит нещадно. От жары в какой-то степени защищает тент, натянутый над кормовой частью лодки, но и он сам нагревается и излучает тепло. Дабы облегчить участь команды, Дима работает по совместительству банщиком. Приговаривая: «Каждый член экипажа имеет право на четыре ведра», он поливает всех желающих морской водой. Омовение проходит на транце, где удобно черпать воду за кормой, и откуда, будучи вылита на голову омываемого, вода беспрепятственно возвращается в море. На траверзе входа в бухту, в которой гнездится ВМФ, распугавший сегодня поутру весь мелкий флот, мы вдруг видим в паре миль между нами и берегом рубку и часть корпуса подводной лодки. Это смертоносное творение имеет весьма соответствующий его сути глубокий черный цвет (по-видимому, цвет резины, которой покрыт корпус) и угрожающе плавные формы. Подлодка идет на базу, гоня перед собой невысокий белый бурун.

Близится полдень, и на борту воцаряется атмосфера ожидания и предвкушения. Желудок упорно напоминает о себе. Однако сначала я должен «принять погоду». Прогноз на ближайшие 24 часа для Эгейского, Ионического морей и восточной части Средиземного передает пока еще невидимый, но уже не далекий Родос. Приятный, хотя и изрядно искаженный радиоканалом женский голос скороговоркой сообщает, что штормового предупреждения нет, в нашем районе ветер – четыре до пяти, север-северо-запад.

И вот наконец на столе в кокпите под тентом появляются крупные бурые острые оливки в большой стеклянной банке, огромный кроваво-красный сладкий перец, мягкий острый местный сыр, пышный батон хлеба, бутылка местного же вина, такого же красного, как перец... А на десерт у нас есть еще дыня и персики. Всю эту роскошь позавчера доставил нам прямо на причал хозяин супермаркета в Калкане, откуда началось плавание. Этот молодой здоровенный парень с наголо бритой головой имел несколько угрожающую внешность. Выглядел он настолько колоритно, что Дима тут же прозвал его «абреком», а я вспомнил толстовского Хаджи-Мурата. При этом он был в меру услужлив, мил и дружелюбен, как и положено торговцу. «Я же бизнесмен!» – произнес он с ослепительной улыбкой, записывая под диктовку продукты, которые нам были нужны. Что-то мы нашли сразу на прилавках его небольшого супермаркета, а что-то он потом закупил специально по нашему заказу. Весь товар приехал час спустя вместе с ним самим в микроавтобусе прямо к транцу нашей лодки. После разгрузки и расплаты Дима не преминул на память сфотографироваться с «абреком» в обнимку. Теперь его продукты пожирались со сладострастием. Перец и сыр окунались в оливковое масло, закусывались пряными оливками и пышным хлебом, запивались терпким вином... На душу снизошло умиротворение, а на тело – расслабление...

До сих пор лодка не требовала особого управления. От поворота до поворота автопилот держит курс, и рулевому надо только этот курс правильно выставить, чтобы не «зарезаться» – не поставить лодку слишком круто к ветру (это чревато потерей хода и самопроизвольным поворотом). И только во время каждого поворота надо недолго работать с парусами, чтобы

дать стакселью перейти на другой борт и зафиксировать его в нужном положении с помощью шкота, лебедки и стопора. Звучит команда: «Поворот!», трещит храповик, и пестрым удавом по лебедке ползет шкот, обвивая ее блестящую поверхность. Он тащит упирающийся под напором ветра стаксель, а сам шкот тянет кто-нибудь из нас. Грот переходит на другой галс сам, и тут главное – не подставлять голову под перелетающий с борта на борт металлический гик, на котором растянута нижняя шкаторина (край) паруса. Всё это продолжается несколько секунд, и снова на борту воцаряется благостная курортная атмосфера.

Женщины, не участвующие в управлении лодкой, устроились на палубе ближе к носу, как на пляже, предавшись опасному занятию – загару на ветру. Даже повороты не помеха – если ты лежишь, то стаксель проходит над тобой. А если забраться на самый нос и пристроиться на релинге, чуть свесившись вперед, то возникает волшебное ощущение плавного полета над поверхностью воды. Вся лодка у тебя за спиной, ты ее не видишь, и может показаться, что ее вообще нет. В «Титанике» у Кэмерона есть такая сцена...

После обеда мы замечаем, что на поверхности моря появляются белые барашки. Значит, сила ветра превысила три балла. Волнение становится заметнее, и наш еще не «прикачанный» экипаж начинает страдать от морской болезни. Кое-кто уже успел разок перегнуться за борт – покормить Ихтиандра. Лучшее, что можно сделать в этой ситуации – лечь в горизонтальное положение, расслабиться и не шевелиться. Кочующие из книги в книгу рекомендации быть на свежем воздухе, заняться делом, встать к штурвалу хороши только при самых слабых симптомах. Их, по-видимому, сочиняют старые мореходы, которых самих уже давно по-настоящему не укачивает. Если началась рвота, физические упражнения могут только усугубить проявления болезни.

К счастью, не все выведены из строя. Дима и Александр, кажется, вообще не чувствуют недомогания, мне же оказалось достаточно прилечь минут на сорок, после чего все неприятные ощущения прошли. Когда я оказался первый раз в море на маленьком судне, морская болезнь не проходила почти целый месяц. «Прикачаться» удалось только за пару дней до окончания плавания. Было это шестнадцать лет назад. Удивительно, но организм долго и надежно помнит полученные уроки. С тех пор я достаточно быстро приспосабливаюсь к качке, несмотря на длительные перерывы в морской практике.

Вдали уже проступает сквозь влажную дымку темный силуэт Родоса. Мы входим в Родосский канал. Так называется относительно узкий проход (миль пятнадцать в ширину) между Родосом и Карианским побережьем Турции. Пару лет назад я смотрел с Родоса на это побережье. Освещенное солнцем, оно было как на ладони. Теперь меня поражает «асимметрия видимости» – Родос практически не виден, только темный туманный силуэт. Впрочем, всё естественно и объяснимо – солнце светит с юга и мы смотрим на остров против света.

Управление яхтой требует теперь больше сил и внимания. Усилившийся ветер (Родосский канал – узкая труба) сильно кренит лодку. Метровые волны, разбиваясь о борт, время от времени обдают нас брызгами, которые на разгоряченном теле кажутся холодными. На носу уже, конечно, никто не загорает. На поворотах наш большой генуэзский стаксель с

такой силой рвет шкоты, что с ним не только трудно справиться, но и возникают опасения по поводу его прочности. Мы частично закручиваем его, чтобы уменьшить нагрузку и крен.

Появилась еще одна неприятная особенность – ветер заметно меняет направление в зависимости от расстояния до берега, да так затейливо, что мы по большей части идем почти перпендикулярно береговой линии. Только в довольно узкой полосе получается выгодный галс, позволяющий сколько-нибудь заметно продвигаться по генеральному курсу. Надо либо часто делать повороты, стараясь держаться в этой полосе, либо попытаться уйти подальше в море, в расчете преодолеть оставшееся до намеченной стоянки расстояние одним длинным обратным галсом. Попутно отмечаем, что на волнении наша яхта не позволяет идти круче 40 градусов к ветру.

Недалеко еще несколько яхт пробиваются против ветра. Кто-то неспортивно сбросил паруса и идет под мотором, а кто-то продолжает спор со стихией. Обращает на себя внимание яхта, несущая французский флаг, которая ловко и эффективно маневрирует под парусами совсем недалеко от нас. Некоторое время мы следим за ней, затем, после очередного поворота, она уходит далеко в море в направлении Родоса и практически теряется из вида. Мы продолжаем елозить туда-сюда короткими галсам, однако это всё больше и больше надоедает. До Серче Лимани осталось каких-нибудь полторы мили, но такими темпами идти до него еще часа два. Наступив на горло собственному самолюбию, сбрасываем паруса, запускаем мотор и прижимаемся к берегу. За небольшим мысом береговая линия образует слабо выраженную бухту, на дальней – западной – стороне которой должен быть вход в Серче Лимани. Сверяюсь с чарт-плоттером, увеличив масштаб карты до предела, – идем точно на вход. Теперь вижу впереди характерного насыщенного темного цвета скалу, справа от которой должно быть горло бухты.

Я еще не знаю, что через несколько минут, маневрируя в узкой бухте, мы намотаем на винт буйреп (проще говоря, веревку, которой буй, отмечающий место стоянки, привязан к мертвому якорю) и, чтобы его распутать, придется сорок минут нырять под лодку. В процессе освобождения состоится знакомство с «хозяином берега» Хасаном, который днем помогает швартоваться приходящим яхтам, а вечерами обслуживает гостей в своем ресторане. В этом самом ресторане – единственном строении на пустынном берегу Серче Лимани – и завершится для нас день. Там будет великолепная свежая жареная рыба, хорошее вино, восточные танцы и песни под гитару в нашем исполнении...

Пищит будильник моих наручных часов. Сознание лениво всплывает из зыбкой глубины сна. Я открываю глаза. В комнате полутьма. Половина восьмого утра. За окном унылая безжизненность подмосковного декабря – холод, мрак, голые деревья во дворе соседнего дома и темная земля, чуть припорошенная ненадежным снегом...

«Ночь, улица, фонарь, аптека, // Бессмысленный и тусклый свет...» Всего три месяца назад мир был огромным, теплым, уютным и радостным, и имя ему было Праздник, но вот он изменился до неузнаваемости – зима, удушающий стресс противоестественной городской тесноты, нарастающая усталость, тоска по утраченному раю... Какое счастье, что где-то глубоко на грани сознания горит слабый теплый огонек надежды – всё еще вернется, всё еще повторится, еще многое впереди...

Московский Салон Литераторов (МОССАЛИТ)

www.mossalit.ru

mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ, 2017